

**УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 8

Екатеринбург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

№ 8

Древние и средневековые культуры Урала
в евразийском культурном пространстве

Издательство «Академкнига»
Екатеринбург
2002

ББК 63.3(2Р36)

У 68

УДК 947(470.5)

У68 Уральский исторический вестник. № 8 (Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве). — Екатеринбург: «Академкнига», 2002. — 224 с.

ISBN 5-93472-090-2

Хронологические рамки проблем, рассматриваемых в статьях вестника, охватывают период от эпохи мезолита до XVIII века. Статьи посвящены изучению наиболее актуальных проблем этнокультурной истории Урала и сопредельных территорий Евразии в древности и средневековье. Публикуемые материалы рассматриваются на междисциплинарном уровне, на стыке археологии с историей, этнографией, фольклористикой и искусствоведением. Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся далеким прошлым Урала

Главный редактор

академик РАН В.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Е.Т. Артемов; д.и.н. В.С. Балакин; д.и.н. А.В. Головнев;
к.и.н. К.И. Зубков; д.и.н. К.И. Куликов; д.и.н. Б.В. Личман;
д.и.н. Г.Е. Корнилов; к.и.н. И.Л. Манькова;
к.и.н. М.Ю. Нечаева (ответственный секретарь);
к.и.н. И.В. Побережников (зам. главного редактора);
д.и.н. С.П. Постников; к.и.н. А.Ф. Сметанин;
д.и.н. А.В. Сперанский; д.и.н. Г.Н. Чагин;
к.и.н. А.Т. Шашков; д.и.н. А.Ф. Шорин

Ответственный за выпуск: к.и.н. С.Ф. Кокшаров

ISBN 5-93472-090-2

© УрО РАН, Институт истории и археологии, 2002
© Оформление. Издательство «Академкнига», 2002

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Очередной выпуск Уральского исторического вестника, подготовленный археологами и этнографами академических и вузовских учреждений гг. Екатеринбурга, Москвы и Новосибирска посвящен рассмотрению различных аспектов древней и средневековой истории Урала и прилегающих к нему территорий Северной Евразии. Хронологические рамки затронутых сюжетов в сборнике охватывают широкий период — от эпохи мезолита по XVIII в. Многие работы выполнены на междисциплинарном уровне, с привлечением данных смежных гуманитарных наук: истории, фольклористики, искусствоведения. Это позволяет исследователям ставить и успешно решать так называемые «сквозные» темы, не замыкаясь на частных вопросах, поднимать новые интересные проблемы, которые выводят научную мысль на более высокие горизонты познания.

Сборник открывают этнографы. В статье А.В. Головнева анализируются проблемы, связанные с легендарной страной Бъярмией (Бъярмаланд), которая помещается средневековыми авторами на Русском Севере. Читатели знакомятся с представлениями норманнов о пространстве и населении этой страны, увидят паутину путей викингов в Северо-Восточной Европе и ключевые позиции Альдейгьюборга (Ладоги) на перекрестке Волжского, Днепровского и Бъярмийского путей, роль норманнов-ладожан в освоении Русского Севера. В работе дано представление о характере отношений норманнов с северными народами, их восприятие культов и магии Севера. Объектом исследования Е.В. Переваловой выбрана одна из групп таежных угров — северные ханты. На основании данных фольклора автор прослеживает пути миграций угров в Нижнеобской регион из Приуралья и среднетаежного Приобья. Хотя фольклорные материалы и не дают сколько-нибудь точных датировок, восстановление последовательности характеризуемых переселенческих потоков возможно лишь по соподчиненности сюжетов, их сопоставимости с историческими событиями (например, походами воинов Коды) или по косвенным указаниям на их древность.

На основе мировых фольклорных и этнографических материалов (в том числе и урало-сибирских) представляет свою версию появления священных мест на земле В.Ф. Кернер. По ее мнению, они тесно связаны с идеей происхождения и воспроизведения жизни. Выделяются два этапа в появлении святилищ, обусловленные лидирующими позициями в древних обществах сначала женщин, а затем мужчин. Это обусловило, в итоге, соответствующую специфику данных памятников.

Рассмотрению и обсуждению информации, запечатленной в специфических археологических источниках, посвящены статьи археологов. В работах В.Д. Викторовой и Г.В. Бельтиковой анализируются связи иткульского очага металлургии с широким кругом культур Камско-Обского междуречья. Здесь же приведены сведения, отражающие мастерство и миронимание уральских металлургов начала раннего железного века.

Интересно исследование В.Н. Широкова, в котором впервые публикуются материалы уральских писаниц, отражающих тему медведя как в образной, так и в знаковой форме. Помимо изображений характеризуются костные остатки этого животного, обнаруженные вблизи некоторых декорированных скальных плоскостей.

Сравнительный анализ композиций и вещественных остатков у писаниц с этнографическими и фольклорными материалами, главным образом, обских угров, позволяет автору предложить версии содержания и назначения этих памятников, создававшихся от завершающих этапов каменного века до эпохи железа включительно.

В статьях Ю.Б. Серикова и А.Ф. Шорина рассмотрены проблемы контактов между отдельными группами населения, проживавшего в уральском регионе в эпоху мезолита и в бронзовом веке. А.Ф. Шорин анализирует процессы образования и взаимодействия в Уральском регионе основных археологических культур и общностей: сибирской, андроновской, черкаскульской, саргатской, межевской, бархатовской и т.д., отражающих определенные этапы становления и контактов народов индоевропейской (индоиранской) и финно-угорской языковых семей. Подчеркивается существенная роль уральского населения в исторических процессах в эпоху бронзы в центральной части Северной Евразии.

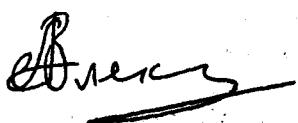
Традиционно в поле зрения исследователей оказываются особенности древних производств. Обработка древесины и изготовления из нее домашней утвари древним населением, обитавшим по берегам уральских озер, большая часть которых ныне затоплена (Шигирский и Горбуновский торфяники, в частности), являются предметом изучения С.Н. Погорелова. Другое перспективное направление - использование трасологического метода в изучении кожевенного производства у древнего и современного коренного населения Ямала — успешно реализуется в публикации Н.А. Алексашенко.

В поле зрения уральских археологов остаются объекты, относящиеся к промышленной археологии. Статья Е.А. Курлаева посвящена историко-археологическому исследованию Шувакишского частного железоделательного завода (1705-1716 гг.), остатки которого обнаружены в окрестностях Екатеринбурга. Это - первый основанный за Уралом сырьедутный завод, использовавший энергию воды. На основе нового исторического и археологического материала анализируются тенденции совершенствования и технические изменения конструкции плавильной печи в XVII-XIX вв.

Читатели увидят в издании традиционную рубрику «В помощь преподавателю ВУЗа и школы», подготовленную Д.А. Рединым и С.В. Горшковым — историками из Уральского госуниверситета — по материалам учебно-методического пособия по региональной истории для старшеклассников Ханты-Мансийского автономного округа. В рубрике «Научная жизнь» помещены рецензии на книги, подготовленные сотрудниками Института или написанные при их участии.

Выход данного вестника приурочен к проведению международного Северного археологического конгресса, который состоится в сентябре 2002 г. в г. Ханты-Мансийске. Составители надеются, что круг поднятых и рассмотренных в нем проблем заинтересует не только российских, но и их зарубежных читателей.

Главный редактор
академик РАН В.В. Алексеев

СТАТЬИ

А.В. Головнёв

БЬЯРМИЯ: НЕОКОНЧЕННАЯ САГА О КРАЙНЕЙ ЗЕМЛЕ

В истории Руси/России есть сюжеты, на которых стоит клеймо вечной гипотезы. Особенно мистичен историографический облик Северной Руси, где бродит призрак норманизма, где «варяжская легенда» перекликается с известиями о могущественной Ладоге, бескрайних владениях Новгорода и загадочной стране Бьярмии. Между тем в последние десятилетия к диалогу русских летописей и исландских саг присоединился голос археологии, и вместе они воссоздают полотно истории, на котором Север выглядит не окраиной, а узлом культурных и политических связей общерусского и международного значения.

Традиционный для официальной историографии южноцентристский подход не располагает к пристальному изучению северной арены русского этногенеза, включающей Финноскандию и Беломорье. С завидным постоянством и долей лукавства северные сюжеты преподносятся в тоне дискуссии, а не изложения фактов, и тем самым выводятся за рамки фундаментального знания. Однако привычный историографический макияж уже не способен затенить ярких археологических открытий в Ладоге, Новгороде, Городище, Гнёздове, Тимирёве, на озере Неро и Белоозере, и заново встают ключевые вопросы древнерусской истории: Почему именно с Севера был открыт, в числе прочих, Балто-Понтийский торговый путь, на котором выросла Древняя Русь? Почему Север оказался очагом военно-политической экспансии, приведшей к падению Хазарии и переподчинению зависимых от нее славянских земель русским князьям?

Взгляд с Ладоги отличен от взгляда с Киевских холмов не только географически, но и методологически, поскольку предполагает иной этнокультурный контекст оценки событий и интерпретации источников. Для Севера скандинавская сага оказывается не только повестью о происшедшем, но и смысловым ключом его толкования. Выраженная в ней позиция норманна сама по себе была исторической реальностью и ведущей идеологией той эпохи, в которой рождалась Северная Русь. Та же позиция представляется этнографически корректной и в отношении Бьярмии, входившей в орбиту странствий и завоеваний викингов IX–XIII вв.

Путь Оттара

Халогаландец Оттар мог быть не первым, кто сумел пройти в обход Норд-капа из Норвегии в Баренцево море, но его имя открывает письменную историю северного мореплавания. Рассказ Оттара, посетившего Англию в годы правления Альфреда Великого (872–899), настолько впечатлил ангlosаксонского короля, что

тот не преминул дополнить им перевод «Истории» Павла Орозия¹. В изложении Альфреда плавание Оттара (*Ohthere*)² из Халогаланда³ продолжалось пятнадцать дней: вначале на север «так далеко, как заплывают только охотники на китов», затем на восток и к югу вдоль «пустынной земли» терфиннов с редкими стоянками рыбаков, птицеловов и охотников до устья большой реки, которая «вела внутрь земли». Встреченные там Оттаром туземцы бъярмы (*Beormas*)⁴ говорили на языке, близком к финскому (саамскому). Через некоторое время после первой поездки Оттар вновь отправился в Бъярмию для охоты на моржей [2, с. 20–25].

Путь Оттара вдоль Кольского берега до Горла Белого моря легко наносится на карту, однако в идентификации «большой реки» и, следовательно, расположении земли бъярмов, определенности нет. А. Тальгрен полагал, что река, у устья которой закончилось путешествие Оттара, «должна быть где-то на Кольском полуострове; он не пересекал открытое море» [5, с. 101]. Эта «большая река» могла быть Стрельной, Варзугой или Умбой [2, с. 24–25, 30–31; 4, с. 132; 6, с. 46–47; 7, с. 30]. По наблюдению Г.В. Глазыриной, выражение «большая река» (*an micel eá*) могло означать Горло Белого моря (англосаксонское слово *eá* имеет широкое поле значений: «водный поток», «текущее», «река»), и путь Оттара мог завершиться где-то на юге Колы, например, Терском берегу Белого моря, не продолжаясь до Кандалакшской губы [3, с. 38–40].

К.Ф. Тиандер видел в «большой реке» Северную Двину при ее впадении в Двинский залив Белого моря, а местом расселения бъярмов считал, соответственно, правобережье Северной Двины [8, с. 55; см. также 9, с. 46–48].

В исландских сагах представлены сюжеты, позволяющие соотнести Бъярмию (*Bjarmaland*) с рекой Виной (*Vina*). Таковы описания битвы Эйрика Кровавая Секира по *Care об Эгиле*, битвы Харальда Серая Шкура по висе скальда Глума Гейрасона, «Красивой коже» и «Хеймскрингле», истории ограбления капища бъярмийского бога Иомали в сагах об Олаве Святом, о Хальви, о Боси, о Стурлауге, об Одде Стреле [10, с. 11]. Название *Vina* в древнескандинавской традиции относилось к Северной Двине (*Viena* в финском языке).

Правда, Т. Н. Джаксон [4, с. 134–135] считает связку Бъярмия—*Vina* нововведением исландского скальда Глума Гейрасона (*Glumr Geirason*), которому стали вторить другие сказители; между тем, в скальдике понятие *Vina* выступает и в качестве метафорического обозначения реки вообще⁵.

¹ Павел Орозий (*Orosius Paulus*, ум. в 417 г.), испанский священник, автор «Истории против язычников» (*Historiarum adversus paganos*), написанной приблизительно в 410–417 гг. На английский язык «Историю» перевел англосаксонский король Альфред Великий в 890–893 гг., включив в нее ряд дополнений, в том числе «Плавание» (*Periplus*) халогаланда Оттара [1].

² Имя *Ohthere* (англосаксонский вариант древнеисландского *Ottar*) означает «наводящий ужас на войско» [2, с. 28].

³ Халогаланд — северная область Норвегии, граничащая на севере с Финнмарком (стар. Финнмёрк), на юге — с Наумудалем.

⁴ Др.-исл. *Bjartmar* соответствует др.-англ. *Beormas* [3, с. 97]. В висах скальдов упоминаются *bjarmiskar kindir* — «племена бъярмов» [4, с. 108].

⁵ Например, *Vina* как метафорическая река встречается в висах скальдов Х. в. Эгиля Скаллагримсона и Эйнара Скалагламма [4, с. 87].

Для Оттара и его соотечественников «Большая река» — *ap micel ea* или *Vina* — своего рода береговой знак Бьярмии, точка завершения морского путешествия. Таких знаков в Беломорье могло быть несколько, по числу крупных рек. Рискну даже предположить, что у каждого северного купца-морехода была «своя Бьярмия» — определенный круг торговых партнеров и знакомых селений, как это всегда водилось за торговцами. Итinerарий отдельного плавания не следует путать с географическим трактатом, а берег высадки команды викингов — с пространством страны, которую они называли Бьярмиеи.

Скандинавские географические сочинения рисуют Бьярмию в ином масштабе, используя в качестве ориентира не реку, а океан (называемый, правда, «северным заливом» — *septentrionalis sinus*). «История Норвегии» (ок. 1200 г.) упоминает мореходов, унесенных на пути из Исландии в Норвегию в северный морозный край (*plaga brumalis*), к земле, что лежит между Гренландией и Бьярмиеи [11, с. 75]. Сходящимися друг с другом на далеком севере представляет Гренландию и Бьярмию исландский географический трактат «Описание Земли I» (ок. 1170—1190 гг.) [12, с. 79]. Как видно, скандинавы судили лишь о ближайших границах Бьярмии и Гренландии, не претендую на описание дальних рубежей этих огромных неизведанных стран.

Подобная традиция сохранялась в средневековой географии Европы до XVII в. На «Морской карте» 1539 г. Олауса Магнуса Бьярмия показана на Кольском полуострове граничащей на западе со Скрисфинией, на юге — с Лапландией, а на востоке — уходящей за рамку карты. И в «Истории северных народов»⁶ Олаус Магнус описывает Бьярмию как безграничную арктическую страну [13, с. 46]:

Бьярмия — северная область, зенитом которой служит сам Северный полюс, а ее горизонт составляет равноденний и равноощущенный круг, который, разрезая и разделяя Зодиак на две равные части, делает так, что половина года составляет там один день, а другая — ночь; таким образом, год в этой стране длится один естественный день.

Безграницность Бьярмии сочетается с представлением о нескольких Бьярмиях: Саксон Грамматик говорит о Дальней Бьярмии (*Biautmia ulterior*), в «Истории Норвегии» упомянуты «те и другие бьярмы»⁷. Олаус Магнус тоже различает Ближнюю и Дальнюю Бьярмии: Ближняя покрыта высокими горами и вечными

⁶ Большую часть сведений о Бьярмии Олаус Магнус, очевидно, почерпнул из «Истории Данов» Саксона Грамматика, напечатанной в Париже в 1514 г. Западноевропейские картографы XVI в. Меркатор и Ортелий вслед за Олаусом Магнусом помещали Бьярнию (Биарнию) в центральной части Кольского полуострова [13, с. 45—46]. Примечательно, что за минувшие со временем викингов четыре века европейцы ни на шаг не продвинулись в познании Севера Евразии.

⁷ Фраза из «Истории Норвегии» «*Kiriali et Kwæni cornuti Finni ac utrique Biarmopes*» [11, с. 75] переводится как «кирьялы и квены, рогатые финны, и те и другие бьярмы». Латинский синтаксис позволяет понять часть фразы о бьярмах и как продолжение перечня племен, и как пояснение к предыдущей части фразы. В последнем случае кирьялы, квены и рогатые финны причисляются автором текста к бьярмам [3, с. 42].

снегами, она препятствует проникновению европейцев в Дальнюю Бъярмию, которую населяют племена оленеводов, охотников и рыболовов [13, с. 46–47].

Версия о двух Бъярмиях⁸, по мнению Т.Н. Джаксон, снимает разнотечения в географии и помогает разобраться, например, в событиях Саги о Хальвдане Эйстейнссоне, когда в одном случае Бъярмия располагается к югу от Белого моря (у Кирьялботнара — Заонежья), в другом — к северу [4, с. 132–134]. Продолжая эту логику, при чтении Саги о Хаконе Хаконарсоне можно ощутить присутствие некоей третьей, восточной, Бъярмии, подвергшейся набегу татар⁹.

Восточная Прибалтика, Кольский полуостров, Карелия, Верхнее Поволжье, Подвінье, Прикамье, Волжская Булгария — неполная панорама гипотетически отводимых для Бъярмии областей Северо-Восточной Европы. Судя по всему, давняя мечта исследователей приколоть Бъярмию к определенной точке на карте не исполняется. И дело не в том, что Альфред недопонял Оттара или запутались в деталях исландские сказители — для норманнов Бъярмия начиналась там, где завершалась освоенный ими морской северо-восточный путь, а заканчивалась где-то за пределами обитаемой земли, куда сходились пределы других необитаемых земель.

Крайняя Земля

К.Ф. Тиандер и Д.В. Бубрих выдвинули не исключающие друг друга версии этимологии *Vjärtaland* из древнескандинавского **berm-*, **barm-* (**Berema*, **Berma*) — «край», «борт», «береговая полоса» [8, с. 67] и прибалтийско-финского *perä-taa* — «задняя земля», «земля за рубежом» [15, с. 28]. Для викингов «Бъярмия» — и берег, у которого они бросали якорь, и начинающаяся с этого берега земля. «Край» или «рубеж» в этом случае определял значимую для мореходов границу между морскими и речными путями на Северо-Востоке. Можно также допустить, что в эпоху викингов у жителей Северной Европы бытовал *lingua franca* (наподобие поморско-норвежского *toja rå tuoja*), в котором название «Крайней земли» было общепринятым.

Бъярмия не упоминается в русских летописях, за исключением Иоакимовской (где названа «Бъярмия или Корелия») [16, с. 108, 249], хотя о плате дани Бъярмии Рюси свидетельствуют средневековые исландские географы в «Описании Земли I» и «Грипле» [12, с. 81, 159]. По-видимому, ладожане и новгородцы унаследовали

⁸ Картину симметричного расположения двух Бъярмий к югу и северу от Белого моря соответствует представлению о двух Квенландах в «Описании Земли I». Два Квенланда разделены Ботническим заливом Балтийского моря (квенами назывались финны северного побережья Ботнического залива), а две Бъярмии — Белым морем и его Кандалакшским заливом [4, с. 133–134].

⁹ К конунгу Хакону «пришло много бъярмов, которые бежали с востока от войны татар, и окрестил он их и дал им фьорд, который зовется Малангро» [2, с. 31–32]. Е.А. Мельникова полагает, что описываемые в саге события произошли около 1253 г. [12, с. 91]. И.П. Шаскольский допускает, что героями этого исторического эпизода могли быть карелы [14, с. 39]. Однако, принимая во внимание географию северной кампании Батыя, более реалистичным представляется исход беглецов из Ярославского Поволжья или Белоозера.

восточные даннические области норманнов, а заодно и понятие «Бъярмия» в форме «Пермь» (Перемь, Перымь), которое значится в самом раннем списке данников Верхней Руси [17, стб. 11]. По наблюдению В.Н. Татищева [16, с. 426], первое известие о Перми содержится в Степенной книге и датируется 967 г.

Своих ближайших восточных соседей норманны определяли конкретными этонимами, а за пределом северо-восточного морского хода начиналась земля, обитатели которой обобщенно именовались бъярмами. Новгородцам изначальный смысл «Бъярмии» как рубежа между морскими и речными путями был чужд — их стихией были реки и волоки, связывавшие Волхов с северо-восточными данническими областями. На месте обширной «Бъярмии» новгородцы различали отдельные народы, хотя трудно сказать, какие из первоначального списка их данников прежде звались бъярмами — Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Печера? Некоторые из этих народов-областей все же сохранили имя «Бъярмия» (Пермь), возможно потому, что их особенно часто посещали и описывали в своих рассказах викинги.

Норманнская Бъярмия начиналась в Беломорье — здесь и отмечены новгородскими источниками две «Перми». На юге Колы находилась известная по договорным грамотам Новгорода 1264 и 1304—05 гг. волость Колоперемь (Голоперьмь) — «Кольская Пермь» [19, с. 24—29; 20, с. 55; 4, с. 134]. В Заволочье, на Северной Двине, располагалась другая Пермь — со временем ее часть получила имя Перми Вычегодской или Старой Перми.

С XIV в. в русских источниках (Троицкой летописи под 1321 г.) появляется третья Пермь — Великая или Чусовая, которую трудно представить в орбите постоянных странствий викингов (впрочем, совсем неподалеку проходил освоенный норманнами с IX в. Балто-Волжский путь). В данном случае название могло распространиться по признаку этнического подобия от коми-зырян (Перми Старой) на коми-пермяков (Пермь Чусовую). Новгородцы в какой-то мере продолжили норманскую традицию наименования дальних восточных рубежей своих владений «Крайней землей»: по мере их движения к Уралу отступала на восток и «Пермь»; начался этот путь с Беломорья, а закончился в Приуралье; в той же последовательности прежние «крайние земли» — Колопермь, Старая Пермь — теряли свои устаревшие имена.

В.Н. Татищев в XVIII в. по неостывшим следам описал смену названий на Вычегде: прежде Пермью именовался народ, живший «от реки Вычегды до гор Поясных между Печоры и вотяков», ныне так зовется народ, живущий «по Каме, Вишере и Чусовой, главныи грады Кунгур, Соль Камская и Чердынь»; Пермь Вычегодская известна теперь под именем зырян, которые «прежде с Перми за одно почитаны», «и сих Зырян уже весьма малая часть, ибо по принятии крестения, имяtem тем гнувшаясь, русскими зовутся и язык сарматский по большей части забыли» [16, с. 425—427].

Соотнесение пермских народов и бъярмов вызывает предположения о проживании в прошлом предков коми западнее их исторической территории [21, с. 83]. Этим же оправдывается поиск этимологии названия Бъярмии/Перми в коми языке. В.Н. Татищев, оспаривая предложенное Ф. Страленбергом отождествление Пермь~Бъярмь (Бъярмия), утверждал, что в «сарматском» (коми) языке нет звука «Б», и «Пермь» следует выводить из коми «периама» (вольная

земля, республика) или «убеурма-пеурма» (земля оленей) [16, с. 283, 427]. Позднее распространилась этимология «Перми-Бъярмии» из коми *парма* — «тайга» [20, с. 197]. Дополнительным указанием на связь коми с бъярмами может служить предложенная А. Шёгреном и поддержанная А.К. Матвеевым этимология этнонима «зыряне» от прибалтийско-финской основы **süjä* «край, сторона» [см. 22, с. 57]. В этом случае «зыряне» и «бъярмы» — одни и те же «жители края» по разным версиям одной и той же прибалтийско-финской традиции.

Самым ярким в этой серии сопоставлений представляется наблюдение К. Вилкуны о созвучии *bjatt-* с известным в восточно-финских диалектах словом *permi* (бродячий торговец): странствующими купцами в IX–XIII вв. могли быть предки коми, подвизавшиеся в роли посредников на оживленных торговых путях между Скандинавией и Поволжьем [23, с. 64–93]. Эта версия заслуживает пристального внимания, правда, не для этимологии названия «Бъярмия», а для объяснения специфических черт культуры коми-зырян, заслуживших своей предприимчивостью прозвище «северные евреи». Очевидно, слово бъярм приобрело у прибалтийских финнов нарицательный смысл «бродячего торговца» благодаря заметному участию жителей «Крайней земли» в международной торговле.

Звания прямых наследников бъярмов обычно удостаиваются карелы и коми [см. 24, с. 337; 25, с. 4]. Если, с долей условности, пополнить список летописными именами чуди, веси, мери, печеры, а также обитавших на арктических берегах Восточной Европы лопи (саами) и самояди (ненцев), то придется согласиться с авторами, располагающими Бъярмию на обширном пространстве «от Урала до Белого моря» [21, с. 197] и считающими этноним бъярмы «общим термином, использовавшимся скандинавами по отношению к ряду народов Русского Севера» [3, с. 97].

Северное кольцо

Археология показывает заметное оживление северных берегов Норвегии в эпоху викингов [26, с. 243]. Морская торговля была источником богатства халогаландцев: кожи, меха, моржовый клык, гагачий пух, приобретенные у финнов и бъярмов, обменивались на европейских рынках на вино, мед, одежду. Стремление конунгов Норвегии установить контроль над северным путем наталкивалось на противодействие хёвдингов¹⁰ Халогаланда, которые продолжали вести морские операции даже после введения королевской монополии на торговлю кожами и пушниной к северу от Бениесунда [27].

В годы плавания Оттара норвежцы не только много путешествовали, но и чаще обычного покидали обжитые места, отправляясь в недавно открытую Исландию, на Оркнейские и Фарерские острова, в Нормандию или глухие области Ямталанд и Хельсингъяланд. Правитель Вестфольда конунг Харальд Косматый, названный позднее Прекрасноволосым (*hárfagrt*)¹¹, следуя примеру Горма Датского и Эйрика Шведского, победоносно объединил страну, и «все его самые могуще-

¹⁰ Höfingi — вождь, военачальник — представитель знати, рангом ниже конунга.

¹¹ Период правления в Норвегии Харальда Прекрасноволосого, по разным оценкам, приходится на 860–880 — 931–933 гг.

ственными враги погибли, а некоторые бежали из страны, и таких было очень много, ибо тогда заселялось много пустынных земель» [28, с. 52]. В то время, вероятно, сложился описанный в исландской «Книге о взятии земли» (*Landátabók*) обычай перед отплытием из Норвегии рушить дом и брать на корабль «домовой столб», а при приближении к Исландии бросать его в море и выходить на берег там, куда его прибывают волны [12, с. 84].

Судя по тому, как Оттар был принят в стране бьяромов и английском королевстве, он был одним из хёвдингов Халогаланда и не мог стоять в стороне от политических событий. Однако он ни словом не обмолвился о конунге Харальде (если только его рассказ не сократил недолюбливавший викингов король Альфред). Между тем, Большая сага об Олаве Трюгтвасоне (в рукописи *Flateyjarbok*) упоминает о том, что конунг Харальд Прекрасноволосый послал Хаука Длинные Чулки «на север в Бьярмаланд, чтобы добыть меха» [4, с. 136]. По-видимому, Оттар и Хаук представляли на рубеже IX–X вв. соперничавшие за контроль над северным морским путем партии северных хёвдингов и норвежского конунга.

Путь в Бьярмию Оттара, Хаука и других норвежских мореходов начинался из Халогаланда и проходил вдоль берегов Финнмарка. В «Описание Земли I» (рукописи AM 736 I, 4°) сказано: «К северу от Норвегии — Финнмарк. Там земля поворачивает на северо-восток и дальше на восток, пока не доходит до Бьярмаланда» [12, с. 81]. Этот «финский» путь вел в Бьярмию с севера.

Существовал и восточный, «шведский», путь из Скандинавии в Бьярмию. По «Пряди о Хауке Длинные Чулки» известно, что шведский конунг Эйрик, прослышиав о рейде Хаука в Бьярмию, поспешил послать туда своего викинга Бьёрна, который прошел в Бьярмию через Балтийское море [8]. В Саге о Хервёре и конунге Хейдреке упоминается берсерк Арнгрим, совершивший поход Восточным путем (*Austrvergr*) в Бьярмаланд [3, с. 41]. О восточном пути¹² повествует и Саксон Грамматик в IX книге «Истории данов»: узнав о подготовке данов к восточному походу, бьяромы вознесли к небесам магические заклинания, вследствие чего выход кораблей в море был задержан бешеными грозами, затем даны мучались от жгучей жары, и, наконец, многих унесла болезнь [29, с. 286].

В то же время, вероятно, случились события, описанные в Саге о Стурлауге Трудолюбивом. Первый поход Стурлауга в Бьярмию начался из норвежской области Наумдаль и проходил по северному морскому пути до устья реки *Vina* [3, с. 153, 184].

Готовятся они отплыть и продвигаются вдоль фьорда. Аки сказал: «Я думаю, что никогда прежде мне не был нужен попутный ветер так, как сейчас». Тут тотчас подул попутный ветер, и плыли они до тех пор, пока не приплыли к Бьярмаланду и дальше по реке Вине.

Получив титул конунга и «большое государство» в Свиарики (Швеции), Стурлауг совершил второй поход в Бьярмию. На сей раз путь Стурлауга, скорее всего, начинался в Швеции, продолжался по Балтийскому морю в Финский

¹² Балтийское море называлось Эйstrasалт (*Eystrasalt*, где *eystri* — сравнительная степень прилагательного *aistr* — восток, *salt* — море) — «Более Восточное море» [3, с. 96].

залив, по Неве в Ладожское озеро и оттуда в Бъярмию. Примечательно, что в рассказе об этом рейде не упомянута река *Vina*, которая в описаниях походов в Бъярмию по северному морскому пути обычно является конечным пунктом [3, с. 157–159, 187].

Одним летом объявляет Стурлауг о том, что хочет отправиться в Бъярмаланд. Собирает он тогда большое войско... Сжигают и палят они все [в Бъярмаланде], что могут, и совершают одно злодеяние за другим. Раундолльв, конунг бъярмов, узнал об этом и собирает тотчас войско, но было у него, однако, мало людей. И тотчас, как они встретились, завязалась у них тяжелейшая битва и жесточайшие бои... А закончилась эта битва тем, что там пал конунг Раундолльв, а с ним и много воинов. А после этого великого деяния подчинил себе Стурлауг весь Бъярмаланд.

Стурлауг явно не первым из викингов стал конунгом Бъярмии — его предшественник Раундолльв, судя по имени, тоже был норманном. Создается впечатление, что Бъярмия на рубеже IX–X вв. была ареной соперничества викингов севера и юга Скандинавии. Северный «финский» и восточный «шведский» пути замкнулись на Бъярмии в кольцо. В драпе (поэме) скальда Глума Гейрасона о Харальде Серая Шкура (*Gráfeldardrápa*, ок. 970 г.) Бъярмия отнесена уже к «востоку» [30, с. 29]:

Покоритель королей, дерзновенный в словах, окрасил кровью свой меч на востоке (*austr*), к северу от горящего селения, где я видел бегущих бъярмов; учредитель договоров среди людей стяжал славу в этом походе, юный конунг, в битве на берегу Двины.

Море, по которому шел путь из Норвегии на север, именовалось *Candvik*. В «Описании Земли I» Гандвик дважды назван северной границей Норвегии [12, с. 78]. В Саге об Олаве Святом (по «Красивой коже») говорится о том, что конунг Олав «подчинил себе всю Норвегию с востока от [Гаут]-Эльва и на север до Гандвика» [4, с. 88]. Представление о *Candvik* исландцев выражено в висе скальда Эйольва (Сага о Кнютлингах) по поводу известия о намерении датского конунга Харальда Синезубого совершить набег на Исландию¹³:

Давайте будем сражаться сильно и окрасим оружие в красный цвет; здесь в старой туманной земле Гандвика мы будем готовы встретить сына Горма; возможно, будет тяжелая битва.

В рассказах о Бъярмии *Candvik* оказывается Белым морем, с чем связана спорная, но популярная его этимология от финского *Kantalahti* (Кандалакшская губа Белого моря), где *kanta* (фин. ‘база’) сочетается, соответственно, со староскандинавским *-vik* или финским *-lahti* (залив) [31, с. 429; 32, с. 155; 4, с. 133; 26, с. 238]. Такое толкование отвечает представлению о Ледовитом океане как

¹³ Виса (*Lausavisa*) скальда Эйольва, сына Вальгерда, сочинена около 976 г. [4, с. 87].

заливе (*sinus Septentrionale*) и о берегах Бъярмии как тупике этого залива. Однако не менее основательна этимология *Candvik* из староскандинавского: *gandr* (колдовство) и *vik* (залив). Следуя логике К.Ф. Тиандера [8, с. 73, 76], писавшего о первоначально широком (Ледовитый океан), а затем суженном (Белое море) значении *Candvik*, можно допустить первичность скандинавской этимологии и ее последующую финскую адаптацию. Эволюция термина сопоставима с историей названия Бъярмии, локализованного по мере установления постоянных путей викингов на север и восток.

Сходным образом прослеживается развитие понятия *Austrvergt* (Восточный путь). В древнейших сагах (например, в Перечне Инглингов скальда Тьодольва из Хвинира) Восточный путь включал в себя Швецию — «близкий восток» относительно Норвегии [4, с. 92]. Первые королевские саги «Хеймскринглы» среди Восточных стран (*Austlond*) называют прежде других Страну Эстов (*Eystland*). С течением времени *Austrvergt* углублялся все дальше на восток, и Сага об Олаве Трюгтвасоне в перечне Восточных Странах упоминает Гардаики (Русь).

Последние вояжи викингов в Бъярмию проходили по северному кольцу через Гандвик и Балтику. Исландские анналы под 1222 г. и Сага о Хаконе Хаконарсоне (ок. 1265 г.) повествуют о поездке в Бъярмию норвежского купца Хельги Богрангссона (северным путем). Хельги остался в Бъярмии на зимовку, а один из его спутников по имени Эгмунд отправился на юг в Гардаики и добрался до Сузdalской земли (*Sudrgalarig*). Здесь его настигла весть о расправе бъярмов над Хельги, и Эгмунд вернулся в Норвегию через Новгород (восточным путем). С целью мести за Хельги в Бъярмию совершили рейд Андрес Ремень Щита и Ивар из Утвика (северным путем). Оканчивая рассказ, исландский книжник отметил, что отныне поездки норманнов в Бъярмию прекратились [4, с. 137; 26, с. 243–244; 3, с. 37–38].

Викинги с легкостью преодолевали огромные расстояния по морям. У речных порогов и волоков морские кочевники останавливались, меняли морские суда на речные, создавали перевалочные базы и зимовья. Для прохода по северному кольцу мореплаватель должен был часть пути, от Балтики до Гандвика, преодолеть на речном судне, пройти на лыжах или проехать на санях (нарте, кережке). По восточному пути викинги могли дойти на морских судах из Балтики по Неве до Ладоги. По северному пути они из Гандвика входили в Двинский залив и устье Двины. Для дальнейшего движения в обоих случаях им приходилось строить речные суда и дробить дружины, оставляя часть людей стеречь корабли. От Ладоги к Двине вели пути через Онегу и р. Емца, через Белоозеро и р. Вага, через Белоозеро и р. Сухона. В своих колониях на Ладоге и Белом озере, как на Днепре и Волге, норманны обустраивались надолго, а иногда, судя по упорядоченно расположенным захоронениям, навсегда.

В устье Двины викинги могли бросить якорь у мыса среди «островов Вины», как повествует Сага об Одде Стреле; К.Ф. Тиандер полагал, что «такой мыс имеется на том месте, где теперь г. Архангельск, именно Пур-Наволок» [8, с. 117]. Они могли пройти вверх по Двине, если собирались зимовать в Бъярмии, как купец Хельги. Торжище бъярмов (*kaupstadf*), посещенное Ториром Хундом и его спутниками (по Саге об Олаве Святом) нередко соотносится с

местом, где позднее вырос северорусский город Холмогоры [33, с. 32]. Лишь археология может дать ответ, существовала ли постоянная перевалочная база норманнов на Северной Двине. Относительно Ладоги ответ уже дан: созданная здесь в середине VIII в. колония викингов превратилась в крупный торговый и политический центр, именуемый в скандинавских сагах *Aldeigjuborg*¹⁴.

Каприз княжны Ингигерд

Северное кольцо осталось бы эпизодом в странствиях скандинавов, не будь оно частью грандиозной паутины путей, свитой викингами на восточноевропейском пространстве от Балтики и Гандвика до Черного, Азовского и Каспийского морей. Старая Ладога была ключом от Балто-Понтийского (по Днепру) и Балто-Каспийского (по Волге) путей. Как заметила Е.А. Рыдзевская [35, с. 51, 64] и ярко показал Е.Н. Носов [36, с. 188–190; 37, с. 160], с середины VIII в. Ладога служила перевалочной базой викингов на перекрестке двух великих путей, причем восточный (волжский) был освоен по меньшей мере на полвека раньше южного (днепровского).

В Старую Ладогу вел и третий, Балто-Беломорский, путь. В эпоху викингов от ладожского перекрестка начинались речные дороги на юг «в Греки», на восток «в Арабы» и на север «в Бъярмы».

Норманны обосновались в Ладоге за столетие до призвания Рюрика с братьями (862 г.). Вероятно, в то время их колония была открытым поселением наподобие скандинавского вика. Позднее Ладога, ставшая яблоком раздора среди викингов, превратилась в крепость: летописные братья-варяги «срубиша город Ладогу, и седе в Ладозе старой Рюрик» [38, с. 16]. Примерно к тем же годам относятся известия исландских саг о войнах между норманнами за обладание Ладогой [3, с. 51–53].

В то время правил Альдейгьюборгом конунг по имени Хергейр; он был преклонного возраста. Его жену звали Игерд; она была дочерью конунга Хлёдвера из Гаутланда. Ее братьями были Сигмунд, который был впередсмотрящим на судне конунга Харальда Прекрасноволосого... Конунг Эйстейн со своим войском подошел теперь к Альдейгьюборгу; конунг Хергейр противостоял ему малой силой.

Хергейр пал в бою, и конунг Эйстейн сделал предложение его вдове Игерд: «Ты выйдешь за меня замуж и отдашь все государство в мою власть» [3, с. 53]. В дальнейшем сын Эйстейна конунг Хальвдан еще раз распорядился рукой и сердцем королевы Игерд. На этот раз она досталась союзнику Хальвдана ярлу Скули [3, с. 85].

Тогда сказал Хальвдан: «Теперь так сложилось, что все эти земли подчинены мне. Поэтому я теперь разъясню вам, как я собираюсь

¹⁴ Скандинавское *Aldeigja* (+*borg*), вероятнее всего, произошло от финского **Alode-jogi* (Нижняя река), на его основе сложилось и русское Ладога [34, с. 396].

распорядиться. Я отдаю ярлу Скули королеву Игерд и то государство, которым она владеет здесь в Гардарики».

За Ладогу сражались викинги-мужчины, но не раз, только стихали бои, судьбу города и государства вершила женская рука. От образа ладожской долгожительницы княгини Игерд веет спокойствием на фоне калейдоскопического мелькания конунгов Хергейра, Эйстейна, Хальвдана, Сигмунда и ярла Скули. Кроме них, в борьбе за Альдейгьюборг участвовали конунги Ингвар¹⁵ и Стурлаут, ярлы Франмар и Эйрик¹⁶. Ко времени рейда ярла Эйрика Ладога принадлежала князю Владимиру Святославичу (конунгу Вальдамару Старому) [28, с. 153].

Осенью Эйрик ярл вернулся в Швецию и оставался там следующую зиму. А весной снарядил свое войско и затем поплыл в Восточные Страны. Когда он приплыл во владения Вальдамара конунга, он стал воевать и убивать людей, и жечь жилье всюду, где он проходил, и опустошал страну. Он приплыл к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял город. Там он перебил много народа и разрушил и сжег весь город. После этого он прошел по Гардарики, разоряя страну... Всего Эйрик провел в этом походе пять лет.

Вряд ли Ладога была «фамильным владением первых Рюриковичей», как полагает А.Н. Кирпичников [39, с. 55]. Время от времени город доставался Рюриковичам, но ничуть не реже он оказывался в руках других скандинавских конунгов и ярлов. Ладога оставалась крупным стратегическим центром даже на фоне расцветающего Новгорода (*Hólmgarðr*). Здесь кроется разгадка чудаеств еще одной (после Игерд) вершительницы судеб Ладоги — дочери шведского короля Олава Ингигерд, ставшей женой князя Ярослава Мудрого (конунга Ярицлейва).

Отклонив попытки сватовства к Ингигерд норвежского короля Олава Толстого (Святого), шведский конунг Олав принял послов Ярослава из Новгорода и подтвердил годичной давности обещание выдать Ингигерд за русского князя [28, с. 234–235].

Олав конунг сказал об этом Ингигерд и заявил, что он хочет, чтобы она вышла замуж за Ярицлейва конунга. Она отвечает: «Если я выйду замуж за Ярицлейва конунга, то я хочу получить от него как вено все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг». Послы из Гардарики согласились от имени своего конунга. Тогда Ингигерд сказала: «Если я поеду на восток в Гардарики, я возьму с собой из Швеции человека, который мне покажется наиболее подходящим для того, чтобы поехать со мной»... Тогда конунг спросил Ингигерд, кто же этот человек, которого она хочет взять с собой. Она отвечает: «Этот человек Рёгнвальд ярл сын Ульва, мой родич». Конунг говорит: «Не так я думал отплатить Рёгнвальду ярлу за измену своему конунгу, ведь он уехал в Норвегию с моей дочерью и отдал ее в наложницы

¹⁵ Конунга Ингвара иногда соотносят с князем Игорем Рюриковичем, хотя, согласно саге, Ингвар погиб в бою с конунгом Стурлаутом, а не древлянами [3, с. 171].

¹⁶ Викинги норвежского ярла Эйрика Хаконарссона сожгли Альдейгьюборг в 997 г. [35, с. 51, 64].

толстяку¹⁷, хотя знал, что он наш злейший враг. Я его за это повешу этим же летом»... Уступая ее просьбам, конунг сказал, что он отпускает Рёгнвальда, и пусть он уезжает из Швеции и никогда не возвращается назад и не попадается ему на глаза, пока он, Олав, будет конунгом.

В брачном сговоре шведского короля и новгородского князя исследователи видят рост международного авторитета Руси, но считают нужным оговориться о «служебной роли Ладожского ярлства». Княжна Ингигерд полагала иначе. С большой долей риска она затребовала Ладогу в вено и получила в качестве свадебного дара то, что ее предки завоевывали мечом. И выбор союзника-ярла был обусловлен не только давними симпатиями и родством¹⁸. Рёгнвальд был ярлом шведской области Гаутланд, откуда происходила правительница Ладоги прежних лет княгиня Игерд. Ставка на Ладогу оправдала себя в том, что восточная резиденция викингов продолжала оставаться укрытием и трамплином политических реваншей для целой плеяды конунгов: из Ладоги отправился в свою последнюю битву за Норвегию Олав Толстый; отсюда громил поляков и возвращался на норвежский престол его брат Харальд Суровый; через Ладогу уезжал на родину сын Олава, воспитанник Ингигерд и Ярослава, юный норвежский король Магнус; сын ладожского ярла Рёгнвальда Стенкиль стал королем Швеции¹⁹.

«Служебная роль» Ладоги выразилась и в становлении Русского Севера. Еще при княгине Игерд между Ладогой и Бъярмиею существовали устойчивые связи. Викинги, проигрывавшие борьбу за Ладогу, укрывались в Бъярмии, а победители совершали походы в Бъярмию и утверждали там свою власть. Выше приводился фрагмент Саги о Стурлауге, повествующий о гибели конунга бъярмов Раундольва и подчинении Бъярмии конунгу Стурлаугу. При княгине Игерд Бъярмия оставалась одной из основных арен военно-политических игр викингов-ладожан. Там скрывались противники конунга Хальвдана [3, с. 71].

Ульвкель Сниллинг в бою спасся бегством. Он добрался до берега с пятнадцатью воинами, но потерял все остальное войско. Он стал выяснять, где находился Ульв, его брат, и узнал, что он в Бъярмаланде. Отправился он тогда к нему. Харек звался тот конунг, который там правил; его дочь звали Эдню. Ульв посватался к ней, но конунг не хотел отдавать ее замуж; тогда Ульв начал грабить в его стране... И закончилось тем, что Ульв получил Эдню, и стали братья охранять Бъярмаланд.

В дальнейшем, когда конунг бъярмов Харек, Ульв Злой и Ульвкель Сниллинг отправились «в Кирьялаботны воевать», конунг Хальвдан выступил в защиту Кирьялаботны [3, с. 73, 83].

¹⁷ Дочь Олава Шётконунга Астрид (от вендки-наложницы) помимо воли отца стала женой норвежского конунга Олава Толстого. «Брак уводом» с Астрид стал для Олава Толстого слабым утешением после оскорбительного отказа Олава Шётконунга выдать за него любимую дочь Ингигерд. В дальнейшем судьба еще раз сведет Олава норвежского и Ингигерд в Гардарики.

¹⁸ Рёгнвальд Ульвссон и Ингигерд были детьми родных сестер [40, с. 119].

¹⁹ После гибели сыновей Олава Шётконунга Стенкиль был избран конунгом Швеции и стал основателем новой королевской династии [41, с. 206].

Вслед за тем был у Хальвдана тинг²⁰ с жителями этой земли [Кирьялботны], и решили так, что военный поход в Бьярмаланд должен состояться через месяц. Люди одобрили его и пришли в Бьярмаланд, и был ярл Скули там в походе. Там не было сильного сопротивления [со стороны бьярмов]. Подчинили они себе всю страну. Эдню, дочь Харека, Хальвдан взял в свою власть... После этого собирается Хальвдан оттуда домой в Альдейгьюборг. Всего он отсутствовал пять зим; там люди приветствовали его.

Возвращавшегося Хальвдана встретил «оборонявший Гардаики» брат княгини Игерд конунг Сигмунд. В Альдейгьюборге собрался тинг, на котором Хальвдан держал речь, начавшуюся словами: «Вот провел я в Аустревеге шестнадцать зим». Далее конунг объявил о передаче власти в Ладоге ярлу Скули и продолжал: «Я теперь имею в своей власти Бьярмаланд и Эдню, дочь конунга Харека. Это государство, а также девушку я отдаю Сигмунду, если они оба того пожелают». В «Пряди о Вале» следует дополняется фразой о возвращении героев «домой»: «Хальвдан и Сигмунд отправились теперь домой в Бьярмаланд, и остался Сигмунд там в своем государстве, а Хальвдан ушел в Норег, и о нем есть большая сага» [3, с. 83–85, 89].

Сказитель сбивается, называя домом Хальвдана то Ладогу, то Бьярнию, то упоминая его отчий дом — Норвегию. Конунг имел основания считать своим домом край, вернее путь (*Austrvergr* — Восточный путь), где прошли шестнадцать зим его жизни. Его домом стала и Бьярмия, которую он покорил и передал во власть Сигмунду. Оттуда, из устья Двины, Хальвдан, скорее всего, и вернулся в Норвегию — северным «финским» путем.

Освоение норманнами пространства Северо-Восточной Европы выражалось в создании ими цепи колоний — подобий Ладоги. На расходившихся от Ладоги путях возникали перевалочные базы-вики, превращавшиеся со временем в города (гарды, *garðr*). На Южном пути ближайшей новой колонией стал Новгород (Хольмгард), отдаленной — Гнёздово. На Восточном пути ключевые гарды располагались у оз. Неро под Ростовом Великим, у Тимирёва в Ярославском Поволжье и на Белоозере²¹. Политическая связь Бьярмии с Ладогой (стратегическим центром Гардов) делает понятным сообщение «Грипты» и «Описания Земли I» (рукописи АМ 736 I, 4°) о том, что бьярмы платят дань конунгу Гардаики [12, с. 81, 158–159].

На скрещении Восточного и Северного путей, Белом озере, вырос «гард», служивший северо-восточным форпостом норманнов. Его значение подчеркнуто варяжской легендой, по которой Синеус сел на княжение на Белом озере²²; по преданию, на северном берегу озера был построен город «против биармийцев» [46, с. 57]. Отсюда по рекам Бьярмии расходились нити торговых связей и политического влияния норманнов.

²⁰ Сход, вече.

²¹ Городища с очевидными признаками норманнского присутствия появляются на Восточном пути в IX в. [42, с. 124–187; 43, с. 68–192; 36, с. 188; 44, с. 206].

²² Летописец Кирилло-Белозерского монастыря XVI в. приводит белозерское предание о поселении Синеуса на северном берегу Белого озера: «Синеус сиде у нас на Киснеме» [45, с. 53].

В событиях неоднократно цитировавшейся Саги о Хальвдане Эйстенссоне участвует Ульвкелль Сниллинг, бывший в милости у конунга Эйстейна и ставший соперником Хальвдана. Конунг Эйстейн, распределяя после победы над Хергейром ладожские владения, дал Ульвкеллю титул ярла, «а в управление — Алаборг и то государство, которое к нему относится» [3, с. 59]. Брат Улькелля Ульв скрывался в Бьярмии, а позднее оба брата в союзе с конунгом Бьярмии Хареком сражались с Хальвданом. Примечательно, что в ходе событий ярл Алаборга Ульвкелль всякий раз оказывается где-то на полпути между Ладогой и Бьярмией.

Исследователи полагают, что Алаборг (Alaborg) мог находиться к востоку от Ладоги в пространстве от восточного Приладожья до Онеги и Белого моря. Е.А. Рыдзевская [47, с. 62–65] соотносит его с Городищем на р. Сясь, Г.В. Глазырина [48, с. 200–208; 3, с. 100] — с одним из селений (Олонец) в низовьях р. Олонки на восточном берегу Ладоги. В обоих случаях главным мотивом аргументации выступает очевидная по Саге о Хальвдане связь между Альдейгьюборгом и Алаборгом в рамках единого ярлства. Однако подобная связь устанавливается и в отношении Ладоги с Бьярмией — например, в эпизоде распределения Хальвданом вновь завоеванных владений. Норманинский стиль «тесной связи» отнюдь не предполагал плотное соседство, напротив, целесообразность города (*borg*) как центра прилегающего к нему государства (*ríki*) состояла именно в его особой роли на перекрестке дальних путей. Алаборг явно не был пригородом Ладоги и по стратегической значимости соответствовал позиции Белоозера.

«Зерно исторической правды» в исландских описаниях пути «из северного Приладожья по Онеге и Северной Двине к Белому морю» (Альдейгьюборг—Бьярмаланд) заметила Е.А. Рыдзевская, допуская, правда, что путь этот был проложен не викингами, а «карелами и новгородцами» [47, с. 64; 35, с. 85]. Особую и самостоятельную роль Ладоги в освоении Севера обосновывал А.Н. Насонов [49, с. 70, 79–80, 93, 113, 115].

В свое время стратегическое значение Альдейгьюборга в Северо-Восточной Европе было очевидно для княжны Ингигерд [28, с. 235].

Ингигерд конунгова жена пожаловала Рёнгвальду ярлу Альдейгьюборг, и он стал ярлом всей той области. Рёнгвальд ярл правил там долго, и о нем ходила добрая слава. Сыновьями ярла и Ингибьёрг были Ульв ярл и Эйлис ярл.

Ставленник Ингигерд ярл Рёнгвальд и его наследники сыграли заметную роль в освоении Русского Севера. Русские летописи, скрупульно отзывающиеся на северные события, все же упоминают один из рейдов ладожских яров: в 1032 г. Улеб совершил поход к Железным Вратам: «Ярослав поча города ставити по Ръси. И тогда же Улеб иде на Железные Врата из Новгорода и вспять мало их приде» [50, с. 116].

С.М. Соловьев рассчитал, что если Рёнгвальд принял Ладожское ярлство приблизительно в 1020 г., то летописным Улебом мог быть его сын Ульф (Ульв²³), а Железными Вратами в то время назывался городок на Сысоле,

²³ Имя Ульв (Ulfr) было широко распространено в Скандинавии в средние века; оно употреблялось и в качестве прозвища — «Волк» [3, с. 96].

притоке Вычегды, в 80 верстах к югу от Усть-Сысольска²⁴. М.И. Белов полагал, что Ульв совершил морской поход из Белого моря к проливу Карские Ворота, называвшемуся в древности Железными Вратами [51, с. 3–4, 65].

Спор между сторонниками морской и речной версий похода Ульва будет продолжаться вечно, разгораясь с каждой новой археологической находкой IX–XI вв. северорусского происхождения в Арктике и Субарктике Приуралья. В традициях норманнов он мог состояться и морским путем, и по рекам и волокам Верхнего Подвина. Ульв удостоился упоминания в хронике, однако нет оснований венчать его лаврами первопроходца — ладожский ярл, подобно конунгам Хальвдану и Стурлаугу, совершил обычный для викингов-ладожан рейд по Бьярмии.

Викинг с саамским лицом

Портрет кровожадного викинга долгое время облегчал идеологическое обоснование положительной роли христианства, смирившего, наконец, нрав северных разбойников. Успехи норманнов в колонизации различных стан Европы объяснялись преимущественно со ссылкой на их ратную доблесть. Однако устрашающий вид викинга сочетался с умением наладить партнерство, в том числе торговое, тем более устойчивое, чем ближе по природно-культурным характеристикам была осваиваемая среда.

Оттар поведал Альфреду Великому о своем пристрастии к оленеводству и детально описал доверительные отношения с финнами (саами Финнмёрка) [2, с. 21–25]:

[Оттару] принадлежало шестьсот прирученных оленей, которых он не покупал. Этих оленей они называют ‘hranas’; были еще шесть ‘stælhranas’ — они очень ценятся у финнов, так как с их помощью они заманивают диких оленей. Он был в числе первых людей этой страны: хотя у него было всего двадцать голов крупного скота и двадцать овец и двадцать свиней; а то немногое, что он пахал, он пахал на лошадях. Но доход его состоит в основном из податей, которые платят ему финны. Эта подать состоит из оленевых шкур, и из птичьих перьев, и из моржовой кости, и из канатов, сделанных из моржовой кожи, и из тюленей. Каждый платит согласно его происхождению. Самый знатный должен платить пятнадцатью шкурками куниц и пятью ездовыми оленями, и одной медвежьей шкурой, и десятью мерами пера, и шубой из медвежьей шкуры или шкуры выдры, и двумя канатами, каждый по шестьдесят локтей длиной, один, сделанный из моржовой кожи, другой — из тюленей.

В словах Оттара можно уловить степень близости к саами и их культуре, позволяющей ему, норманну, заниматься оленеводством. Можно, напротив, обратить внимание на вторую часть рассказа и упрекнуть Оттара в эксплуатации

²⁴ С. М. Соловьев опирался на летописи, а также сообщение А. Шёгрена о том, что к югу от Усть-Сысольска, у села Водча, находится городище, называемое по-зырянски *Карил* (городской холм); местное предание и теперь называет это место Железными Воротами [41, с. 206].

наивных оленеводов и звероловов. Избирательность второго типа с лихвой вознаграждается поиском иллюстраций в сагах. Например, в Саге об Олаве Святом упоминается хёвдинг Халогаланда Харек, который «был самым уважаемым человеком в Халогаланде..., долго собирая подать с финнов и был наместником конунга в Финнмёрке» [28, с. 252]. В Саге об Этиле описывается движение норманнских войск вглубь саамских земель для сбора дани — skattir [25, с. 6]. Подать, упоминаемая Оттаром и Сагой об Эгиле, обычно считается прообразом известной позднее «финской дани» (finnskatt). Эта произвольная аналогия привела многих исследователей к убеждению, что «раннесредневековые саами были мирными охотниками и рыболовами, которых жестоко эксплуатировали безжалостные викинги» [обзор мнений см.: 26, с. 242].

Было бы курьезом характеризовать викинга как брата милосердия в отношении к захваченным народам. Однако культ воинской доблести, на которой основана этика норманнов, распространялся и на противника. Вождей враждебных викингам финнов или бьярмов сказители саг без заминки называют конунгами, хотя весьма щепетильны в использовании титулатуры при описании клановых счетов среди самих норманнов.

В защиту викингов выступила археология, причем первыми выразили сомнение в патологической агрессивности викингов не скандинавские специалисты, как можно было ожидать, а российские исследовательницы Ладоги. Г.Ф. Корзухина [52] и О.И. Давидан [53] обнаружили присутствие среди ладожских скандинавов как мужчин, так и женщин²⁵. Это обстоятельство, по оценке авторов, служит аргументом в пользу преобладания мирных контактов между скандинавами и туземным населением Ладоги [53, с. 143]. Норвежская исследовательница А. Стальсберг подтвердила это заключение в специальном обзоре археологических материалов Северо-Восточной Европы VIII–XI вв. [3, с. 33].

Тем временем раскопки погребального судна викингов в Северной Норвегии (Лекангер, к югу от Бодо), где известковые почвы обеспечили высокую сохранность скелета, показали, что захороненный человек обладал внешностью современного саами [54, с. 129]. Отныне не исключалась возможность для саами достичь свойственного норманнской элите статуса погребенного в корабле. Тут же припомнилась женитьба основателя норвежской королевской династии Харальда Прекрасноволосого на саамской девушке. Лекангерское погребение позволило повторному взглянуть на нордический облик не только жителей Халогаланда, но и норвежского королевского дома [26, с. 242].

К. Однер [55, с. 28] пришел к заключению, что отношения между саами и норманнами имели симбиотический характер сотрудничества и специализации, благодаря чему каждая группа занимала собственную экологическую нишу и, к взаимной выгоде сторон, вносила вклад в общее производство. Эта система открыла доступ к ресурсам, которые в ином

²⁵ Археологические наблюдения перекликаются с Сагой о Хальвдане, в сюжетах которой «свое государство» для героев начинается с женщин: ладожской княгини Истгерд для конунга Эйстейна и яра Скули, бьярмийской княжны Эдни для конунга Сигмунда. Возможно, подобную роль сыграла в судьбе Рюрика Ефанды.

случае едва ли могли быть освоены. Норманны получали от саами ценные меха и экспортировали их на юг, а саами получали от норманнов зерно и металлические изделия, применявшиеся в промыслах.

Сегодня ясно, что популярный еще недавно портрет викинга-эксплуататора был заимствованием из более поздней эпохи укрепления государственности в странах Скандинавии. По мнению П. Урбанчика, лишь после того как центральная власть преуспела в подавлении самостоятельности северных хёвдингов, отношения между саами и скандинавами испортились: «Экономическое сотрудничество и терпимость сменились администрированием и идеологической агрессией» [56, с. 196]. Возможно, описания норвежских походов за данью в Саге об Эгиле несут отпечаток событий XIII в., когда карелы часто нападали на государственных сборщиков пушкины [26, с. 242].

Для свободных норманнов языческой эпохи свойственно не только экономическое партнерство с соседями по Северу, но и особое отношение к их сакральному миру. Об этом часто заходит речь в сагах, но редко — в исследовательских трудах. Сага об Олаве Святом представляет противостояние язычества и христианства в длительной дуэли Олава Святого и халогаландца Торира Хунда (*hundr* — ‘Собака’). Перед решающей схваткой Торир отправился в Финнмёрк [28, с. 343]:

Торир Собака ездил две зимы в Финнмёрк. Он провел эти зимы в горах, много торговал с финнами и был в большом барыше. Он велел сделать себе двенадцать рубашек из оленьих шкур. Эти рубашки были заколдованы, так что никакое оружие не брало их. Они были даже лучше кольчуги.

Северный «хадж»

Торир Хунд поехал в Финнмёрк торговать, а вернулся с двенадцатью заколдованными рубашками из оленьих шкур. Казалось бы, исследователь может всерьез воспринять лишь первую часть сообщения. Однако сага связывает обе части воедино, и подобная связь пронизывает все рассказы о походах норманнов на Север.

Северный путь окутан тайнами и мистикой, там начинаются земли, населенные колдунами-финнами, троллями и гигантами — где-то на далеком севере или востоке, за Бьярнией, располагается «Земля гигантов» Ётунхейм (*Jötunheimr*)²⁶. Мореплаватели сталкиваются там с драконами и пропадают в бездонной пучине. И дорога в Хель (ад) «идет вниз и к северу» [57, с. 85]. Описание битв викингов в фьордах Скандинавии или городах Европы детально и реалистично, но стоит только норманнам переступить некий северный рубеж, и сказитель-хронист вмиг превращается в сказочника. В сагах о Хальвдане и Стурлауге приводится описание боев с финнами и бьярмами [3, с. 79–81, 141].

²⁶ В древнеисландском языке для обозначения великанов использовались три слова с различными смысловыми оттенками: *jötunn* — сила, *risi* — рост, *þurs* — недостаток ума [3, с. 111].

Сначала он [конунг Хальвдан] бросился туда, где распоряжался Флоки, конунг финнов. Этот конунг стрелял из лука сразу тремя стрелами, и на каждой оказывалось по человеку. Хальвдан бросился на него и ударил мечом по луку, так что тот сломался, и отсек Флоки руку так, что она взлетела в воздух. Конунг подставил кулью, и когда рука опять коснулась ее, то они тотчас срослись. Это увидел Фид, конунг финнов, и превратился в моржа. Он вспрыгнул на тех [людей], которые боролись против него, а было их пятнадцать человек, и задавил всех до смерти... Тогда превратился [конунг бъярмов] Харек в дракона и ударил Скули хвостом, и упал тот без сознания... Тогда подоспел Хальвдан и нанес удар дракону в шею, и это была его смерть.

Среди людей Франмары был один финн, которому выпало выйти против Свиупуда. Они сошлись и стали бороться так сурово и энергично, что никто ничего не мог рассмотреть. Ни один из противников не поранил другого. А когда те, кто наблюдали за поединком, опять туда посмотрели, [то оказалось, что оба бойца] исчезли, но появились две собаки, злобно кусавшие друг друга. А когда все менее всего ожидали, собаки исчезли, и все люди услышали в воздухе сильный гул, и увидели люди, что в небе боятся два орла, терзая друг друга клювами так, что кровь капала на землю. И закончилось у них тем, что улетел один орел, а другой замертво упал на землю.

Не случайно в названии Северного моря *Candvik* сочетаются *gandr* (колдовство) и *vik* (залив) [8, с. 76; 58, с. 188]. Его толкованию как «Опасного залива» или «Коварного залива» я предпочел бы прямой перевод — «Колдовской залив». Возможно, и название «Бъярмаланд» содержит оттенок представления о «крайней земле» как границе с миром легенд [3, с. 43]. Н. Лид полагает, что Дальняя Бъярмия Саксона Грамматика может означать мифическую, а не реальную страну [59, с. 58–66].

Королевские саги подчеркивают героический характер походов в Бъярмию. Халогаландец Оттар счел свой вояж в Бъярмию достойным рассказа англосаксонскому королю Альфреду Великому, а Альфред — уместным включение его подробного изложения в перевод сочинения Орозия; рейдами в Бъярмию прославили себя конунги Норвегии Эйрик Кровавая Секира, Харальд Серая Шкура, Хакон Магнуссон (Воспитанник Торида).

Объединитель Норвегии Харальд Прекрасноволосый не путешествовал на север, но готовил к арктическому походу своего наследника Эйрика Кровавая Секира [28, с. 59].

Эйрик воспитывался во Фьордах у херсира²⁷ Торида сына Хроальда. Харальд конунг изо всех своих сыновей любил его всего больше и ценил его всего выше. Когда Эйрику исполнилось двенадцать лет, Харальд конунг дал ему пять боевых кораблей, и он отправился в поход, сначала в Восточные страны, а затем на юг в Данию, а также в Страну Фризов и в Страну Саксов. Этот поход продолжался четыре года. Затем он отправился на запад за море и воевал в Шотландии,

²⁷ Херсир (*hersir*) — племенной вождь и предводитель войска. Со времени Харальда Прекрасноволосого херсирами (лендрманнами) назывались правители отдельных земель — ставленники конунга.

Бретланде, Ирландии и Валланде, и этот поход тоже продолжался четыре года. После этого он отправился на север в Фённмарк и дальше в Страну Бьярмов, где произошла большая битва, в которой он одержал победу.

Сага очерчивает круг героических походов Эйрика в последовательности: восток, юг, запад, север. Страна бьярмов, куда он попадает в двадцатилетнем возрасте (ок. 915 г.) оказывается пиком восхождения молодого конунга. Вероятно, Эйрик не столько сам выбирал направление очередного похода, сколько следовал наставлениям заботливого отца, стремившегося придать наследнику облик властителя «круга земли».

Из северного похода Эйрик вернулся с заслуженной славой и женой-колдуньей. По дороге из Бьярмии, в Финнмёрке, его люди нашли в хижине необыкновенной красоты женщину по имени Гуннхильд, дочь Эдура Рыло из Халогаланда [28, с. 59–60].

«Я живу здесь для того, — говорит она, — чтобы научиться ведовству у двух финнов, которые здесь в лесу самые мудрые. Они сейчас ушли на охоту. Они оба хотят меня в жены. Оба они такие хитрые, что находят след, как собаки, и по талому, и по смерзшемуся следу, и они так хорошо ходят на лыжах, что ни человеку, ни зверю не убежать от них... А рассердятся они, то земля вертится под их взглядом, и попадается им на глаза что-либо живое, то сразу же падает замертво».

По наущению Гуннхильд, людям Эйрика удается убить колдунов и увезти красавицу на корабль конунга. Прибыв в Халогаланд, Эйрик с разрешения Эдура Рыло женится на Гуннхильд. Впоследствии ей, вдове Эйрика, мудрой и коварной Матери Конунгов, суждено было вершить судьбы престолонаследников Норвегии.²⁸

По следам Эйрика отправился его старший сын Харальд Серая Шкура, пользовавшийся у соотечественников «наибольшим почетом» (морской поход Харальда в Бьярмию датируется приблизительно 965–970 гг.) [28, с. 95].

Харальд Серая Шкура поплыл одним летом со своим войском на север в Страну Бьярмов и совершил там набеги и дал большую битву бьярмам на берегах Вины. Харальд конунг одержал победу и перебил много народа. Он совершал набеги по всей стране и взял огромную добычу. Об этом говорит Глум сын Гейри:

Вождь наипервейший
Задал жару бьярмам,
В селенье на Вине
Княжья сталь сверкала.
Сей поход победный
Державному славу
Стяжал. Стойко княжич
В метели стрел дрался.

²⁸ Многие исследователи предпочитают сведениям «Хеймскринглы» и Саги об Эгиле о халогаландских корнях Гуннхильд сообщение «Истории Норвегии» (*Historia Norwegiae*) о том, что Гуннхильд была дочерью датского короля Горма [26, с. 240, 244].

Преемники Харальда конунги Олав Трюгтвасон и Олав Толстый (Святой) не искушали судьбу путешествиями в Бъярмию. Их славу составили южные и западные походы, где они, в Англии (Олав Трюгтвасон) и Нормандии (Олав Святой), приняли христианство. Однако Олаву Святому, истово крестившему норвежцев, довелось столкнуться с магией Севера в длительном конфликте с халогаландцем Ториром Хундом. Рассказ о поездке викингов-торговцев в Бъярмию²⁹ может, на первый взгляд, показаться чужеродным среди баталий и придворных интриг Саги об Олаве Святом [28, с. 283].

Ту зиму Олав конунг провел в Сарпсборге, и у него было там больше войско. Он послал Карли халогаландца на север страны. Карли сначала отправился в Упплэнд, потом двинулся на север через горы и добрался до Нидароса. Там он взял из конунгова добра столько, сколько тот ему разрешил, и выбрал себе корабль, подходящий для поездки, в которую его послал конунг, а именно — для поездки на север в Страну Бъярмов. Карли заключил с конунгом договор: каждому из них должна была достаться половина прибыли от этой поездки. Ранней весной Карли повел свой корабль на север в Халогаланд. С ним отправился и его брат Гуннестейн. Он тоже взял с собой товаров. На корабле у них было около двадцати пяти человек. Ранней весной они отправились на север в Финнмёрк.

Обстоятельность, с которой описываются приготовления и поездка торговцев, не свойственна королевским сагам. Очевидно, за темой «торговли» скрывается иной мотив, и главным действующим лицом оказывается не купец Карли, а халогаландский викинг Торир Хунд [28, с. 283].

Торир Собака, узнав об этом, послал своих людей к братьям. Он просил передать, что тоже хочет летом плыть в Страну Бъярмов и предлагает плыть вместе и добычу разделить поровну. Карли с братом велят передать Ториру, что у того должно быть двадцать пять человек, сколько же, сколько у них... Когда гонцы Торира вернулись обратно, он уже спустил на воду большой боевой корабль и приказал готовить его к плаванию. Он взял с собой своих работников, и у него на корабле оказалось около восьмидесяти человек.

Торир ведет экспедицию, а по завершении торгов с бъярмами склоняет своих спутников к ограблению святилища бога бъярмов Йомали. В разгоревшейся при дележе добычи сваре Торир убивает Карли, отнимает у него ожерелье Йомали и тем самым бросает открытый вызов покровителю Карли конунгу Олаву.

Во врагах у Олава Толстого недостатка не было, однако роковой удар был нанесен ему в битве под Стикластадиром, где войско бондов против него вел Торир Хунд. Копье Торира и сразило Олава. К тому времени конунг стяжал славу крестителя и чудотворца, но его меч не смог пробить рубашку из оленьей шкуры, приобретенную Ториром у колдунов-финнов [28, с. 363].

²⁹ Поездка Торира, Карли и Гуннестейна в Бъярмию состоялась в 1026 г. [40, с. 21].

В яви видел щедрый
Вождь: волшба и силы
Финнов ведовские
Торира хранили.
В руках у владыки
Не сек клинок, стала
Сталь тупа, затылка
Пса едва коснувшись.

Симпатии сказителя мечутся между враждующими сторонами. Христианской святости Олава противостоит северная магическая сила Торира. В конце концов составитель саги пытается хотя бы посмертно примирить христианина Олава и язычника Торира [28, с. 364].

Торир Собака пошел к телу Олава конунга и убрал его, как полагается. Он положил тело конунга на землю, расправил его и накрыл. Он говорил потом, что когда он вытирая кровь с лица конунга, оно было прекрасно, и на щеках его играл румянец, как у спящего, но только ярче, чем при жизни. Кровь конунга попала на кисть Торира, на то место, где у него была рана, и ему не понадобилось ее перевязывать, так быстро она зажила. Торир сам рассказывал об этом чуде, когда святость Олава конунга стала явной для всех. Торир был первым из знатных людей в войске врагов конунга, кто признал святость конунга.

Финальная сцена примирения северной магии и христианской святости дает ключ к прочтению всей саги об Олаве Святом. В этом эпизоде становится понятно, зачем столь подробно были описаны «торговые» поездки Торира к бъярмам и финнам — Олава одолел не викинг с острова Бъяркей, а носитель колдовской силы Севера.

Брат Олава (по матери) Харальд Суровый прославился как вождь скандинавской дружины верингов в Византии и сполна вкусили сладостей средиземноморских и африканских путешествий. Однако, оставаясь северным викингом, он не мог по-своему не откликнуться на зов «Колдовского залива». Арктическое плавание Харальда — королевская причуда, не имевшая ни торговых, ни военных целей. Конунгу вздумалось собственными глазами увидеть, действительно ли за островом Туле на расстоянии одного дня плавания начинается сплошное ледовое поле [60, с. 219]:

Очень хорошо информированный норвежский конунг Харальд позднее отправился в это море. После того как он обследовал пространство Северного океана на своих кораблях, перед его глазами во всю ширь открылись мрачные пределы опрокинутой бездны, и, возвращаясь по своим следам, он едва не сгинул в бескрайней пучине.

После гибели Харальда Сурового (1066 г.) Норвегия была поделена на две части. Северная досталась сыну Харальда Магнусу, а после его скоропостижной смерти (от стригущего лишая) перешла к его сыну Хакону. Хакон рос сиротой (отчего прозван Воспитанником Торира), но, как говорится в саге, «был очень

Этим объясняется отчужденно-пренебрежительный тон сказителей в отношении к языческому культу и бравада мотивом святотатства.

Ограбление капища Йомали Ториром Хундом и Карли в Саге об Олаве Святом выглядит скорее состязанием враждующих викингов, чем действием единомышленников. По существу бъярмийское святилище стало ареной схватки между Ториром и людьми Олава конунга [28, с. 284–285].

Торир говорит, что [у бъярмов] есть такой обычай, что, если умирает богатый человек, все его имущество делают между умершим и его наследниками. Мертвому достается половина или треть, но иногда еще меньше. Это сокровище относят в леса, иногда зарывают его в курганы. Иногда на этих местах потом строят дома... Торир сказал: «Здесь внутри ограды есть курган. В нем золото и серебро перемешано с землей... В ограде стоит также бог бъярмов, который называется Йомали. Пусть никто не смеет его грабить». Они пошли к кургану и выкопали из него столько сокровищ, сколько могли унести в своих одеждах... Потом Торир сказал, что пора возвращаться обратно: «Вы, братья Карли и Гуннестайн, пойдете первыми, а я пойду сзади». Все побежали к воротам, а Торир вернулся к Йомали и взял серебряную чашу, которая стояла у него на коленях. Она была доверху наполнена серебряными монетами. Он насыпал серебро себе в полы одежды, поддел дужку чаши рукой и пошел к воротам. Когда все уже вышли за ограду, обнаружилось, что Торира нет, Карли побежал назад за ним и встретил его у ворот. Тут Карли увидел у Торира серебряную чашу. Он побежал к Йомали и увидел, что на шее у того висит огромное ожерелье. Карли поднял секиру и рассек нитку, на которой оно держалось. Но удар был таким сильным, что у Йомали голова слетела с плеч. При этом раздался такой грохот, что всем показался чудом. Карли взял ожерелье, и они бросились бежать.

При дележе добычи Торир пронзил Карли копьем, причем мотивом убийства была не алчность, а месть — авантюру с ограблением капища он затеял для сведения счетов с людьми Олава. Отношение Торира к святилищу противоречиво: он инициировал грабеж и первым нарушил свой же запрет прикасаться к сокровищам Йомали; при этом он выглядит чуть ли не жрецом языческого бога, тонко разбираясь в бъярмийских обрядах и по-хозяйски распоряжаясь на святилище. В эпизоде спасения от погони Торир прибег к магии ослепления преследователей, разбросав вокруг себя взятую с капища священную золу. Тем самым он превзошел самих бъярмов в использовании сакральной силы их божества и оказался под покровительством Йомали (и впоследствии Торира неизменно хранили языческие боги Севера) [28, с. 285]:

Как только раздался грохот, на поляну выскочили стражи и затрубили тревогу, и скоро норвежцы со всех сторон услышали звуки рога. Они побежали к лесу и скрылись в нем, а с поляны доносились крики и шум, туда сбежались бъярмы. Торир шел позади своих людей. Перед ним шли двое и несли мешок. Содержимое было похоже на золу. Торир брал из мешка эту золу и разбрасывал позади себя. Иногда он бросал ее вперед на своих людей. Так они вышли из леса в поле. Они слышали, что их преследует войско бъярмов с криками и страшным воем. Бъярмы выбежали

обещающим юношей» [28, с. 463]. Многих подвигов он совершил не успел, однако стал любимцем северян и заслужил сагу, в которой примечательна последняя фраза, характеризующая главные заслуги молодого конунга [28, с. 468]:

Хакону конунгу было не меньше двадцати пяти лет. Он был у норвежского народа одним из самых любимых конунгов. Он ходил походом на север в Страну Бъярмов и одержал там победу в битве.

В описании смерти Хакона Магнуссона (последние годы XI в.) уже очень немногое напоминает кончину викинга — конунг умер от болезни, случившейся после того, как он погнался в горах за куропаткой. Таков трагикомический символ заката эпохи викингов, и на Хаконе обрывается история походов норвежских королей в Бъярмию — героическая эпоха открытия и освоения северного морского пути.

Исследователи заметили, что викинги посещали Гандвик после приобретения опыта плавания в других морях, и поездка в Бъярмию рассматривалась как знак доблести и путь к славе конунга-викинга [4, с. 135; 26, с. 241]. Навигация в Белом море требовала особых навыков, особенно на обратном пути в Скандинавию, когда у Мурманского берега приходилось бороться с коварным течением. А. Бинс даже высказал сомнение в возможности достичь Бъярмии на «длинных кораблях» [61, с. 52]. В Саге об Одде Стреле [3, с. 43] рассказывается, что после поездки героя к бъярмам встречавшие его викинги неизменно задавали вопрос: тот ли он самый Одд, который совершил поездку в Бъярмию?

Викинги и их конунги один за другим шли на штурм Гандвика. По сложности и опасности арктический поход не уступал военной кампании и считался подвигом, достойным короля — путешествие по северным морям замыкало его господство над «кругом земным». Тот, кто покорял «Колдовской залив» и пересекал сакральные пространства финнов и бъярмов, обретал магическую силу Севера.

Капище бога Йомали

Сакральное пространство может быть условно нанесено на сетку этнических, географических, лингвистических, биоантропологических, политических или торгово-экономических координат. Но это лишь первый шаг к его восприятию. В нем различимы культовые центры, мифологические пути, освященные границы, но они подвижны во множестве ритмов: состояний природы, ритуальных циклов, войны и мира. Это пространство слито со временем, охватывает потусторонние миры, уходит за рубежи обжитого и познанного. Открывающиеся в сакральном пространстве пути могут стать прообразами реальных путей.

В Бъярмии норманны оказывались одновременно в чужом сакральном пространстве и потусторонней сфере своего. Сага об Олаве Святом содержит подробный рассказ об ограблении викингами святилища бъярмийского божества Йомали (*Jómali*), на свой лад повторяющийся в сагах об Одде Стреле, о Хальви и дружинниках Хальви, о Стурлауге Трудолюбивом, о Боси. Все они записаны в XIII–XIV вв. [3, с. 44–45], когда поездки викингов в Бъярмию прекратились, а в Скандинавии распространилось воинствующее христианство.

из леса и бросились на них с двух сторон. Но им никак не удавалось подойти настолько близко, чтобы их оружие могло причинить норвежцам вред, и норвежцы тогда поняли, что те их не видят.

В Саге о Боси святилище Йомали предстает полным сокровищ сказочным храмом посреди волшебной страны. Если в предыдущей саге Торир при описании капища Йомали ссылается на бьяромийские обряды, то Сага о Боси преподносит образ увенчанного короной божества и его окружения в причудливой смеси мифов и купеческих баек [3, с. 208–209]:

«Здесь в лесу стоит большой храм, который принадлежит конунгу Хареку, правящему Бьярмаландом. Бог, которому здесь поклоняются, зовется Йомали, и здесь можно найти много золота и драгоценностей. Этим храмом управляет мать конунга по имени Кольфроста; она искусна в жертвоприношениях... Там живет огромная птица,... такая свирепая, что уничтожает все, что окажется поблизости. Она смотрит прямо на дверь и наблюдает за всеми, кто входит, и не остаться в живых после ее когтей и яда. В храме есть раб, который готовит ей пищу. За один прием она съедает двухлетнего быка. Под этой птицей лежит то яйцо, за которым ты был послан. В храме есть жертвенный бык, скованный цепью. Он убьет телку и окропит ее ядом, и потеряют рассудок все те, кто съедят это. Он накормит Хлёд, сестру конунга, и станет она подобна великанам, какой раньше была жрица. Мне кажется, что у тебя нет надежды победить это чудовище с его колдовством»... После этого они вошли в храм и тщательно его осмотрели. В птичьем гнезде они обнаружили яйцо, покрытое золотыми буквами. Они там нашли много золота, больше, чем можно было унести с собой. Затем они подошли к алтарю, где сидел Йомали. Они сняли с него корону, украшенную 12-ю драгоценными камнями, и ожерелье, стоимостью триста золотых марок. А с колен его они взяли серебряную чашу, наполненную красным золотом, такую большую, что четверо мужчин не смогли бы ее осушить. Прекрасный gobelen висел на стене, более ценный, чем три корабля с товарами купцов, плавающих в Грикландсхав. И все это они взяли с собой.

В Саге о Стурлауге бьяромийское святилище — большой храм, «искусно сделанный из самого дорогого дерева», золота и драгоценных камней, сияние которого освещает всю равнину. Вход в него огражден частоколом и наполненным ядом рвом, на пути лежат камни, над входом висит острый меч, а на дверях — надпись, предупреждающая о запрете нарушать неприкосновенность храма. В Саге о Стурлауге происходит еще одно загадочное превращение — бог Йомали назван именем «Тор» [3, с. 44–45, 151, 153–154].

В Бьярмаланде стоит большой храм. Посвященный Тору и Одину, Фригг и Фрейе, он искусно сделан из дорогого дерева. [Одни] двери храма смотрят на северо-запад, а другие — на юго-запад. Там внутри Тор и Один, а перед ними на столе лежит Урархорн³⁰, с виду блестящий, как золото... Вот сходят

³⁰ Урархорн (*Úrarhorn*) — рог зубра или тура, использовавшийся для питья. В Саге о Стурлауге Трудолюбивом Урархорн взят от свирепого, выкормленного золотом и серебром, пожирающего людей и опустошающего Бьярмию зверя Ур.

они с Хрольвом Невья на землю и [идут] к храму. И когда они подошли к храму, то [оказалось], что двери у него устроены так, как им было рассказано. Они идут к тем дверям, что были с северо-западной стороны храма, так как только одни они были открыты. Тогда увидели они, что внутри у порога была яма, полная яда, а дальше за ней большая перекладина, в которую снизу было воткнуто лезвие меча, а в дверном проеме вокруг ямы ограждение, чтобы не могло быть испорчено убранство, если яд выплеснется... Вот смотрит он [Стурлауг] внутрь храма и видит, где на почетном месте на возвышении сидит Тор. Прямо перед ним стоял стол, полный серебра. Видит он, что там дальше перед Тором на столе лежит Урархорн, такой сияющий, как если смотришь на золото. Он был полон яда. Он увидел там висящие шахматные фигуры и доску, сделанные из светлого золота. Сверкающие одеяния и золотые кольца были прикреплены к шестам. В храме было 30 женщин... Внутри храма стояли три плоские каменные плиты, такие высокие, что доходили до нижней части груди, а между ними были глубокие ямы, и нужно было перепрыгнуть через них, чтобы попасть туда, где стоял Урархорн.

Параллели между бъярмийским храмом Саги о Стурлауге и упсальским храмом в описании Адама Бременского³¹ очевидны не только в именах богов [3, с. 180], но и в деталях сцены: оба храма сияют золотом и расположены среди долины, Тор восседает «на почетном месте на возвышении» (в Бъярмии) или на престоле (в Упсале) [62, с. 97–98]:

У этого племени [свеонов] есть знаменитое святилище, которое называется Убсола (Ubsola)... Храм сей весь украшен золотом, а в нем находятся статуи трех почитаемых народом богов. Самый могущественный из них — Тор — восседает на престоле в середине парадного зала, с одной стороны от него Водан, с другой — Фриккон... Сей храм окружает золотая цепь, висящая по скатам здания и густо окрашивающая в золотой цвет всех входящих. Это святилище расположено в равнинной местности, которая со всех сторон окружена горами наподобие театра... Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолу Тора, если война, Водану, если предстоит справлять свадьбы, Фриккону.

Отличие бъярмийского перечня богов от упсальского — замещение имени Фрейра именами Фригг (жены Одина) и Фрейи (сестры Фрейра) — Г.В. Глазырина объясняет неточностью прочтения: исландский автор принял Fricco в тексте Адама за «Фригг» (вместо «Фрейр») и уравновесил фразу именем Фрейи. В обособлении Тора как самого могущественного из богов исландец также следует за Адамом, хотя главным в языческом пантеоне Скандинавии считался Один [3, с. 180–181].

Ж. Дюмеэиль ошибку Адама в определении центральной фигуры пантеона связал с тем, что «ганзейские путешественники сделали Тора potentis-simus,

³¹ Сочинение Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum) написано между 1072 и 1076 гг.

приняли его молот за скапетр, скапетр Юпитера, чуждый скандинавской символике... На самом деле иерархия Упсалы линейна: Один, Тор, Фрейр. Применительно к бъярмийскому списку не менее важно и другое наблюдение: «Лапландцы, большие любители заимствований, Одина в общем не знают, в то время как из эквивалентов Тора, Ньёрда и Фрейра они сделали своих главных богов» [63, с. 139, 141].

Если Адам и допустил оплошность (а вслед за ним и исландец), то она примечательна: в восприятии соседей скандинавов (и, как видно, самих норманнов) Один и Тор как отец и сын нередко подменяли друг друга или выступали в смешанном обличье. Тем легче это могло случиться при вторжении пантеона в чужое сакральное пространство, где зачастую происходила инверсия образов. Однако решающим все же остается вопрос, оказались ли скандинавские боги в храме Йомали с легкой руки исландца-сказителя, или Йомали действительно был не чужд скандинавских черт?

В последней версии нет ничего нелепого хотя бы потому, что на протяжении многих лет викинги то завоевывали, то обороняли (друг от друга) Бъярмию и были ее конунгами. Известно, что в мифологии саамов и прибалтийских финнов образ Йомали (саам. *Йиммел*, фин. *Юмала*, эст. *Юммал*) в значении «Бог неба» соседствует с образом Тора (саам. *Тиермес*, фин. *Турисас*, эст. *Таару*) в значениях «Бог грома», «Победоносный Бог войны». В саамском Небе поведитель грома и ветра «Тор» (*Turtisas*, *Tiermes*, *Thor*) и небесный владыка «Йомали» (*Yimmel*, *Yibmel*, *Ibmel*) образуют столь же неразлучную пару, как Один и Тор — в скандинавском.

А.С. Росс [30, с. 48–50] и другие исследователи соотносят бъярмийского *Jomali* прежде всего с прибалтийско-финским кругом одноименных богов (чем, кстати, пытаются подкрепить вывод о расположении Бъярмии в западной части Беломорья или даже в Прибалтике). Очевидно, однако, что круг теонимов-аналогов, восходящих к праформе **ilma (juma)*, распространяется на восток и включает мифологическое пространство марий, коми³², удмуртов [65, с. 564]. Соответствия **ilma-juma* обнаруживаются даже за Уралом в пантеоне ненцев (*Явмал*, бог южного/солнечного неба) и сакральном мире хантов (*йем* в значении «священный») [66, с. 446]. Таким образом, пространство Йомали охватывает весь север Восточной Европы и Урала, населенный народами уральской семьи.

В мифологии ненцев Явмал представляется наблюдающим за миром из окна своего медного дома (*нярава харад*) или несущимся между небом и землей на белолобом коне (белолобых оленях). Он вооружен саблей, одет в военный мундир; его малые образы — сабли, клинки, штыки [66, с. 443–445]. Эти черты резко выделяют Явмала из пантеона северных кочевников-оленеводов и сближают с Йомали в «скандинавской» версии (*Саги о Стурлауте*) и/или Одином с его атрибутикой битв и оружия, серебряным домом в Асгарде и восьминогим конем Слейпниром.

Иногда боги оставляют археологические следы. Ведущий вглубь Бъярмии след Седой Бороды (прозвище-эпитет Одина) можно различить, если согласиться с тол-

³² В мифологии коми к общепермской основе *јепт* (бог, небо) допустимо возводить образы Омоль и Ен [см. 64, с. 69].

кованием Г.Ф. Корзухиной [67, с. 156–159] композиции на бронзовой ажурной рукояти стального кресала, найденного в Прикамье. На рукояти изображен бородатый мужчина в окружении двух хищных птиц, касающихся клювами его головы. Автор предложила в качестве толкования текст «Видения Гульви» [57, с. 37]:

Два ворона сидят у него [Одина] на плечах и шепчут на ухо обо всем, что видят или слышат. Хугин и Мунин — так их называют. Он шлет их на рассвете летать над всем миром, а к обеду они возвращаются. От них-то и узнает он все, что творится на свете. Поэтому его называют богом воронов.

«Камский мастер, — продолжает Г.Ф. Корзухина, — мог быть не в курсе всех тонкостей скандинавской мифологии и не знать ничего, кроме поразившего его мифа о двух вецих воронах, которых он и решил «увековечить в бронзе» [67, с. 157–158]. Правомерность предложенной трактовки подтверждается находкой в Суздале среди коллекции варяжских вецих XI в. литейной формы для изготовления украшений. На ней вырезаны восточно-европейская лунница и две круглые подвески: на одной изображен Один с воронами, на другой в орнаментальную кайму включена руническая надпись, указывающая на принадлежность веци некоему Олаву [21, с. 266].

Кресала с бронзовыми рукоятьями стремительно распространились в период с конца IX по начало XI вв. (эпоху викингов) от Фенноскандии до Урала. Л.А. Голубева [68, с. 115–132; 46, с. 178] полагает, что подобные огнива, найденные на севере Восточной Европы, в Финляндии, Швеции и Норвегии, изготавливались в Прикамье финно-угорскими мастерами и попадали на далекий запад торговым путем через Сухону, Вычегду, Белоозеро и Ладогу. Навстречу по тому же пути из Скандинавии шло западноевропейское серебро.

Определение Прикамья как очага производства кресал и идеи изображения Одина с воронами обосновывается тем, что «ни одного кресала с Одином в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике пока не найдено»; правда, и в Прикамье огнива появляются «внезапно» [67, с. 156, 159]. Если кресала с Одином действительно распространялись из Бъярмии, они могли быть делом рук викингов или их спутников. Здесь, вдали от родины, Один играл роль «скандинавского» покровителя норманнов, и его изображение наносилось на амулеты (сузdalская подвеска) и «домашние» изделия (огнива), сопровождавшие викингов в походах.

Ажурная рукоять кресала найдена и при раскопках Болванского мыса на о. Вайгач, хотя Л.П. Хлобыстин [69, с. 128, 132, рис. 2–9] определил ее как изделие, выполненное в пермском зверином стиле. Трудно сказать, посещал ли Вайгач кто-то из норманнов или огниво привез на святилище кто-то из самоедов (скажем, после столкновения с дружиной ярла Ульва у Железных Врат в 1032 г.). Здесь же, на острове Вайгач, английский путешественник Ф. Джексон обнаружил круги камней, называвшиеся Yalmal Haishie — Явмал Дух [70, с. 22]. Символично, что именно у пролива Карские Ворота (Железные Врата) сходятся археологические следы двух в чем-то близких образов — Одина и Явмала.

Если присутствие Одина в Бъярмии едва улавливается, то образ Тора просматривается значительно явственней. Многие исследователи прошлого и

нынешнего столетий соотносили финно-саамского Громовника Тиермес-Таара с обско-угорским Торум-Тарэм [71, с. 174]. Э. Рэ включал в круг аналогий и валлийского Taras [72, с. 57–59]. Верховный бог язычников-чувающей также носил имя Тором, Тора [73, с. 39]. Имея в виду широкую популярность версий Тора-Громовника в Европе, приходится лишь удивляться размаху его сакрального пространства и успехам викингов в воздействии на духовную культуру различных народов Северной Евразии. Вопрос, почему Тору удалось перешагнуть границу сакральных пространств, а Один остался «слишком скандинавским», звучит риторически: Тора викинги оставляли стеречь освоенные территории (например, на святилищах или в виде топонимов), а Одина всегда носили с собой (например, в знаках на кресалах). Тор был воспринят Бъярмией и вошел в ее пантеоны, тогда как Один неизменно возвращался в Скандинавию и лишь опосредованно влиял на образы бъярмийских богов.

Заключение: 1222 год

Согласно «Исландским анналам», последний поход норманнов в Бъярнию состоялся в 1222 г. В суждениях о прекращении или заметном сокращении³³ поездок скандинавов в Бъярнию в качестве причин отмечаются: похолодание климата, усложнившее северную навигацию; переход контроля над Беломорем к Новгороду (около 1200 г.)³⁴; активизация торговой активности готландцев в пространстве между Карелией и Балтикой; переориентация норвежских купцов на торговлю в союзе Ганзы вследствие роста спроса на рыбу (особенно сущеную) в быстро растущих городах континентальной Европы [27, с. 131; 21, с. 216; 4, с. 137; 26, с. 243–244; 3, с. 37–38].

Сложившееся из путей викингов «Северное кольцо» разомкнулось с закатом их культуры. Место Ладоги занял Новгород, и уже новгородцы совершали дальние поездки по Бъярмии-Перми. Своими походами в Бъярнию викинги-ладожане открыли путь русскому заселению Севера, по которому вслед за ними прошли новгородцы. Символом традиционной, уходящей во времена викингов связи между Поволжием и Подвиньем осталось созвучие в староскандинавском языке названий столиц Северной Руси и Русского Севера — Holmgardr (Новгород) и Холмогоры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Alfred, King of England. A Description of Europe, and the Voyages of Ohthere and Wulfstan. London, 1855.
2. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

³³ Снижение активности на Беломорском торговом пути не означало окончательного прекращения торговых связей, о чем, например, свидетельствует договор между Новгородом и королем Норвегии 1252 г., в котором стороны обязались запретить своим подданным походы за сбором мехов.

³⁴ Интригами и поддержкой новгородцев иногда объясняется решительность действий вождя бъярмов, расправившегося в 1222 г. с купцом Хельги и его спутниками.

3. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.
4. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1991. С. 5–169.
5. Tallgren A.M. *Biarmia* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1931. Vol. 16. P. 100–120.
6. Ahlenius K. Die älteste geographische Kenntnis von Skandinavien // *Eranos*. Uppsala, 1898. Bd. 3.
7. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М.–Л., 1956.
8. Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов на Белое море. СПб., 1906.
9. Свердлов М.Б. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX–XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973. С. 39–58.
10. Metzenthin E.M. *Die Lander- und Volkernamen im altislandischen Schrifttum*. Pennsylvania, 1941.
11. Historia Norwegiæ? // *Monumenta Historica Norvegiae*. Utv. Av G. Storm. Kristiania: Brøgger. 1880.
12. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий). М., 1986.
13. Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.
14. Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. 1945. Т. 14.
15. Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
16. Татищев В.Н. История Российской с самых древнейших времен. Т. 1. М.–Л., 1962.
17. ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862.
18. Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А. Связь Северной Руси и Беломорья в IX–XIII вв. (по данным письменных источников) // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвященные 70-летию В. Т. Пашуто. Тез. докл. М., 1988. С. 24–29.
19. Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44–58.
20. Киричников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189–297.
21. Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкоznания. 1964. № 2.
22. Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
23. Vilkuna K. Studien über alte finnische Gemeinschaftsformen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. Helsinki, 1966. XXXVI, H. 1–2.
24. Ross A.S.C. Ohthere's «Cwenas and Lakes» // *The Geographical Journal*. London. 1954. Vol. 120.
25. Odner K. Saamis (Lapps), Finns and Scandinavians in History and Prehistory. Ethnic Origin and Ethnic Processes in Fennno-Scandinavia // *Norwegian Archaeological Review*. 1985. No 18. Pp. 1–12.
26. Hofstra T., Samplonius K. Viking Expansion Northwards: Mediaeval Sources // *Arctic*. 1995. Vol. 48 (3). Pp. 235–247.
27. Johnsen O.A. Norges Handel og Skibsfart i middelalderen // *Handel og samfærdsel. Nordisk Kultur*. København, 1934. 128–147.
28. Стурлусон С. Круг Земной. М., 1980.
29. Saxo Grammaticus. *The History of the Danes*. Cambridge, 1979.

30. Ross A.S.C. *The Terfinnas and Beormas of Ohthere*. London, 1981.
31. Браун Ф.А. Рец. на кн.: Тиандер К.Ф. *Поездки скандинавов в Белое море*. СПб., 1906 // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1907. Вып. 10. С. 424–430.
32. De Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden, 1957–1961.
33. Brøgger A.W. *Håløygenes Bjarmelandsferder* // *Festskrift til rektor J. Qvigstad 1853*, 4 April 1928. Tromsø Museums Skrifter. Tromsø, 1928. No 2. 27–36.
34. Schramm G. *Sixs wärdgische Probleme* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 1986. B. 34, H. 3. S. 363–373.
35. Рыдзевская Е.А. *Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.* М., 1978.
36. Носов Е.Н. *Новгородское (Рюриково) городище*. Л., 1990.
37. Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. СПб., 1999. С. 151–163.
38. ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989.
39. Кирпичников А.Н. *Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв.* // *Славяно-русские древности*. Вып. 1. Л., 1988. С. 38–79.
40. Джаксон Т.Н. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.)*. Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.
41. Соловьев С.М. *Сочинения. История России с древнейших времен*. Кн. I, тт. 1–2. М., 1988.
42. Дубов И.В. *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья*. Л., 1982.
43. Леонтьев А.Е. *Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси*. М., 1996.
44. Седов В.В. *Становление первых городов в Северной Руси и варяги* // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. СПб., 1999. С. 206–210.
45. Шахматов А.А. *Сказание о призвании варягов* // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*. Т. IX. СПб., 1904. С. 288–365.
46. Голубева Л.А. *Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв.* М., 1973.
47. Рыдзевская Е.А. *Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе* // *КСИИМК*. Вып. XI. М.–Л., 1945. С. 51–65.
48. Глазырина Г.В. *«Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна»*. К истории Русского Севера // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1983 год. М., 1984.
49. Насонов А.Н. *«Русская Земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование*. М., 1951.
50. ПСРЛ. Т. 4. Пг., 1917.
51. Белов М.И. *По следам полярных экспедиций*. Л., 1977.
52. Корзухина Г.Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // *Скандинавский сборник*. Вып. XVI. Таллин, 1971. С. 127–131.
53. Давидан О.И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // *Скандинавский сборник*. Вып. XVI. Таллин, 1971. С. 134–146.
54. Stenvik L.F. *Samer og nordmenn. Sett i lys av et uvanlig gravfunn fra Saltenområdet* // *Viking: Tidsskrift for Nortøn Arkeologi*. 1980. No 43. 127–139.
55. Odner K. *Comments on Economic Change and the Prehistoric Fur Trade in Northern Sweden* // *Norwegian Archaeological Review*. 1981. No 14. Рр. 27–29.
56. Urbanczyk P. *Medieval Arctic Norway*. Warszawa, 1992.
57. Младшая Эdda. Л., 1970.
58. Cleasby R., Vigfusson G. *An Icelandic-English Dictionary*. 2nd ed. Oxford, 1957.

59. Lid N. The Mythical Realm of the Far North. As It Appears in the National Finnish Epic Kalevala and the Scandinavian Fornaldar-Saga Tradition // Laos. 1951. Vol. I. Pp. 58–66.
60. Adam of Bremen. History of the Archibishops of Hamburg-Bremen. New-York, 1959.
61. Binns A. Ohthere's Northern Voyage // English and Germanic Studies. 1961. No 7. Pp. 43–52.
62. Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 56–110.
63. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
64. Конаков Н.Д. Мифологический субстрат в духовной культуре народа коми // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989. С. 66–79.
65. Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 563–568.
66. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угроров. Екатеринбург, 1995.
67. Корзухина Г.Ф. Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 156–162.
68. Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. 1964. № 3. С. 115–132.
69. Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач // Памятникование. Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 120–135.
70. Jackson F.G. A Thousand Days in the Arctic. Vol. 1. London—New York, 1899.
71. Toivonen Y.H. Zur Problem des Protolappischen // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften. Helsinki, 1950. S. 161–189.
72. Rae E. The Land of the North Wind or Travels among the Laplanders and the Samoyedes. London, 1875.
73. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. СПб., 1776.

BJARMIA: UNFINISHED SAGA OF THE OUTSIDE LAND

The story of Bjarmia belongs to the category of eternal hypotheses, though it does not only deserve to have its place in the history of the Russian North, but also opens up the northern horizon of the origin of culture, international ties and political structure of the ancient Rus. The idea of the paper is to attempt to approach the vision of Bjarmia through the eyes of the Norsemen. The sections «The way of Ottar» and «The outside land» give an outline of the Norsemen ideas of the territory and the population of Bjarmanland. The sections «The northern ring» and the «Caprice of Princess Ingigerd» show the web of the Vikings' routes in the North-East Europe, the key position of Aldeigjuborg (Ladoga) on the crossroads of the Volga, Dnieper and Bjarmia routes, and the role of the Norsemen-Ladoga people in the development of the Russian north. The sections «Viking with the Saam face», «The northern hadj» and the «Sanctuary of the God Jomali» give some idea of the nature of the Norsemen's relations with the northern people, their views on the cults and magic of the North, crossing of the sacral territories and the pantheons of the Vikings and the Ural peoples.

Е.В. Перевалова

ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ (по материалам фольклора)

В фольклоре нижнеобских угров сохранилось множество легенд и преданий, отражающих формирование северной группы хантов¹. Они содержат данные о миграциях в Северное Приобье различных угорских групп, многообразные свидетельства военных столкновений северных хантов как с самодийцами, так и со своими соплеменниками. Порой может показаться, что средневековое Северное Приобье представляло собой театр непрерывных военных действий.

Северные ханты считают, что на территории северной тайги Приобья прежде проживали самодийцы *ур ёх* («лесной народ» или «дикий народ»), которых вытеснили пришедшие на эти земли предки угров — *мось ёх*. Войны между *мось ёх* и *ур ёх* носили затяжной характер; в конце концов, самодийцы *ур ёх*, не сумевшие устоять против пришельцев, частично отступили к устью Оби и верховьям ее притоков, частично были ассимилированы уграми. Позже северным уграм пришлось обороняться от своих же западных и южных соплеменников. Первые известны в фольклорных материалах как *лев охаль* — «сосьвинский народ», вторые как *хурун ёх* — «народ городков».

Кроме передвижений, связанных с военными действиями, в фольклоре северных хантов содержатся рассказы о мирных миграциях угорского населения на север, при этом отмечается та же направленность переселений — с запада и с юга. Западный поток мигрантов связывается с легендарным народом *пастэр ёх* и другими угорскими группами, относящимися к *лев охаль*, южный — с приплывшим во времена потопа на плотах и расселившимся по многочисленным протокам Малой и Большой Оби народом *пор ёх* («люди плотов») или послан *ёх* («люди проток»).

Известно, что в течение нескольких последних столетий преобладающими среди угров были миграции в северном и восточном направлениях [см.: 1, с. 8–45; 2, с. 108–111; 3, с. 84–87; 4, с. 86–101]. Таким образом, для Северного Приобья доминирующими были переселения с запада (из Приуралья) и юга (среднетаежного Приобья). Это подтверждается фольклорными материалами, собранными автором среди различных групп северных хантов. Однако они не дают сколько-нибудь точных датировок и судить о последовательности характеризуемых переселенческих потоков можно лишь по соподчиненности сюжетов, их сопоставимости с историческими событиями (например, походами воинов Коды) или по косвенным указаниям на их древность (например, отнесенность к эпохе потопа).

¹ В этнографической литературе к северным хантам (*ханти* или *хантэ*) обычно относят население, проживающее по Оби (с притоками Казым, Сыня, Куноват) от Обдорска до Мало-Атльмских юрт, включая в их число «остяков» Северной Сосьвы и Ляпина [1, с. 33]. Безусловно, к нижнеобским (северным) хантам следует причислять «заобдорских остяков», т. е. хантыйское население, проживающее по Оби и Обской губе (с притоками Полуй, Надым).

Завоевание земель «Лесного народа» (*Ур ёх*)

По утверждению нижнеобских хантов, до прихода угров в северной тайге проживали *ур ёх* (*ор ях*) — «лесной народ» — самоеды (ненцы). Авторы середины XIX в. переводят наименование *ур ях* (*орхой*) как «дикий человек». Это определение было дано в связи с самодийской традицией поедания своих врагов и даже соплеменников и закрепилось за самоедами с начала военных столкновений с уграми [5, с. 350; 6, с. 52]. С названием народа *ор ях* (*ур ёх*) связано известное недоразумение, относящееся к концу XIX в., когда (в 1895 г.) профессором А.И. Якобилем в ходе его поездки на р. Надым был «открыт» народ *нёхас ор ях* (*нях-самар-ях*). Й.Папай перевел это название, как «соболиные самоеды, самоеды, живущие в районе, где много соболя», считая, что оно относится к небольшой группе самоедов [7, с. 60]. В.В. Бартенев утверждал, что этот «небольшой народец», называемый осятками *няхсамар-ях*, живущий по р. Надым, по внешнему облику ничем не отличался от самоедов, хотя язык их не имел «ни малейшего сходства ни с самоедским, ни с осятским» [8, с. 51–52]. Б.М. Житков свидетельствовал, что народ *няхсам-орях* — «самоеды, чистящие рыбу», обнаруженный А.М. Якобилем, представлял собой либо осамоедившихся осятков, либо «род юраков, зашедших с Тазовской губы», которых сами самоеды называли *пядан-хазеу* — «лесными самоедами» [9, с. 249–251]. Г.М. Дмитриев-Садовников сообщал, что надымские ханты называют ненцев *ор яг* — «дикий лесной народ», а лесных ненцев (*пян-хасово*) — *нагсэм ор яг* — «чищеные самоеды» [10, с. 25]. По мнению Б.Н. Городкова, *няхсам-ор-ях* (*чищенные самоеды*) — по-осятски) и *пян-хасово* (*«лесной народ»* — по-самоедски) — это название одной и той же ветви самоедов-юраков, так называемых лесных самоедов [11, с. 62].

Тундровых ненцев обские угры называют *ёран ёх* (*ёран махум*). Данный термин распространен среди северной группы нижнеобских хантов (приуральских и шурышкарских) не столь широко, как у казымских хантов или сосьвинско-лягинских манси. Обдорские ханты называют тундровых ненцев *ор ях* (*хармо ор ях*), среди которых выделяют: *кеив ор ях* — уральских, *яマル ор ях* — ямальских, *орас ях* — обских. Лесных ненцев они именуют по-ненецки *пянхасаво* и *педаранхасаво*. Шурышкарские, войкарские, сынские и куноватские ханты называют ненцев, особенно когда речь идет о старых временах, *ур ёх*, а кочующих по Уралу — *ёран ёх* и *саран ур ёх*. Исконным местом *нёхас ор ях* обдорские ханты считают р. Надым, а *ор ях* (в частности ненцев Нгано-Харючи) — водораздел между рр. Полуй и Кутоп-юган.

Относя *ур ёх* и *ёран ёх* то к ненцам, то к «разным народам», ханты Нижней Оби утверждают, что основным занятием «лесного народа» была охота на диких оленей, тогда как тундровые ненцы характеризуются как оленеводы. По-видимому, первые продвинувшиеся на север мигранты-угры встретились с таежными охотниками на диких оленей *ур ёх*, а позднее, со становлением у ненцев крупностадного оленеводства [см.: 12; 13], тундровики-оленеводы стали восприниматься ими как *ёран ёх*. Возможно, на Нижней Оби последнее название (*ёран ёх*) появилось вместе с поздними миграциями угров или даже коми-зырян [10, с. 25]. Не

случайно у восточных хантов и северных манси, групп относительно позднего формирования [14, с. 126; 15, с. 86–87; 16, с. 100–101], существует только один вариант определения ненцев — ярган ях (ёран ёх). Иногда нижнеобские ханты, давая толкование различиям наименований *ур* (ор) ёх и ёран ёх, определяют первых как «ненцев вообще», а вторых — как «ненцев, не подчинявшихся советской власти» [о ненцах-мятежниках см.: 16, с. 165–196].

Вся территория Обдории и Куновата в средние века представляла собой зону военного противостояния *ур* ёх и угров. С.К. Патканов, основываясь на осязаемых преданиях, называет остров Конавыт границей между самоедами и уграми [17, с. 8]. Главными «горячими точками» того времени нижнеобские ханты считают городок Вош-пай близ Кушевата и район р. Куноват. По легендам, войну с *ур* ёх на Куновате выиграли три брата: Ун Мось ху — «Большой человек Мось», Кутоп Мось ху — «Средний человек Мось» и Ай Мось ху — «Младший человек Мось». В первых столкновениях *ур* ёх были оттеснены до Среднего Логася (среднее течение Куновата), где на высоком яру, неподалеку от основанных позднее юрт Сангымгорт, пришельцы мось установили дозорный пост из женщин и девиц. Ответным ударом *ур* ёх взяли городок и перебили всех оборонявших его женщин. До сих пор место на яру у юрт Сангымгорт называется Евиет вош — «Девичий городок».

Факт беспощадного отношения самоедов *ур* ёх к женщинам — свидетельство особого характера конфликта, когда шла борьба за родную землю (территорию) и уничтожались все враги-пришельцы без различия пола и возраста. Этим военная тактика отступающих *ур* ёх отличалась от обычных военных экспедиций и грабительских набегов, когда «не пушнина и иные драгоценности, не укрепленные городки и богатые промысловыег угодья, а именно женщины и олени» выступали основным объектом и целью нападений [16, с. 111].

Несмотря на отчаянное сопротивление *ур* ёх, р. Куноват стала владениями пришельцев-угров, и лишь небольшое число «куноватской самояди» (потомков *ур* ёх) обитало в ее верховьях до XIX в. Победы угров, возглавляемых братьями мось, воспеты в преданиях; на р. Куноват основаны святилища, посвященные трем богатырям мось. На главном из них, мысе Духов (Лонх авыт нёль) были установлены остроголовые скульптуры братьев-воинов, здесь же хранились доспехи и оружие воинов-победителей. Раз в семь лет здесь проводились военные пляски, во время которых куноватские ханты (куноват ёх), считавшие себя потомками воинов мось, извлекали из тайников оружие, и над рекой Куноват звучал призывающий военный клич «Гей! Гей!» и сверкали поднятые вверх мечи и сабли.

На других территориях Нижнего Приобья о быльих войнах угров с самоедами говорят топонимические названия: р. Сыня имеет приток Ёран ёх вилим юган — «Река, где с ненцами война шла», чуть выше, в районе Тиль-тима, есть урочище, именуемое Ляль екртым поль — «Война окончилась (повернула обратно)».

Северная граница военных столкновений угров и *ур* ёх проходила в 35 верстах от Обдорска. По записанной игуменом Иринархом легенде, остатки вытеснили самоедов к большому сору Вангада, где развернулось решающее сражение. Выиграв битву, остатки отнесли головы побежденных самоедов к ручью Хоро-

нэуподы, насадив «трофеи» на колья. Впоследствии ненцы стали приносить здесь жертвы и, проезжая из тундры в Обдорск, оставляли на святилище олены черепа. Минули столетья, а обагренное самоедской кровью место при ручье Хоронэуподы не забылось, став целой горой из костей жертвенных оленей [18, с. 182–183].

По сообщению Ю.И. Кушелевского, «клятва вечного мира» между осяками и самоедами была заключена около юрт Пащерцевых. В знак признания самоедами «владычества осяков» был исполнен обряд: «из среды своей, по жребию, избрали одного самоеда, убили его, сварили и съели. После срубили у лиственницы вершину и на оставшемся отрубке поставили то корыто, из которого ели человеческое мясо» [6, с. 54]. Обдорский городок становится политическим центром Обского Севера и резиденцией осяцкого княжеского рода Тайшиных. Знаменитое капище Тайшиных на Ангальском мысу (*Лонг авыт нель*), названное Ириархом «оплотом древней веры осяков и самоедов», где регулярно совершались человеческие жертвоприношения, долгое время выполняло роль культового центра как хантов, так и ненцев [19, с. 71]. Осяцкие князья держали пленных самоедов у себя «в работе». В XVII в. обдорский князь Гында Момиков имел 13 самоедов и «морил их с голода» [20, с. 25]. Описывая военное превосходство угров над ур ёх, ханты рассказывают, что их противники «прятались в лесу как дикари».

Даже взятых в плен угорских детей опасались самоеды. По преданию, женщина хантыйского рода *Махсар ёх* (Максаровы и Бубины) во время войны с ур ёх была вместе с дочерью и сыном захвачена ненцами. Один из самоедских вождей женился на ней. Опасаясь мести со стороны взрослеющего хантыйского мальчика, ненцы решили убить его. Мать посадила сына в лодку и велела ему плыть вверх по Оби до двух больших соров (Питлярского и Шурышкарского), туда, где осталась его родина. Выросший среди ненцев мальчик не умел говорить по-хантыйски, добравшись до Питлярского сора, он влез на высокое дерево и закричал: «Нюром мув Махсяр». Его заметили ханты и поняли, откуда приехал мальчик. Позднее его отправили в Шурышкары, дав ему фамилию Максаров.

Основателя рода *Лох пат горт ёх* (или *Шиян пугор ёх*) — «Заливного тупика народ» (*Шияновы*) — старика Какванси прозвали Парши-скоблитель за то, что он «поймал старика ненца, укравшего у него зайца, и собирался убить вора, но ненец взамен зайца отдал ему мальчишку-ненца. Старик Какванси скоблил с головы мальчика болячки (паршу). Мальчишка умер, ханты похоронили его на затопляемом во время весеннего половодья месте, чтобы никогда в этих местах ненцы больше не появлялись». Если верить наблюдениям Ю.И. Кушелевского, презрение к побежденным было настолько сильным, что «когда осяки въезжали к ним в тундру для торговли, то приказывали самоедам, при встрече с собою, падать на колени, кланяться в землю и не смотреть на себя до тех пор, пока не позволят. Входя в самоедские чумы, приказывали постилать себе под ноги оленьи кожи и по ним входили. Не притрагивались к самоедской одежде и к вещам их, а если которые брали из рук их, то через огонь. Окуривали вещи бобровою струей, которая, по понятию осяков, очищает все, от всех нечистот» [6, с. 52–53].

По замечанию А.В. Головнева, «неизвестно, чем бы закончилось триумфальное шествие обских угров по землям самоедов, если бы последние не создали новую культуру крупностадного оленеводства, и в хозяйственном (по уровню самообеспеченности), и в военном (по уровню маневренности) отношениях превосходящую все прежние». Более поздние набеги тундровых ненцев (*ёран ёх*) характеризовались «стремительностью» и «маневренностью», принося уграм не мало хлопот [16, с. 100–106]. Теперь уже хантам приходилось скрываться от неприятеля в лесах и болотах. Ненцы, приезжавшие в верховья р. Войкар, еще в начале XX в. мстили, поселившись в их землях хантам, разрушая их рыболовные ловушки. Пренебрежительное отношение к побежденным самоедам сменилось со временем «превосходством» и «предпочтением» ненецкой оленеводческой культуры.

В результате военного и мирного продвижения угров владения нижнеобских самоедов к XVII в. были рассечены угорским «клином», прошедшим по Оби до ее устья. К востоку от него остались земли самодийцев *пян-хасаво*, к западу — европейских уральских ненцев. Отгесненные к верховьям рек Сыня, Собь, Войкар и Куноват таежные самодийцы *ур ёх* частью откочевывали на север — в низовья Оби, частью были ассимилированы уграми, и лишь небольшие их группы, известные как войкарская, сынская (иньевская), куноватская и ляпинская самоядь, некоторое время сохраняли свою этническую специфику. По «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова самоеды в конце XVII в. еще занимали среднее и верхнее течение рр. Войкар и Собь [21, с. 8]. В архивных источниках конца XVII в. самодийские группы *ур ёх*, кочевавшие в бассейне левых притоков Нижней Оби — Войкару и Сыне, упоминаются под именем «иневской» (сынской) или войкарской самояди. В числе 53 плательщиков они вносили ясак в Войкарском городке [22, с. 68, 73]. По данным ревизских сказок, в конце XVIII в. в Куноватской волости проживало всего 9 самоедских семей (22 муж., 19 жен.), в начале XIX в. фиксируется 13 семей (27 муж., 18 жен.), а к середине — остается только 7 (16 муж., 7 жен.) [см.: 23]. Сохранившиеся на территории Нижнего Приобья группы таежных самоедов *ур ёх*, изолированные от своих соплеменников, стали смешиваться с обскими уграми. Процессу ассимиляции способствовали брачные контакты, окончательно растворившие войкарскую и сынскую самоядь в угорской среде.

О тесных брачных связях северных хантов с самодийцами *ур ёх* можно судить по фольклорным материалам. В былинах и героических сказаниях хантов нередко описываются походы Каменных самоедов в угорские земли с целью «сосватать косатую красивую девицу». «Сыре мясо едящие оленные» люди приходили в остыцкие городки на «больших лодках с раздвоенной кормой», однако сватовство нередко оборачивалось войной [24, с. 8–10]. Так, в сказании «Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины» к южноостыцкому (иртышскому) богатырю «с... отдаленного конца земли» (Нижней Оби) в облике филина прилетела младшая дочь нижнеобского Кровавого богатыря *Nânk-xuś-ho-я* с жалобой на отца, который собирается отдать ее в жены «многочисленным мужам самоедской стороны», «сватам со стриженными лбами». Герой и его брат отправляются в погоню за богом пред назначенной остыцкому

князю невестой. Настигнув самоедский свадебный поезд, один из южноостяцких братьев-богатырей убивает главаря самоедов *Sos tûrum iga* (Сос-Торума), а другой, не сумев преодолеть самоедских кудесников-богатырей, заручается клятвой: «не... сражаться друг с другом на женский век, не... сражаться с друг другом на мужской век». Однако самоеды, нарушив зарок, собрали на острове Кун-авыт (Куноват) «войско столь многочисленное, что нет столько деревьев в лесу, нет столько былинок на лугу» и напали на осяцких князей. Только вмешательство духов *Pit-pou-iga* (Пит-поу) и *Nûm-iga* (Нума), подоспевших на помощь и разгадавших секрет «бессмертия» самоедских шаманов-богатырей, спасло братьев от неминуемой гибели. На помощь обессилевшим осяцким богатырям спешили из южных земель «старуха и старец с устья Конды», намеревавшиеся «столкнуть остров Кун-авыт в воду и съесть... самоедских богатырей». С нижнеобской княжной и трофеями — «металлическими вещами и пушниной» братья вернулись в свой город. В то же время нижнеобские князья городка *Soy-xus-a* (Сонг-хуша) отправлялись сватать «самоедских красавиц», снарядив в поход «воинский отряд в 700 мужей». На традиционность брачных контактов с самоедами указывает и то, что их мать то же была из самоедок, ее имя — Олења Самоедка с Иловатыми Глазами [24, с. 17–46; 25, с. 153–167].

Вероятно, со временем браки между северными осяками и самоедами стали не редким явлением, неслучайно в составе северохантыйских родов обнаруживаются самодийские компоненты. По легенде, родоначальником рода Кунжолон ёх, в состав которого входит фамилия Сязи (В.И. Васильев соотносит нижнеобских хантов Сязи с куноватскими ненцами Сезиными [26, с. 125–126]), был внебрачный или найденный во время потопа ребенок. Родовым духом (лонхом) Кунжолон ёх является *Сос ики* — «Старик-Горностай». О святилище Горностая на Кунжольском мысу сообщает Г. Старцев в связи с описанием запрета убивать горностая и жертвоприношения оленя духу Кунжольского мыса в случае «нечаянного» убийства зверька [27, с. 98, 112]. О Старике-Горностае нижнеобские ханты рассказывают следующую легенду [В.А. Сязи, Полярный Урал, 1990]:

Сос ики жил в лабазе у женщины Сязи. Каждый день она приносила Горностаю пищу. Однажды женщина сварила для него зайца вместе с головой. По поверью, Горностаю заячью голову есть нельзя. Рассердился Горностай. Женщина увидела, как из лабаза кто-то выбежал, только тень промелькнула. Ушел Сос ики вниз по Оби к ур ёх. Один ненец увидел след песца, пошел по нему, но след песца превратился в след горностая. На конце следа нашел ненец горностая без хвоста (*ай сос*), подобрал и стал хозяином этого духа. Шаманы долго били в бубны, искали своего духа (лонха). Только через некоторое время смогли вернуть его на свою сторону. С тех пор Сос ики хранят не в лабазе, а в нартах, называя его Ухлан ики — «В нартах старик». Раз в семь лет наряды с Ухлан ики возят в те места, где был найден Старик-горностай.

Связь Старика-Горностая с ненцами прослеживается не только в требованиях духа возить его раз в семь лет в самодийские земли. В уже упомянутом сказании «Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины» южноостяцкий богатырь отвоевывает у самоеда *Sos tûrum iga* (Сос-Торума) невесту,

дочь нижнеобского старика Nânk-xuś-ho-я. В поединке остяк отрубает врагу по колено ноги. Безногий самоед выбегает из свадебного полога, обернувшись горностаем (Хui-sos). Всякий раз, настигая самоеда-горностая, новоявленный жених-остяк отсекает часть туловища зверька. Оставшаяся от горностая «самоедская голова» скатывается в кровавую реку. Избегнув меча остыцкого богатыря, голова самоеда говорит: «Убегая от тебя, я прятал от тебя мою отливающуюся головную кожу, прибегая к сотням уловок, прибегая к многочисленным выдумкам. Раз ты сюда войдешь в воду, то ты муж, живущий в светлом мире, войдешь на много лет. Если ты имеешь намерение вернуться домой, то возвратись... со своей косатой головой. Что же касается до меня, то пусть многочисленные мужи самоедской земли принесут сюда пожертвованные... мне чаши, пожертвованные мне берестяные сосуды, пусть сюда будут приведены в качестве кровавой жертвы хвостатые собаки, шерстистые собаки... В доме наполненном собравшимися женами, наполненном собравшимися мужами, не говори, что тебе удалось содрать с богатыря Sos tûrum iga его отливающуюся головную кожу» [17, с. 36; 24, с. 17–38, 101–103; 25, с. 153–160]. Не исключено, что родовой дух Сос ики и самоед Sos tûrum iga — одна и та же фигура, а «кровавая река» — граница владений северных остяков и самоедов.

Таким образом, в составе нижнеобских хантов обнаруживается присутствие самодийского субстрата. Вероятно, уже к концу XVIII в. самодийцы *ур ёх* почти полностью растворились в угорской среде. Немногочисленная этнотERRиториальная группа куноватских ненцев, зафиксированная материалами переписей конца XVIII — начала XIX вв., сохраняла свою этническую специфику благодаря связям с уральскими самоедами (или заново сформировалась из числа европейских ненцев-переселенцев [см.: 26, с. 126–129]). Последние фамилии куноватских ненцев (Тыликовы, Тяро), определяемые уже как *саран ур ёх* — зыряно-самоеды, исчезли в 1930–70-х годах.

«Люди потопа» (*Послан ёх*)

Трудно с уверенностью судить, кто из предков хантов первым достиг низовий Оби и откуда он прибыл. В северохантыйских преданиях перекликаются рассказы о людях *мось* и людях *пор*, которые то заселяли пустующие земли, то побеждали местный «дикий народ», то сражались друг с другом. Сами северные ханты в большинстве случаев считают первыми из своих пришедших на север предков людей *мось*. К их заслугам относят, прежде всего, захват усть-обских территорий *ур ёх*. Древность легенд о народе *мось* оттеняется упоминаниями в связи с их приходом потопа, от которого люди *мось* спасались на Уральских горах. Наряду с *мось* (и гораздо чаще, чем *мось*), в качестве героев «потопных» сказаний упоминаются люди *пор*. При этом, если *мось* считаются пришельцами с запада, то *пор* — с юга.

Мифы о потопе широко распространены среди народов Западной Сибири. Угорские сказания включают версии, где он трактуется как первичный океан, когда птица *лули* (железокрылая гагара или две гагары «с игольчатами кловами») по приказу Кон-ики-пах (или *Нум-Торума*) поднимает крапину земли с его дна

[25, с. 63, 72, 258, 291]. С преданием о великом потопе (первичном океане) связан миф о ныряющей птице [28]. Среди хантов распространены и другие легенды о потопе, в которых рассказывается не о сотворении Земли, а о спасении людей в водах огненного потопа. Едва ли не каждый род имеет свою версию истории о том, как его родоначальник сумел спастись в стихии смын ик — «священной воде». Понятно, что подобные легенды имеют мало общего с эпохой Творения, в них повествуется о движении героев по «большой воде» (Оби) и освоении ими новых земель [А.П. Кондин, поселок Казым-мыс, р. Большая Обь, 1990]:

За семь лет до начала потопа шаманам стало известно о приближающемся времени огня и воды. Шаманы били в бубны, гадая о том, как можно спастись. Люди, не умевшие плавать, стали строить плоты (*пор*). Только семислойный плот (*лабыт лаур полет пор*), сделанный из семи бревен в семь слоев, покрытый семислойным пологом из кож осетра и стерляди, мог устоять против стихии. В какой-то местности, выше Березова, росла священная береза с семью отростками от вершины. Однажды береза та упала и из под ее корней начала бить вода. Люди укрепляли это место, но никак не могли остановить водяного потока. Тогда люди расселись на плоты, и их понесло вниз течением Оби. Женщин и девушек на плоты не брали, их все равно вода с огнем скирала, спасались только мужчины и «чистые» девочки. Семь дней вода кипела — огонь и вода вместе шли. Нижние слои плотов разбивались, верхние слои пологов сносило. Вместе с огненной водой несло множество огромных ящеров и змей, которые взбирались на полоты и поедали людей. Много народу тогда погибло — те, кто не успел построить семислойного полота, те, кого смыло водой. Когда стихия углеглась, люди стали высаживаться на высоких островках — пугорах. Приплывших на плотах людей называли нобтын ёх — «приплывший народ» или пор ёх — «люди плотов».

Примерно в тех же вариантах распространены предания об «огненной воде» у северных манси: «На той земле, где манси теперь живут, однажды появилась большая огненная вода. Поверхность земли сгорела, почва окрасилась в цвет охры, а в слое земли, якобы, эти следы видны до сих пор. Вода вспыхивала недолго — всего лишь за то время, в течение которого можно сварить суп. О надвигающейся беде люди узнали за семь дней до события. Они сделали плоты из семи слоев лиственничных бревен и покрыли пологами из стерляжьей шкуры, чтобы их не кусали змеи и иные пакости. Привязали свои плоты к вековому дереву веревками из корня тальника. Те плоты, что крепились другими корнями, унесло течением вниз по реке» [29, с. 43–44].

Подобных легенд немало. Идет ли в них речь об одном «потопе», или в понятии «священной огненной воды» обобщено представление о неоднократно повторявшихся бурных обских половодьях? Не исключено, что герои сказаний прибыли на нижнеобские «пугоры» из разных мест и в разное время. По рассказам, отличались и конструкции плотов: одни «люди потопа» приплыли на семислойных покрытых кожей рыб плотах, другие — на плотах, связанных веревками из собачьей шерсти и тальникового лыка.

Так или иначе, потоп стал своеобразной точкой отсчета появления большого числа пришельцев с юга и складывания новых родовых групп. По традиции

родственниками считаются те, чьи предки во время потопа остались на одной горе или осели на одном островке (смын мув лопсыт — «святой земли куски»). Род северных хантов — и сыр рут — иносказательно называют «семь сыновей — одно весло» или «одно весло имеющие» (и луптайлат). Островки и возвышенности, на которых спаслись легендарные герои, стали родовыми святынями. Например, на развилке Полуя, где река делает кругой изгиб и расходится на два рукава (около Зеленого Яра), со спадом воды каждый год обнажается островок. По преданию, здесь и остановились спасавшиеся от потопа люди. Встав на едва выступающий из воды островок, они крикнули семь раз «на Небо», после чего появилась «куриная ножка» и земля поднялась из воды. Обнажающийся ежегодно после весеннего половодья островок у Зеленого Яра и поныне считается священным местом полуиских хантов. Женщинам нельзя передвигаться по воде мимо священного острова-горы — им следует идти пешком по берегу, а зимой объезжать остров на нартах.

Как уже говорилось, от потопа пришлось спасаться не только «людям плотов» пор, но и пришельцам со стороны Урала мось. У войкарских хантов, живущих вблизи от Урала, бытует такое предание [Т.И. Хунзи (Озелова), поселок Унтыльгорт, р. Малая Обь, 1989]:

Вода была везде, кроме Урала. Когда вода прибывала, на его высоких склонах собирались и люди, и животные — медведи, волки, лисы, росомахи (священные звери, чьи шкуры и изображения хранят в домашних святынях). Целую неделю бушевала вода. Люди и животные вместе жили, и никто никого не боялся. На этой горе собирались разных родов и даже народов люди. После спада воды они разошлись по разным юртам и стали жить родами. Один зырянин пришел из-за Урала (*Нерапса ху*) и во время потопа оказался с хантами на одной горе, после чего породнился с ними.

Сосьвинские манси считают, что во время потопа (ялтынг акв — «священная вода») мось ёх спасались на горах Урала. Позднее мось и пор стали жениться друг на друге. По рассказам сынских хантов, пор ёх и мось ёх говорили на разных языках. Они воевали друг с другом, и мось ёх осталось меньше, т. к. многие из них погибли. Людей пор, наоборот, становилось все больше, поскольку к ним стали относить всех «приплывших людей», в том числе послан ёх или похрын ёх — «народ проток».

У самых северных групп нижнеобских хантов представления о принадлежности к мось ёх или пор ёх весьма противоречивы и расплывчаты. От хантов, проживающих за Салехардом, чаще всего приходится слышать утверждение: «Мы — не пор и не мось». Понятие о Пор и Мось, как о двух экзогамных половинах, существует у сынских и куноватских хантов.

На р. Сыне к мось ёх относят так называемых «чистых» хантов — сеня ёх (или ерля ёх) — «реки Сыня народ». В эту группу входят фамилии Лонгортов, Вальгамов и часть Куртамовых (чиркан ёх). В ряде случаев к мось ёх были отнесены фамилии Рохтымов и Еприн. К мось ёх северные ханты причисляют и всех коми. Группа послан ёх — «люди проток» включает фамилии Талигин, Макаров, Пугурчин, Пырысов, Муркин, Артанзеев, Питласов и дру-

гую часть Куртямовых. По свидетельству сынских хантов, послан ёх некогда пришли на р. Сыня с Оби. Фамилии, причисляемые к послан ёх, имеют различную степень взаимного родства. По одной из легенд, Макаровы, Талигинь и Пырысевы были братьями и жили вместе, потом разъехались в три деревни. В Тиль-тиме остался Талигин, а своих братьев он отправил вниз по реке: Макаровых — в Нымвош-горт, Пырысевых — в Ямгорт. По другим данным, «близкими братьями» приходятся друг другу Талигинь и Пугорчины.

О делении сынских хантов на сеня ёх и послан ёх писал И.Г. Юданов: «Население, живущее по реке Сыне состоит исключительно из остыаков северной группы, принадлежащих к двум древним родам — Сеня и Послан, названия которых обычно употребляются в сочетании со словом «ех» (с остыцкого — «народ») — Сеня-ех и Послан-ех. Оба рода теперь представлены несколькими фамилиями, а именно, к Сеня-ех относятся фамилии — Куртямов, Лонгортов, Талигин, а к Послан-ех — Артанзеев, Питгласов, Пырысов. Судя по тому, что название реки произошло от рода Сени (остыцкое Сени — Сеня-юган) можно полагать, что этого названия род поселился на реке раньше второго. На это точно так же указывает само название «Послан», говорящее о том, что в стародавние времена Послан-ех жил в районе каких-то проток (протока по-остыцки — посл). По-видимому, в начале представители того и другого рода отличались друг от друга и по языку и по внешним признакам, теперь же родовая грань проявляется только в некоторых обычаях, которые являются обязательными для одного рода и считаются желательными для другого. К числу таких обычаем, например, относится традиционный остыцкий праздник — чествование убитого медведя или медвежий праздник, обязательный Сеня-ех, а для другого рода устраиваемый по желанию без строгого для соблюдения всей обрядности» [30, с. 39–40]. К Пор ёх или послан ёх сынские ханты причисляют всех переселенцев, в том числе и русских.

Примерно такая же ситуация сложилась на р. Куноват. К мось ёх здесь относят «местных» («чистых») хантов — куноват ёх («реки Куновата народ»), к которым причисляются фамилии Яркин, Тользин, Муратов и часть Тояровых. По преданию, три брата — Яркин, Тользин и Тояров — пришли на Куноват из юрт Теги и разошлись по трем деревням: Яркин поселился в Сором-логасе, Тояров — в Сангым-горте, Тользин — в Юган-тай горте. Послан ёх включают фамилии Уксюмов, Толба, Сотруев, Тоголмачев. По свидетельству куноватских хантов, послан ёх «друг другу родней приходятся», но близкая кровная связь прослеживается лишь между отдельными фамилиями — Уксюмовыми и Толба, Сотруевыми и Тоголмачевыми.

Для «чистых» групп сеня ёх и куноват ёх характерно наличие общего духовного покровителя. На Сыне хозяином реки Сыня и группы сеня ёх выступал Кейв ур ху акем ики — «Каменный ненец дядька старик». На р. Куноват главными являлись три брата лонха: Ун Мось ху («Большой человек Мось»), Кутоп Мось Ху («Средний человек Мось») и Ай Мось ху («Младший человек Мось»). Ун Мось ху принадлежал Яркиным, Кутоп Мось ху — Муратовым, Ай Мось ху — Тояровым. У каждого из братьев-духов было отдельное капище со священными лабазом и нартами. Как свидетельство родства между братьями-

духами имелось и их общее святилище (*Лонх авыт нель*), где «три брата-лонха стояли в одном ряду». Здесь устраивались общие жертвоприношения *куноват ёх*. По сказкам, *Ун мось ху* ходил «свататься и воевать и к ненцам, и к коми».

У куноватских *послан ёх* не прослеживается религиозно-культового единства. Тояровы, относящиеся к этой группе, хранили в Ай юган горте изображение *Еври ики* — «Старика волка»; Сотруевы и Тоголмачевы имели *Сорни юх* — «Золотое дерево» (священная лиственница) и священные наряды, принадлежавшие духу *Сорни пох ики*; Толба и Уксюмовы держали священный лабаз, именуемый *Сязи* — «Бабушка». Сынские *послан ёх* также почитали разных духов: Пырысевы — *Хон пох ики* («Божий сын»), Талигини — *Карды вореш* («Железный коршун»).

Приведенные данные позволяют еще раз обратить внимание на то, что группа *мось* (*сеня ёх, куноват ёх*) считается более древней («чистой», «местной»), чем *пор* (*послан ёх, похрын ёх*). Кроме того, *пор*—*послан* не отличаются культовым единством, характерным для *мось*. По-видимому, группа *пор* сложилась из различных и разновременных потоков мигрантов с юга, которых объединяло противопоставление «местным» *мось*, а также общность способов продвижения (на «плотах») и мест расселения (по «протокам»). Впрочем, и западные мигранты, первыми из которых были легендарные *мось*, не представляли собой единой волны переселенцев. В течение длительного времени (вплоть до современности) пути через Урал оставались основными маршрутами продвижения переселенцев в Северное Приобье.

Переселения «Сосьвинского народа» (*Лев охаль*)

Одним из наиболее известных маршрутов перехода из-за Урала на Нижнюю Обь было течение рр. Северная Сосьва и Ляпин. С начала освоения Сибири им пользовались и русские — «торговые» и «гулящие» люди, военные дружины. По-видимому, в позднем средневековье бассейн Сосьвы и Ляпина стал своего рода «промежуточной базой» для движущихся за Урал мигрантов. Отсюда, уже отчасти освоив приобские территории, они шли далее на север вдоль Оби.

На Нижней Оби известны родовые группы, причисляемые северными хантами к *лев охаль* — «народу с реки Сосьва». К ним относятся: *Ванды пугор ёх* — «Наблюдательной деревни народ» — Кондыгинцы, Альгамовы, Ковшины, Пронькины; *Лох пат курт ёх* (или *Шиян пугор ёх*) — «Заливного тупика народ» — Шияновы; *Ланги вош ёх* — «Беличьего городка народ» — Мошкины; *Кушеват ёх* или *Сор юган ёх* — «Щучьей реки народ» — Русьмиленко. Юрты Кушеватские прежде назывались *Лев вош* — «Сосьвинский городок». К *лев охаль* относятся также фамилии Сайнахов и Тобольчин.

До недавнего времени переселившиеся на Нижнюю Обь *лев охаль* сохраняли связи со своими родовыми местами. Известно, что духом-лонхом Русьмиленко был *Лев кутоп ики* — «Средней Сосьвы старик». *Лев кутоп ики* почитался и *Хош горт ёх* — Тырлинными. Духом рода *Шиян пугор ёх* был *Пажит мек ики*. Еще в начале двадцатого столетия Шияновы ездили через ю. Тиль-тим (р. Сыня) на р. Сев. Сосьву, где на р. Пажит-югане находилось капище «глав-

ного» *Пажит ики*. Его сестрой считалась *Пажит нэ* — тутлеймская Женщина (лягушка). По представлениям казымских хантов святилище «семерых духов с местечка Пашит» находилось в верховьях рр. Сыня и Хулга. Почитался *Пашит верт* казымскими хантами как могущественный «двухголовый, четырехрукий» лесной дух ялы (менк). Когда он, именуемый на медвежьем празднике *Кат веши япал* — «Двуликий дух», появляется в танцевальном доме, «котлы... вверх дном переворачиваются», «с деревьев хвоя осыпается» [31, с. 56–58, 62, 74].

Женские образы, именуемые Лев нэ ими — «Сосьвинскими Женщинами», широко распространены на Нижней Оби: «Середины Сосьвы Женщин» почитали в Питляре, Тегах, Казым-Мысе и других селениях по Большой и Малой Оби. Духов с реки Сосьвы *Ай Лев тый миш нэ* — «Верхний Малой Сосьвы женщина-миш» и *Лэв кутуп миш нэ* — «Середины Сосьвы женщина-миш», приходившихся племянницами *Касум ими* — «Казымской старухи», «приглашали» на медвежьи игрища казымские ханты. Считалось, что сама хозяйка р. Казым была родной сестрой *Лэв кутуп ики* — «Средней Сосьвы старика». Один из ее эпитетов «Священный камень, святой камень у порога (Урала), великая женщина-дух». В свою очередь в призывной песне *Лэв кутуп ики* величается «вечным золотым» духом-хранителем казымских (юильских) хантов [31, с. 26–27, 39–41, 125]. По представлениям сосьвинских и ляпинских манси *Касум най эква* (Казымская богиня) была лишь дочерью (или внучкой) сестры этого духа [29, с. 75, 79; 32, с. 238;].

Миграции с запада зачастую сопровождались конфликтами новых пришельцев с местным населением. О войне войкарских хантов с пришлыми людьми *ай лев ёх* («малой Сосьвы народ») сохранилась легенда [Г. Ребась, поселок Вершина Войкара, р. Войкар, 1995]:

В юртах Отляр (р. Войкар) жил человек-Гагара. Было у него две жены. У старшей из них было два взрослых сына, у младшей — один сын, еще в колыбели. Пришли на р. Войкар *ай лев ёх*. Однажды отец спрашивал старших сыновей: «Вы слышите что-нибудь?» «Ничего не слышим», — отвечают сыновья. «Как не слышите, что-то ведь слышно, наверно война идет», — говорит Гагара. Отец стал собираться в лес, Гагара есть гагара, а сыновья дома остались. Война дошла до Отляра. Всех жителей поселка воины *ай лев ёх* убили и сыновей Гагары тоже. Женщин с собой забрали, увели и старшую жену Гагары.

Гагара на другую сторону валится (по другой стороне Оби идет), добрался до местечка Халей-пугор («поселок Халея»). Подстерегли Гагару воины *ай лев ёх*, стали стрелять в него из луков, а человек-Гагара нырнул в воду и как утка под водой ушел, Гагара есть гагара. Остановился Гагара в Халей-пугоре, заснул на каменной скале. Следующую ночь провел Гагара на озере близ Халей-пугора, в доме Халея. Среди ночи слышит, будто идет кто-то. Гагара думает: «Халей идет по суще, видно, кругом сухо».

Пошел человек-Гагара дальше. С другой стороны война еще страшнее идет. Приходит Гагара на р. Юган (Вершина Войкара), и там весь народ перебит — весь мир спит. Гагара думает: «Что я буду делать один? У меня еще жена есть, с другой стороны реки на конце поселка живет, пойду к ней». Пришел

к младшей жене. Решили они двигаться на р. Нак-юган. Женщина идет за мужем и ребенка в люльке за спиной несет. Война их догоняет. Подходят к горе, а с горы лучники стреляют, стрелы так и сыплются. Одна стрела между дном и стенкой люльки прошла. Гагара и его жена в воду нырнули, Гагара есть гагара. Плынут. Кричит Гагара жене: «Ребенка брось, тебе легче плыть будет!» «Как я ребенка брошу, он же глазами видит», — отвечает жена. Бегут дальше. На Нак-юган пришли, там тоже все жители перебиты. Обратно повернули. В лесных землянках два года прожили. Сын у Гагары растет. Гагара думает: «Что-то делать надо. Никого не осталось». Вернулись на Ай вош пай (городок в устье р. Войкар) — и там никого.

Созывает Гагара всех оставшихся в живых мужчин на войну. Собрали большое войско с Оби, лесных деревень людей и оленных людей. Гагара во главе войска идет, хочет свою старшую жену у ай лев ёх отнять и за сыновей отомстить.

Идут вверх по Оби. Дошли до того места, откуда война началась. Встретили там двух мальчиков-караульщиков. Спрашивают у них: «Где ваш вождь?» Мальчишки хитрят, не отвечают. Тогда человек-Гагара одного из них убил. Второй мальчишка-караульщик испугался и говорит: «Жена твоя у нашего вождя живет, не раздета, не разута, а в железные одежды наряжена». Рассказал парнишка, где жена Гагара спрятана. Ночью подошел Гагара к тому месту. Как собаки залают, он камушек кидает, чтобы они за ним не бежали. Городок большой. Гагара думает, как жену выручать, как ее из дома вызывать. Решил в отхожем месте спрятаться, все равно рано или поздно жена туда придет. Через некоторое время приходит жена Гагары, плачет: «Как вы в городок пройдете — окружающие поселок цепи звенеть будут». Гагара говорит своей жене: «Ты поможешь нам. Как вернешься в дом, стрелы перекуси, тетиву у луков укороти, железные одежды ножом разрежь. Я подойду к дому и крикну, вождь ай лев ёх наденет железные одежды, а двигаться не сможет».

Ночью влетел Гагара в поселок, кричит: «Выходи, воевать будем». Вождь ай лев ёх кольчугу надеть не может. Гагара стрелу пустил, через отверстие в кольчуге стрела прошла. Испугался вождь ай лев ёх, в лес побежал, через три речки перемахнул. Гагара его догоняет. Просит вождь ай лев ёх не убивать его, но Гагара вспорол ему живот. Живот снова срастается. Тогда человек-Гагара в живот вождя ай лев ёх траву из кисов (стельку) натолкал. Перестал срастаться живот. Сердце врага завернуло в кишки и съел (одно сердце он съесть не мог). Скальп с него снял и на самое высокое дерево в Отляре, где его сыновей убили, повесил. Жену свою забрал. От человека-Гагары все войкарские ханты произошли.

В приведенном сказании обращает на себя внимание общность некоторых сюжетов с северосамодийским героическим эпосом: умерщвление оживающего героя «грязными» (женскими) вещами, поедание сердца, забрасывание голов-скальпов врагов на вершину дерева и др. Образ человека-Гагары соотносится с лонхом (духом) одного из родов войкарских хантов — *Нянь-гортен ёх* — «Хлебного городка народ» (Сэвли), принимающего облик *Toхтан ики* — «Старика-гагары». Его металлическое изображение хранится на святилище у юрт *Нянь-горт*. Примечательно, что *Есьтото Паяры* (*Железокрылая Гагара*) является одним из духов, призываемых ненецкими шаманами при камлании [16, с. 382–383]. Вполне возможно, что в образе Старика-гагары выражены культовые

характеристики древнего таежно-самодийского населения (*ор ёх*), с которым столкнулись в низовьях Оби пришельцы-угры.

К лев охаль низнеобские ханты относят и легендарный народ *пастэр ёх*. О народе *пастэр* известно несколько легенд. Две из них, записанные И. Папаи у обдорских хантов и В.Н. Чернецовым у северных манси, по сюжету повторяют друг друга. Обе легенды рассказывают о переселении предков народа *пастэр* из южных мест, «где берет начало Обь», на север, на р. Полуй, где и поныне проживают ханты рода *Пастэр ёх*. Обе легенды начинаются с описания погони за лосем предков народа *пастэр* — Шагом Менква Обладающего Человека и Крылатого Пастэра. Не доходя «до нижнего конца Урала», Крылатый Пастэр убивает «богом созданного священного зверя, богом созданного отмеченного зверя». По легенде, записанной И. Папаи, Крылатый Пастэр возвращается домой, а Ногастый Пастэр, достигнув места, где был убит лось, остается в низовьях Оби навсегда и вскоре забывает «свою прежнюю родину». В записи В.Н. Чернецова, Шагом Менква Обладающий Человек, Крылатый Пастэр и три «обыкновенных» человека, встретившись на конце Нижнего Урала, уходят в низовья Оби и поселяются на р. Полуй [25, с. 170–171, 432–433].

Осевшая в устье Полуя (чуть выше Салехарда) северная группа народа *пастэр* известна среди низнеобских хантов как род *Пастэр ёх*, проживавший в юртах с тем же названием *Пастэр-горт* (Пашерцевы юрты Обдорской волости). К роду *Пастэр ёх* относятся фамилии Шуганов, Ильин и Кормяков (все они почитают и хранят изображение духа *Пастор ики*, он же Хынь ики). Причисля род *Пастэр ёх* к лев охаль («народу с реки Сосьва»), северные ханты добавляют, что в старые времена за незнание местного диалекта их называли *вадаси* — «бессловесные».

По мнению В.Н. Чернецова, народ *paster* ведет свое происхождение от мансиjsкого рода *Пастыр махум*, некогда живавшего в селении Мункес на р. Ляпин, где находилось главное капище «семи крылатых *paster*» [33, с. 27].

Продолжая изучение истории этого народа, Е.И. Ромбандеева обнаруживает, что «потомки северных манси из деревни Мувентес» некогда пришли с верховий р. Лозьва и поселились по р. Сорахта, притоке р. Ляпин (Сакв-я). По преданиям, предки народа *пастыр махум* были сильными воинами. В призывной песне духов-предков, которым до сих пор поклоняются их потомки — хошлогские манси, поется о переходе богатырей через «семь рек, шесть рек». Отыскивая прародину легендарного народа, Е.И. Ромбандеева сопоставляет его название с мансиjsким наименованием реки Печора — *Пашдар ас* — «Большая река Пашдар» (или «пропасть, через которую льется много воды») [29, с. 43–44].

О продвижении народа *пастыр махум* на север Е.И. Ромбандеевой записана еще одна легенда: во время «огненной воды», «людей из деревни Мувентес на Сакв-я, поклонявшихся предку-духу Паштор (Пастыр ойка), унесло далеко на Обь, в те места, где впоследствии возникла дер. Пашторские юрты» [29, с. 44]. В результате ассимиляции пришельцев на Оби появился хантыйский род *Пастыр ёх*, «половина которого — манси, а половина — ханты» [32, с. 215; 239]. По поверью, возвращение народа на р. Сакв-я грозило ему вымиранием. Однако до сих пор манси р. Сакв-я и манси Оби считаются кровными родственниками и называют друг друга «брать» и «сестра» [29, с. 44].

Юрты Пашерские (Пашерцевы) во главе с князем Семеном Юркиным фиксируются по ревизским сказкам и в Подгородной волости [см.: 34]. Переселение на р. Обь, вероятно, проходило через р. Богулку, где по легенде, записанной А.А. Дуниным-Горкевичем, проживали братья-богатыри, сыновья Ул-пан-лоль-ман-вурта, чьи потомки основали обские Пашерцевы юрты. В сказании братья-богатыри мастерили луки «из лиственницы толщиной в человеческую голову», «на тетиву шло 1,5 пуда конопли, а для проклейки ее варили клей из копыт 150 диких оленей», стрелы делали, вырвав березу «в руку толщины». Примечательно то, что, по легенде, братья «ездили на лосях». В ссоре младший брат убивает старшего, а затем и сам погибает. «И до сего времени на месте старых Пашерцевых юртах никто не селится», а потомки братьев уехали на Обь и поселились в юртах Пашерцевых [35, с. 23–24, прил. IV].

Любопытно, что первые две легенды о появлении северной группы *Пастыр* ёх включают сюжет погони за лосем, а в последней легенде предки-богатыри используют «ногастого зверя» в качестве транспорта. Охотники *Пастэр*, будучи приуральского (западного) происхождения, принесли на рр. Сосьву и Обь культ лося. О хозяине устья р. Вижая (пр. Лозьвы) *Вит ялпынг ойка* — «Священной воды торум» (небольшая фигурка лося, вылитая из олова), живущем у своего сына *Сау паул ойки* в селении Сав паул, сообщает В.Н. Чернецов. *Вит ялпынг ойка* считается предком фамилии Елесиных. Другой сын *Вит ялпынг ойка* — *Леп тит ойка*, по преданиям, некогда переселился с р. Лозьва на Сосьву в устье р. Лэплы. Его изображением была деревянная фигурка лося. *Леп тит ойка* считался предком рода Сампильталовых, живущих в вершине р. Сосьва. Елесины и Сампильталовы называют свои роды «братскими» [32, с. 240; 33, с. 25–26]. В обличье лося, опираясь двумя руками на посохи (ноги) из ели и лиственницы, *Леп-тит ойка* является на медвежий праздник. При посещении святилища *Леп-тит ойки* В.Н. Чернецов обнаружил четыре старых культовых амбарчика, в одном из которых хранилась жертвенная посуда и топор для разрубания лосиных голов. Однако самого *Леп тит ойки* здесь не оказалось, не было ни его меча, ни свинцовой отливки лося с золотыми глазами и серебряной монетой, вставленной в живот. Найдены были лишь небольшой деревянный идол с серебряными глазами в суконных остроконечных шапках (сын?) и *Цах ойка* — боевой бронзовый молоток с железным клювом, завернутый в бесчисленные одежды [32, с. 201–202, 239].

Часть народа *пастэр* при продвижении на север, по-видимому, осела в районе Мужей, где в составе Аспукалского городка встречается фамилия Пасторовы [см.: 36]. К роду *Ас пухлын ёх* — «Обского поселка народ» или, как его иначе называют, «Обь долбящий народ» нижнеобские ханты относят фамилии Тарагутта, Елескин, Конкин, Костин и Пасьмаров. По нашим полевым материалам, род *Ас пухлын ёх* ведёт свое происхождение от Елесиных (Елескиных). По сведениям В.Н. Чернецова, Елесины еще в начале XX в. проживали в верхнем течении Лозьвы [32, с. 14]. По легенде нижнеобских хантов, двое Елескиных в старое время бежали от чумы и спустились на Обь с Урала. Оленей тогда много пало, они пришли в эти места пешком и остались здесь жить. Когда у одного из Елескиных умерла жена, он

женился во второй раз. Женщина была беременна и вскоре родила мальчика. Женщина и ее сын были родом с р. Нёс-юган (приток р. Сыня). От мальчика позднее пошли все Конкины. Поскольку его отчим Елескин считал мальчика своим приемным сыном, Конкины относятся к роду Ас пухлын ёх.

Одним из родовых божеств Ас пухлын ёх является Хорам ур нэ (Мис нэ) — «Лесная Красавица», имевшая облик лосихи. По легендам, записанным в поселке Мужи у П.П. Русьмиленко (Елескиной) и в поселке Усть-Войкар у Е.К. Ребась (Конкиной) и Ф.А. Озелова, богиня Елескиных Хорам ур нэ была замужем за местным духом Выл-посл ики. Совместная жизнь Хорам ур нэ и Выл посл ики (Сёпр ики) не сложилась:

Однажды супруги поссорились. Выл посл ики удариł жену по голове, так что кровь побежала. Говорит Хорам ур нэ мужу: «Как мы дальше жить будем вместе? Пусть только один дымок в Выл-после останется». Забрала ребенка и пошла в сторону Аижки-горта. Пришла в деревню, ребенка распеленала, мокрую подстилку поменяла, чистую постелила (место, где она подстилку выбросила, названо Олакун пугор — «Постель ребенка меняла» и считается священным, там женщинам нельзя ходить).

Переехала Хорам ур нэ через р. Ай-вош-юган. Не доезжая до Мужей, ускорила шаг, а когда проходила по живуну Сойпиды-муши, ее нога провалилась в снег. Оглянулась Хорам ур нэ и увидела, что оставляет след в виде лосиного копыта. Перегрузив ребенка за плечи, побежала дальше в сторону вершины р. Войкар. Пришла к острову Юхлы пугор — «Без деревьев остров», остановилась, болотной водой смыла кровь со своей головы (из этого болота, женщинам нельзя воду пить).

Дошла Хорам ур нэ до середины Войкарского сора, на священном мысу решила передохнуть. Увидела орла-белохвоста, опускающегося на лиственичный мыс. На лиственичном мысу в священном болотце Емын тув она ребенка помыла. А ей голос говорит: «Зачем тут моешься, озеро-то священное. Старик-орел приходит сюда. Если ты на сору будешь мыться, где люди будут воду пить».

Побежала женщина-лосиха на озеро Ворчелор. Присела на отколовшийся от скалы камень, прозрачный как стекло (камень тот и сейчас там же находится, глядя в него, можно различить сидящую женщину с младенцем). Выл послан ики, следя за женой, каждый раз натыкался на освященные места. Шел-шел, и до камня добрался, говорит: «Жена, не стоит ссориться, что было, то прошло, собирайся, домой пойдем». «Нет, ты живи, как сможешь, а я буду жить своей жизнью», — ответила ему женщина-лосиха.

По одной версии, Хорам ур нэ оставила своего сына на мысе Нанк-кильды нёль («Женщин поднимающихя мыс»), подумав: «Проезжающие ханты будут поры устраивать, может быть, рюмку здесь поставят». По другой, после ухода мужа, она вернулась в юрты Усть-Войкар и основала Ай вош пай («Маленький городок»). Сама ушла в Паль вош («Высокий городок»), а хозяином мыса и городка оставила своего сына.

Пельвожские Елесины, наряду с харпоскими Тобольчинами, считаются выходцами с р. Лев юган (Сев. Сосьва) и родственниками обдорских хантов Пастор ёх. Все эти родовые группы, по-видимому, относятся к одному мигра-

ционному потоку, получившему в североугорском фольклоре наименование «народа пастэр». Легенды о хождениях женщины-лосихи в какой-то мере рисуют путь передвижения пришельцев-пастэр. Поток переселенцев с запада или юга запада — рек Лев-юган, Нёс-юган был долговременным. Вероятнее всего, переселение народа пастэр представляло одну из волн миграций с запада.

Миграции на Нижнюю Обь лев охоль (*ай лев охоль, пастэр*), вероятно, следует связывать с вытеснением сосьвинско-ляпинских хантов мигрантами-манси. По предположению Э.П. Соколовой, еще в XVII–XVIII вв. в бассейне Сев. Сосьвы и Ляпина проживали ханты, о чем, по ее мнению, свидетельствую «отсутствие в прошлом браков с мансиjsким населением Конды, Пельма, Лозы и Сосьвы», наличие хантыйской топонимики, сходство в языке и культуре северных манси и хантов, вхождение в Ляпинское княжество куноватских хантов, общее название «остяки» (а не «вогулы») для жителей Ляпина и Сев. Сосьвы [14, с. 120, 123; см. так же: 15, с. 86–87; 37, с. 214–215]. Вместе с тем, материалы переписей 1716–1858 гг. показывают, что в начале XVIII в. основные мансиjsкие фамилии, известные и сегодня, уже проживали на пр. Сосьва и Ляпин. В отличие от Куноватской и Обдорской волостей, фамильный состав Ляпинской и Соосьвинской волостей был устойчивым, случаи замены старых и появления новых фамилий отмечаются крайне редко. Скорее всего, заселение сосьвинско-ляпинского бассейна манси (охаль — «вогул») произошло уже в XVII в. и, как свидетельствуют фольклорные материалы, носило характер как военных захватов, так и мирных миграций. В то же время, по данным 4–7-й ревизий (в конце XVIII — начале XIX вв.), наблюдается «исчезновение» из Соосьвинской и Ляпинской волостей ряда фамилий, что, по-видимому, указывает на отток части угорского населения на север. Об этом же косвенно свидетельствует северная ориентация брачных связей жителей Ляпина и Сев. Сосьвы (с хантами Куноватской волости и некоторыми городками Обдорской волости — Аспукальский, Войкарский, Шурышкарский) [38, с. 148–154].

Походы «Людей городков» (*Хурун ёх*)

Кроме западного (соосьвинско-ляпинского) потока миграций фиксируется южный (обской). Почти у каждого рода нижнеобских хантов сохранились предания о приходе на их земли *хурун ёх* («люди городков»). Особенно широки подобные легенды распространены на Малой Оби, среди хантов войкарско-шурышкарской группы, и в самом нижнем течении Оби. Реже рассказы о «людях городков» можно услышать от хантов, проживающих по Большой Оби.

Вандиязский городок, расположенный на слиянии Малой и Большой Оби и известный в старину как «Наблюдательная деревня», был условной границей северных остяцких княжеств (обдорского и куноватского). По рассказам шурышкарских хантов, в городке *Лор вош* — «Соровой городок» (Шурышкары) проживал один из остяцких князей. По легенде, записанной А. Бушевичем у шурышкарских хантов, «еще теперь в юртах у остяков как святыни хранится переходящий из поколения в поколение пояс, предохраняющий весь род от козней врагов и злого духа. Раньше этот пояс хранился в юртах Вандиас, находившихся

как раз на границе двух враждующих между собою остяцких родов. В Вандиас жил постоянный сторожевой (пограничный страж) шурышкарских остяков и благодаря поясу все, что творилось в Вандиас, немедленно становилось известным шурышкарцам, так что враг никогда не мог застигнуть их врасплох. Но как-то раз случилось, вандиасская стража заснула; этим воспользовался злой дух, украл пояс и бросил его в лес. Застигнутые после этого врасплох шурышкарцы были разбиты врагом на голову, и лишь после розыска пояса им опять удалось освободиться от победителей» [39].

По записанной нами легенде, предводитель хурун ёх — хурун урт не раз пытался завладеть волшебным поясом [Л. Шиянов, юрты Шиян-пугор, Малая Обь, 1989]:

Однажды пояс попал в его руки. Улегся на пояс хурун урт и спрашивает: «Кто теперь сможет у меня пояс отнять?» Смотрит, а пояс уже на лиственнице висит. Стал дерево пилить, а из нее кровь пошла. Так и не достался священный пояс кодскому военачальнику.

К Соровому городку-крепости у Белой горы хурун ёх приходили не раз. Однажды пришедшие завоеватели, «увидев сор, подумали, что огромное войско стоит, воинов черным-черно, как великаны с копьями стоят». Испугались хурун ёх и ушли ни с чем. По преданиям, крепость на сору принадлежала роду Лор вош ёх — Кельчиным [Н. Кельчин, поселок Шурышкары, р. Малая Обь, 1989]:

Однажды Кельчины устраивали праздник (пори). Один из мужиков, шаман видимо, сказал, что война с хурун ёх близко подходит. Народу было много, решили караулить. Поставили на караул девочку и молодую женщину (только что сосватанную невесту — мень нэ), а сами спать легли. Идут на лодках хурун ёх и кричат по-утиному: «Кока-вуй-ю, кока-вуй-ю». Девочка говорит мень нэ: «Слышишь, как птицы всполошились, пойдем предупредим своих воинов». А мень нэ услышала, как начальник хурун ёх, заметив ее, сказал: «В красном платке, в красном платье женщина мою будет» — и девочку успокаивает: «Зачем будить, это утки кричат». Ночью хурун ёх налетели, всех спящими перебили — и мужчин, и женщин. Только один мужик остался, он в протоку нырнул прямо в малице и под водой как рыба ушел. За что его прозвали Кельчи ху — «Чебак» (сорога). Хурун ёх ниже по Оби спустились. Кельчи ху ждал, когда они обратно пойдут. Осеню возвращаются хурун ёх, а Кельчи ху их уже поджидает. В самой большой лодке одетый в железные одежды вождь хурун ёх сидит. Кельчи ху натянул лук, выстрелил в военачальника, от его мощного выстрела лодка перевернулась. Всех воинов хурун ёх он перебил и с Хутли горта (р. Оби) перешел в городок Лор-вош жить. От имени богатыря Кельчи ху произошла фамилия Кельчин.

Среди нижнеобских богатырей известен Лонха лал ас вусты хуй — «На лыжах незастывшую Обь переходящий человек» — Сибарев из рода Кунжолон ёх. Специально охотившиеся за богатырем хурун ёх убили его во время загонной охоты на уток из его же лука, т. к. для чужого оружия богатырь был неуязвим. При защите своей крепости представители рода Юнг вош ёх — «Ледяного город-

ка народ» (Сязи) обливали гору, на которой стоял их укрепленный городок, водой и по образовавшемуся льду скатывали на врага огромные бревна. Самые северные походы *хурун* ёх достигали р. Оксар-югана (Аксарки). Во время перестрелки богатырей из лога оторвало кусок земли, который от выстрела улетел на противоположный край, отчего лог напоминает чашу. По рассказам нижнеобских хантов, один из остяков, живших по р. Оксар-юган, сумел перехитрить и истребить целый отряд воинов *хурун* ёх. Он спрятал свою жену в лесу, а сам насобирал дров, разложил их на полу землянки. Когда воины *хурун* ёх прошли в поселок, он пригласил их к себе в землянку, рассадил вокруг костра и стал угождать. Выбрав подходящий момент, хитрый мужик вышел из землянки, бревном привалил дверь и поджег жилище. Воины *хурун* ёх сгорели все до одного.

По свидетельству нижнеобских хантов, *хурун* ёх приходили в Нижнее Приобье не только воевать, но охотно торговали с северными хантами. Свои изделия: большие лодки, инструменты, берестяную посуду обычно обменивали на оленины шкуры и пушнину. В фольклорных материалах встречаются сюжеты об установлении брачных связей между северными хантами и *хурун* ёх. Так, по рассказам шурышкарских хантов, *Кельчи ху* ходил в земли *хурун* ёх и там женился, затем вернулся на родину; от его сына, рожденного от женщины *хурун* ёх, происходит одна из ветвей рода Кельчина — *Хутли ёх*. Считается, что все *хурун* ёх приходятся им родней.

Вероятно, набеги воинственных «людей городков», описанные в преданиях нижнеобских хантов, можно сопоставить с походами кодских князей, посредством которых собирались с северных княжеств дань для Москвы. В фольклоре имеются указания на существование зависимости обдорских и куноватских хантов от Коды. По легенде шурышкарских хантов, вождь *хурун* ёх после победоносного похода собрал людей Шурышкарских юрт на сход, а затем отправил трех верных ему богатырей в разные места для поддержания порядка: *Наков-ики* — в Пароват, *Ишмат-ики* — в Милексим и *Шиян-ики* — в Шиянпугор.

Как отметил А.В. Головнев, «трудно определить северную границу походов Кодских хантов, будь то военные нападения или полюдье» [16, с. 113]. Во всяком случае, можно считать, что «люди городков» своими притязаниями на северные территории или контролем над ними открыли путь следовавшим за ними мирным переселенцам. Вполне возможно, что за походами кодских военных отрядов последовали новые волны южных мигрантов, пополнивших нижнеобскую группу *послан ёх* («проточных людей»).

* * *

Основные пути заселения уграми Нижнего Приобья шли с запада (через Урал) и юга (по Оби). Западные переселенцы именуются в фольклоре *мось*, *лев охаль*, *ай-лев охаль*, *пастэр ёх*, южные — *пор*, *послан*, *похрын*, *хурун ёх*. Представляется правомерным вывод Е.И. Ромбандеевой о несинхронности и разномаршрутности проникновения народа *мось* в Зауралье с территорий Приуралья (Припечорья) [29, с. 43]. То же самое можно сказать и о южном потоке миграций.

Вероятно, начало массовых переселений угров на север из Приуралья и из среднетаежного Приобья было связано с христианизацией. По заключению

И.Г. Георги, миссионерская деятельность Стефания Пермского побудила в конце XIV в. «большую половину пермяков и зирян, в Великой Пермии живших, покинуть привольные свои, на западной стороне Уральских гор, места и перейти в суровые северные, около реки Обь, страны, где они теперь от кондырей не отличаются, но вместе с оными называются остыками» [40, с. 66]. Одним из очагов оседания беглых язычников стал район Кодских городков (Большой Атлым), куда они пришли во главе со своим «главным жрецом» Памом. Три с небольшим столетия спустя потомкам беглецов пришлось испытать на себе новую волну христианизации — жители Большого Атлыма с луками в руках непозволяли пристать к берегу судну, на котором прибыл «сибирский апостол» Филофей Лещинский [41, с. 41–42]. 30 человек бежали от крещения «за Обдорск, в Воксарковы юрты, и там поселились» [42, с. 12].

Новый этап миграций был обусловлен экономическим фактором — развитием рыбопромышленности. Рост населения и поиски лучших рыболовных и охотничьих угодий приводят к движению населения в низовья Оби. К примеру, остыкам Пашерских юрт (роду *Пастэр ёх*) принадлежали лучшие угодья в низовьях Полуя — «важанный запор с несколькими сорами и 3 озера на Мохтылёвой протоке, отдаваемые в аренду» [43, с. 11–12]. Остыки Надымских юрт, по словам купца Ф.Н. Карпова, просили его принять в аренду их рыболовные вотчины, «с тем, чтобы оные не могли взять Березовские купцы», которые приглашают «инородцев другой волости обневаживать их места» — «купят невода у верховских остыков и увозят их для промыслов в чужие низовые места, через что разоряют инородцев» [44]. О пришельцах лев охаль писал А.И. Якобий: «Внизу Оби нередко можно найти людей (Вогулов) из Ляпинской волости: приедут на лето для рыбы и остаются — кто войдет в родство с владельцами, — женятся и живут» [45, с. 15].

Часто рыболовные и охотничьи угодья покупались пришельцами. В состав одного из северных родов *послан ёх* (*похрын ёх*) входили фамилии Тарымов и Серасхов. О формировании рода *послан ёх* известно, что «чистыми» в этом роде считаются только Тарымовы. По преданию, Серасховы во времена потопа пришли с р. Сыня. Фамилия Серасховы происходит от названия *Серас ёх* (или *Серас лал*) — «Торговый человек». В старину Серасховы были богатым народом и приходили в эти места торговаться. Местные остыки Тарымовы имели богатые сора, где велась загонная охота на линную птицу. Серасховы, купив у них несколько озер, осели в этих местах и породнились с Тарымовыми. Промысел на этих сорах был так обилен (в один загон добывали по несколько тысяч голов линной птицы), что поохотиться «на паях» сюда приезжали родственники Серасховых с р. Сыня. Мясо птицы сушили, а зимой продавали, ездили перегонами до Самарово. С организацией такого эффективного промысла Серасховы брали в аренду на сезонный промысел угодья катравожских хантов.

Споры за рыболовные угодья между местным населением и пришельцами продолжались и в советское время. К примеру, при обследовании в 1927–1929 гг. экспедицией Общества изучения края при музее Тобольского Севера выясняется, что «значительная часть населения собственно бассейна р. Казыма по опросным сведениям до 80-х годов при 410 душах обоего пола за недостатком

рыболовных угодий в казымских «вотчинах» выезжает ежегодно на Обь... Это явление вызвано тем, что мощный горный сор Шижим-лор (ранее именовавшийся Казым-лор), административной практикой 1913 г. был изъят от казымцев и передан vogульским выходцам с Ляпина — Мингетнелус 12 ловцами, а административная практика со временем даже включила сор в границы Обдорской волости», «в целях устройства Казымского туз. района» Общество изучения края рекомендует «включение плеса Горной Оби до устья Куновата в территорию района с предоставлением Казымцам пользования издревле освоенным Казым-лора (ныне Шижин-лор или Зажимгар)» [46].

Первые потоки угров-мигрантов (мось ёх и пор ёх) в Нижнее Приобье были перекрыты последующими движениями переселенцев как с запада (лев охаль, пастьр ёх), так и с юга (более поздние потоки послан ёх, последовавшие за военными походами хурун ёх). Наслаиваясь один на другой, эти потоки миграций создали в Нижнем Приобье пеструю этническую картину. В состав северной группы нижнеобских (обдорских) хантов вошло самодийское население (ур ёх), а сами угры-мигранты представляли собой смешение различных по происхождению «южных» и «западных» групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982.
2. Соколова З.П. Миграционные процессы и их факторы у обских угров в прошлом // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
3. Миненко Н.А. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Вып. 2. № 6. Новосибирск, 1969.
4. Головнев А.В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.
5. Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Зап. РГО. Кн. 12. СПб., 1857.
6. Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868.
7. Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. XIII. Тобольск, 1902.
8. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края). СПб., 1896.
9. Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 49. М., 1913.
10. Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым // ЕТГМ. Вып. 29. Тобольск, 1918.
11. Городков Б.Н. Краткий очерк населения крайнего Северо-востока Западной Сибири // ИРГО. Т. VIII, вып. 2. 1926.
12. Крупник И.И. Арктическая этнозоология. М., 1989.
13. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.
14. Соколова З. П. Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

15. Бабаков В.Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII–XIX вв.). Канд. дис. М., 1973.
16. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
17. Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб., 1891.
18. Иринарх (И. С. Шемановский). Хронологический обзор // Православный благовестник. 1910. № 2.
19. Иринарх (И. С. Шемановский). Хронологический обзор // Православный благовестник. 1910. № 4.
20. Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937.
21. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири (составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году). СПб., 1882.
22. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. Новая серия. Т. I. М., 1960.
23. ТФГАТО. Ф. 154. Д. 43. Л. 56–57об.; Д. 404. Л. 81об.–86; Д. 756. Л. 224об.–225; Д. 992. Л. 717об.–719.
24. Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Т. II. SPb., 1900.
25. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Составитель Н. В. Лукина. М., 1990.
26. Васильев В.И. Куноватские ненцы: опыт этнической реконструкции // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.
27. Старцев Г. Остяки: социально-географический очерк. М., 1928.
28. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонистический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5: Народы уральской языковой семьи. М., 1991.
29. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.
30. Юданов И.Г. Река Сыня и ее значение для рыболовства Обского Севера // Работы Обь-Иртышской научной рыбохозяйственной станции. Тобольск, 1932.
31. Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск, 1999.
32. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
33. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42.
34. ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 8–10; Д. 404. Л. 14об.–16; Д. 992. Л. 151об.–154об.
35. Дунин-Горкевич А.А. Тобольский Север. Т. 3. Тобольск, 1911.
36. ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 144–116; Д. 404. Л. 639об.–644; Д. 756. Л. 150об.–154, Д. 992. Л. 513об.–517.
37. Бабаков В.Г. Манси // ВИ. 1973. № 4.
38. Перевалова Е.В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII — начале XX вв. Канд. дисс. Екатеринбург, 1997.
39. НА ТГИАМЭ. № 23. Л. 16.
40. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. СПб., 1776.
41. Сулоцкий А. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского, просветителя сибирских инородцев. Шамардино, 1915.

42. Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал министерства народного просвещения. 1851. Ч. 72. № 10–12.
43. Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Зап. ЗСО РГО. Кн. 2. 1880.
44. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 418. Л. 7–70б.
45. Якобий А.И. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. Вып. 4.1895.
46. НА ТГИАМЗ. № 1010.

WARS AND MIGRATIONS OF THE NORTHERN KHANTY (ON FOLKLORE MATERIALS)

In the folklore of the lower Ob Ugrians there are a lot of legends and tales reflecting the formation of the northern group of the Khanty. The main routes of the Ugrian settlement in the lower Ob region were from the west (across the Urals) and the south (along the Ob). The western migrants were called in the folklore *the mos, lev okhal, ay-lev okhal, paster jokh*, and the southern — *por, poslan, pokhryn, khurun jokh*. It is known that over the past several hundred years the Ugrians migrated mostly in the northern and the eastern direction. In the northern Ob region migrations were predominantly from the West (from the Ural area) and the south (middle taiga Ob region). Though the folklore materials do not allow to establish accurate dates, and the sequence of the migration waves can only be assumed from the interrelated stories, comparison of the latter to the historical events (e.g. the campaigns of the Koda warriors), or from the indirect reference to their antiquity (e.g. reference to the time of the Flood).

E.V. Perevalova

В.Ф. Кернер

«ЖИВЫЕ» КАМНИ

(к вопросу о семантике священных мест)

*А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,
Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам,
Чей согнутый хребет порос как шерстью чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? Титан?*

M. Волошин

Представления о существовании неких сакральных мест концентрации жизненной энергии — потенциала, определяющего основы существования мира и непрерывности жизни, характерны для мировоззрения архаичных и традиционных народов мира. Одним из главных признаков, по которым происходило выделение таких мест, являлось наличие мифов и преданий, слухов и поверий, связанных с историей их происхождения. Они группируются вокруг неких персонажей, чья жизнедеятельность отличалась постоянным преодолением пространства, в ходе которого они творили существующий мир — поверхность земли, небо с небесными светилами, природные стихии, живые организмы. Естественные или искусственные объекты, составлявшие специфику священного места, соотносились со следами их физиологической, производственно-бытовой и духовной деятельности, а также с их телами или частями тел. Персонажи, с которыми народная традиция связывала происхождение священных мест, являлись первоначальными, культурными героями и демиургами, духами, легендарными основателями родов или религиозных течений и т.д.

Во всем многообразии мифов, преданий и поверий, связанных с происхождением священных мест, различаются пласти, характерные для определенных вех истории развития мировидения человечества. В наиболее архаичных мифах центральными персонажами являются странствующие женщины.

Образы таких женщин широко представлены на австралийском континенте (Матери-праодительницы Эйнганга, Сестры Дъянгавул, Кунапипи, Варамурунгундью и др.) [1, с. 173—174, 182—186; 2, с. 130—137]. В мифологии народов Океании подобные персонажи называются «Старухами изначальных времен»: Хаару и Собра (маринд-аним), Уа-огрере (киваи), Имоген (горные арапеш), Большелорная и Криворотая (западные полинезийцы), Бабушка Мауи (маори) и др. [3, с. 185; 4, с. 49; 5, с. 43—47]. Аналогичные образы угадываются в героях мифологии народов Юго-Восточной и Южной Азии (например, древнекитайские Нюйва и Гуйму) и архаичных этносов Африки (Мусо Корони Кундья у бамбара и др.) [6, с. 30, 48—49; 7, с. 165, 379]. Странствующие женские персонажи или реминисценции их образов чрезвычайно характерны для фольклора народов Северной Евразии [8, с. 229—230; 9, с. 14—16; 10, с. 172—173; 11, с. 95—96; 12, с. 209—217 и др.]. Отзвуки древних мифов о странствующих

женщинах имеются в преданиях о чуди у коми [13, с. 23–24]. У удмуртов наличие в прошлом мифов о «первых» женщинах, творящих мир, очевидно, отражено в представлениях о духах-матерях, определяющих основные элементы мироздания: Матери воды, земли, неба и др. [14, с. 233]. Странствующими представлены и Первые Женщины мифологии индейцев обоих американских континентов [15, с. 27–30; 16, с. 269].

Мифологическому образу женщин-странниц присущи общие черты.

Первая. Их передвижения всегда связаны с водными источниками (ручьями, реками, океаном). Продвигаясь вдоль рек, женщины идут от их верховьев к низовьям. Так, «Гигантский дух» мифологии китайцев, появившийся одновременно с некой «первоначальной субстанцией» и называемый «матерью девяти начал», начинает свое движение от верховьев р. Хуанхэ. Путь женщин мифологии народов Северной Азии всегда в направлении с юга на север и всегда по течению основных сибирских рек. В саамских сказках, посвященных началу мира, в том же направлении странствуют не люди, а мифический Остров, где жили первопредки — Старуха Акка, Старик Кайлес и их дочь Акканийди [17, с. 25–34]. Однако, название острова — «Остров Девы», а также сюжет о первой встрече Кайлеса с женщиной, которая, обойдя весь остров, «наложила слова оберега на леса, на озера, на тундры и горы» [там же, с. 28], дают основание предполагать существование в прошлом вариантов мифов, где существует именно женщина. Возможным подтверждением этому служит записанное М.М. Пришвиным предание, в котором речь идет о плавающем по волне Старухи острове Кильдин [18, с. 138]. Вероятно, в мифах о плавающих островах, имеющихся в фольклоре ряда народов, сохранились древние представления об изначальной земле в виде небольшого островка, на котором обитает сотворивший его дух, с чьим передвижением связано «расширение» первоземли.

Путь следования героинь индейских мифов, напротив, не на север, а на юг, что особенно характерно для фольклора племен, проживавших на территории современных американских штатов, где все главные реки текут именно в южном направлении. В мифологии индейцев Южной Америки скитающиеся женщины, создательницы мира, рисуются «с посохом в руке». Они умели «все мертвое... превращать в живое» [16, с. 269].

Вторая. Передвижение мифических женщин всегда сопровождается появлением земли и локальных особенностей ее рельефа, небесных светил, природных стихий, а также возникновением живых существ. Австралийские героини разводят костры, строят навесы, поют и танцуют, чем дают начало временам года, дождям, наводнениям, муссонам, жаре и т.д. Женщинами создаются не только главные водные артерии, но и острова и полуострова (Акка, Хоседэм, полинезийские женщины), сопки и горы (Ямал-Хада, Тэтта Имиля, индейские Женщины и др.), «священные мысы» (Старуха мифов васюганских хантов), места стоянок людей («очаговых пятен») и поселений (героини мифов австралийцев, североамериканских индейцев, чукчей, ненцев). Акты творения связываются также с жизнедеятельностью женского организма, способного к воспроизведству: трухой из люльки ребенка, сопоставимой с используемым при регулах материалом, менструальной и родовой кровью, мочой, прозрачным

камнем («прозрачность» женщины многими народами Северной Евразии связывалась с ее репродуктивной деятельностью).

Третья. Женщины обладают чудесными емкостями, из которых в ходе странствий вынимают землю, ветер, дождь, свет и тьму, «зародыши» растений, животных и людей. Этими емкостями являются их собственные тела и одновременно хозяйственные сумки, мешки, корзины и др.

Четвертая. Начало странствий иногда совпадает с обострением отношений между героиней мифа и мужским персонажем (братьем, отцом, мужем, духом). Это противостояние заканчивается уходом, бегством или изгнанием женщины, которая иногда преследуется антагонистом.

Пятая. В ходе странствий женщины превращаются в звериных самок (австралийские — в собак динго, Ямал-Хада и Акка — в воженку, Най-ими — в лосиху, Хоседэм — в бобриху или налима и др.). Иногда их сопровождает какое-либо животное (животные): странниц Австралии, Океании, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии — чаще всего собаки; самодийских и угорских женщин — олени или лоси, дикие звери — Белую Девушку индейских мифов и т.д.

Шестая. Странствия женщин всегда имеют предел — это обычно «края земли», низовья рек, берег океана, остров, полоса гор или леса. Здесь женщины умирают, превращаясь в элементы рельефа земной поверхности — горы, скалы, деревья. Иногда они забираются в скалу или дерево, отчего те приобретают полость (пещеру, укрытие, дупло). Все эти объекты рассматриваются как места их постоянного обитания. Об этом свидетельствуют и имена героинь — «Старуха Края Земли», «Старуха Края Гор», «Белая Скала» и др.

Эти места окружены поклонением (Скала Две Сестры в Южной Австралии, Гора-Чум и Сопка Духов во владениях ненецкой и селькупской мифических Старух, горы Гладкая Вершина и Рейнир индейцев и др.). Для большинства народов Северной Евразии чрезвычайно характерен кульп гор (камней), которым приписывались зоо-антропоморфные очертания, или скал с пещерами, носящими названия «Старуха», «Старая женщина», «Бабушка» и т.п. [19, с. 237–238]. На основании этого факта можно предположить почти повсеместное распространение у древнего населения этой обширной территории мифов о странствующих женских персонажах. Имеются и другие основания, позволяющие говорить о наличии такого, очевидно, универсального мифа.

Так, вышеуказанным женщинам-страницам близки селькупская Ылымыты-Кота, угорские Калтащ, Анки-Пугос и Пугос Лунг, алтайская Умай, эскимосская Сёдна и др. Образы этих женских духов всегда связаны с их местожительством в пещере (горе, возвышенности) или на дне водоема, куда они уходят или изгоняются мужским персонажем. Все они считаются подательницами душ людей, которые хранятся в колыбелях внутри гор, откуда «слышны голоса детей». Аналогичны судьбы и функции Матерей-Праородительниц Дэноквы индейцев квакиутль и тлинкитов, Атаентсик — гуронов, Тиаглалы — индейцев Колумбии, небесных или подземных духов мифологии народов Филиппин и др. [20, с. 44]. В ряде культур душехранилищем считается дуплистое дерево определенной породы, в которое, вероятно, после странствий воплощается Мать-Праородительница. Это нанайская Омсон-мама, Фа-нямы (матеряется Мать-Праородительница). Это нанайская Омсон-мама, Фа-нямы (матеряется

Дерево) у нганасан, Дерево-женщина у китайцев, Дерево душ у ряда народов Мезоамерики и др. [21].

Реминисценции мифов о женщинах-странницах сохранились и в представлениях народов Европы. Согласно древнерусским письменным источникам, русичи молились «камению и рекам и источникам и берегыням...» [22, с. 16]. Берегыни (берегини) в восточнославянской мифологии представлены женскими персонажами, чей облик в народной памяти был уже основательно стерт. Этимологически это название восходит к старославянскому «пръгыня», т.е. «холм, поросший лесом», и, вероятно, связано с берегом реки [7, с. 92]. Возможно, этот термин связан и с особенностями передвижения мифического персонажа, зачастую представляемого одноногим, хромоногим или с ногами, одна из которых была звериной. Известно, что культ берегинь на Руси объединился с культом Мокоши — единственным женским божеством восточнославянского пантеона богов. Мокошь — божество плодородия, покровительствующее материинству и младенчеству, вероятно, некогда имела общеславянский характер, о чем свидетельствуют некоторые топонимы уроцищ в землях западных и южных славян [там же, с. 374]. Она семантически связана с матерью древнегреческих мойр богиней Ананке, врачающей мировое веретено, где нить, наматывающаяся на него, тождественна «дороге жизни» и «путям судьбы». Непосредственным продолжением Мокоши стала православная Параскева Пятница, в украинских ритуалах XIX в. представляемая женщиной с распущенными волосами, которую водили по деревням. Образы Мокоши и Параскевы сопоставимы также с мифическим камнем Латырем (Алатырем), в «Голубиной книге» и духовных стихах называемым «Матерью всем камням». В нем заключалась неиссякаемая жизненная сила: из-под Латыря протекали реки «по всей земле...всему миру на исцеление, всему миру на пропитание» [23, с. 32–36]. Камень Латырь иногда назывался «бабой Латыгоркой», представляющей женщиной с белыми волосами. Главной героиней преданий албанцев являлась Зана (у румын Зына). Местами пребывания этого божества, воспринимаемого в народе духом плодородия, являлись почитаемые горные вершины и природные объекты, называемые «Пещера Заны», «Заново укрытие», «Ручей Заны» и т.п. [24, с. 63–64]. Одной из характерных особенностей Заны (как и всех Матерей-Праородительниц) считалось наличие у нее (при отсутствии мужских персонажей) множества детей.

У народов Западной Европы одним из характерных персонажей, всегда возникавших на весенних календарных праздниках, связанных с плодородием, являлась Старуха. Представления о ней глубоко архаичны: живет на «краю земли» в пещере, ранней весной приходит (прилетает) в места, связанные с возвышенностями, горами, источниками воды, где после участия в обрядах ради жизни людей и существования мира принимает смерть (например, кельтская Кайлеах, германская Хольда, итальянская Бефана и др.). Аналогичные образы старух характерны и для весенней календарной обрядности народов Восточной Европы (сжигаемые масленичные Старухи), Средней и Передней Азии (Ард-жуэ, Азис, Кампир и др.) [25, с. 183–185; 26, с. 98–102 и др.]. За всеми подобными персонажами, очевидно, скрывается древний образ мифических женщин-странниц, окончание жизненного пути которых связано с рекой, горой

(камнем), деревом. Места, на которых «появлялась» Старуха, почитались в качестве священных. Здесь проводилась обрядность, связанная с обеспечением плодородия и вечного течения жизни.

Мифы о странствующих женщинах, очевидно, отражают древнюю концепцию воспроизведения, согласно которой женщина представлялась единственным источником жизни. Реализация ее репродуктивной способности рассматривалась как результат одинокого (или в сопровождении других женщин) пространственного перемещения из «своего» мира на особое пограничье с «чужим» пространством, где она переживала самые ответственные периоды в своей жизни — половое созревание и роды. В это время она мыслилась существом «нечеловеческой» природы, обладающим сверхъестественными способностями, позволявшими ей вести диалог с природным миром, итогом которого являлся ребенок.

Очевидно, пространство, определяемое понятием «священного», первоначально было связано с местом ритуальной изоляции и осуществления женской обрядности, направленной на приобретение и реализацию плодородия. Оно было приурочено к границе освоенной территории — порогу жилища, изгороди поселения, берегу реки, участку леса, зарослям кустарника, подножию горы. Для таких мест характерно наличие сакральных реки и (или) «дыры», соединяющих «свой» и «чужой» миры. «Дырой» могли быть дверной проем, пещера, расселина, дуплистое дерево или деревья со сросшимися вершинами или подножиями и т.д. «Рождающее чрево» женщины ассоциировалось горой (деревом), а родовые пути — отверстием в горе (дереве) и рекой. Река определяла и границы освоенного пространства, и представлялась «рекой жизни», начало которой сосредоточено в женщине.

Эти места, правда, уже в новом понимании источника жизни, связанного с мужской потенцией, со временем стали ассоциироваться с «центрами размножения» (этот термин у австралийцев обозначает священное место и отражает, на мой взгляд, суть всякого святилища). Здесь, по мнению народов мира, концентрировались особые сакральные силы, способствующие воспроизведству людей, животных, растений, мира в целом.

С постепенным осознанием роли мужского начала в процессе деторождения, по-видимому, происходит переоформление мифов о странствующих персонажах, при котором рядом с женщиной или вместо нее появляется животное или мужской персонаж. Мифические образы странников-животных и мужчин также характеризуются «охотой к перемене мест», в ходе которой они обустраивают уже существующий мир, вселенную. Их перемещение качественно отличается от передвижения женщин. Если последние пересекали пространство по горизонтали, то животные и мужчины двигаются в основном по вертикали — сверху вниз или снизу вверх, при этом всегда преодолевая какую-либо преграду (землю, воду, камень, дерево). Их отличительной особенностью является наличие особых сил тела, его части или орудия, способного пробить любую твердь.

Новые образы странников уже известны архаичному сознанию: они встречаются в мифологии австралийцев, африканских бушменов, готтентотов и др. [1, с. 175–181; 27, с. 129–132], но особенно характерны для земледельческо-скотоводческих культур и народов, занимающихся высокоспециализированными отраслями присваивающей экономики (например, морской зверобойный промысел).

Архаичные образы персонажей, усилия которых направлены на преодоление преграды, связаны с животными, чьи зубы, рога, когти и клювы выполняют функцию пробивания. В первую очередь — это животные-ныряльщики, творящие сушу, преодолевающие преграду в видетолщи вод Мирового океана, мифы о которых распространены в Северной Евразии и Северной Америке [28, с. 8–16]. Герои этих мифов — чаще всего птицы — добывают со дна мировых вод малую толику земли и, вынося ее на поверхность воды, создают основу будущей земли, главная особенность которой заключается в ее способности к увеличению. Последняя как будто зависит от движения птиц.

Вторым мифологическим мотивом, чрезвычайно распространенным как в Старом, так и в Новом Свете, является сюжет о герое, пробивающем твердь в виде скалы, горы, камня, дерева, тела мифического персонажа. Цель действия — добыча огня, воды, небесных светил, женщины, культурных растений и др. Иногда противостояние зооморфных героев или духов гор и воды (особенно в мифологии индейцев Северной Америки и народов Юго-Восточной Азии) вызвано стремлением к переустройству земной поверхности [7, с. 165–166, 556; 15, с. 11–13, 63–69]. Борьба всегда сопровождается образованием скал, гор, ущелий, каньонов, рек. Последние начинают течь по прорубленным в скалах глубоким тоннелям. Одним из излюбленных сюжетов о преодолении тверди в мифологии индейцев Северной Америки является мотив пробивания в небе дыры, через которую проникают первопредки (чаще в образе животных). Иногда дыру проделывает живущий на небе антропоморфный дух с помощью сверления неким особым орудием. «Дыра» в небе, возле которой обитает женский или мужской дух, — широко распространенный сюжет мифологии народов Северной Азии.

Мотив преодоления преграды характерен и для мифологии индейцев Южной Америки [29, с. 152–166], где на территории от Центральной Мексики до Южной Бразилии, Патагонии и Огненной Земли распространены мифы о добывании земли, воды, культурных растений, запрятанных в скале (горе) или дереве. Герои, совершающие эти действия, имеют зоо-антропоморфный облик. Это птицы, действующие клювами, как топорами, и одновременно мифические первопредки, в чьих руках топоры заменяют клювы орнитоморфных демиургов. В мифах, где вода заключена в гигантском дереве, первопредкам удается его срубить только при помощи какого-то особого орудия. При этом пень превращается в гору, срубленный ствол — в горную цепь или реку, а щепки и листья — в рыб. Аналогичные мифы существуют в мифологии меланезийцев. Так, у папуасов маринда-аним имеется миф о «шагающем» (странным образом?) дереве, которое мужчины срубили каменными топорами; упавшие же при рубке плоды превратились в речных и морских животных и рыб [30, с. 70–71].

В мифологии папуасов творцами земли и вселенной являются «дема» — существа неясной природы, полулюди-полузвери, которые путешествуют под землей, и, пробивая ее собственными усилиями, появляются на поверхности, образуя источники воды или горы [там же, с. 37–40]. Аналогичными персонажами в мифологии австралийцев являются «юланы» — способные к отделению и автономному существованию пенисы мифических героев [1, с. 181]. Герои архаичной африканской мифологии, имеющие отношение к мотиву проникания через твердь, чаще полулю-

ди-полуживотные, иногда принимающие уже исключительно антропоморфный облик. Их отличает умение проходить сквозь горы и через реки, разрубать скалы и камни или создавать новые возвышенности и источники воды. Почти повсеместно их образ связан с деревом (например, Хейтси-Эйбиб или «большое дерево» готтенотов, хлопковое дерево Айдо-Хведо у фон и др.). Это нашло отражение в преданиях, где первое появление первопредков связано с их выходом из дерева (Мукуру у гереро, Ункулункулу у зулу и др.) [27, с. 129–132].

Персонажи, пробивающие преграду, характерны и для фольклора народов Северной Евразии. Герои и первопредки мифов, преданий и сказок кетов, самодийцев, обских угров, юкагиров, народов Приамурья и Приморья, бурят, монголов, народов Северо-Востока Азии и др. способны пройти через гору, скалу, камень, речной завал и т.д. Их отличает умение принимать облик животного (например, мансиjsкий Карвантыр-щалтым-ас, хантыйский Кав-Вэс и др.), обладание волшебным предметом или орудием («каменный идол» у героя мифологии нивхов, алдон у Альба, молот у Кутха и др.) или особая форма головы. Следами их деятельности являются дыры в камнях, скалах, земле, а также отпечатки ног, рук, тел и орудий. После завершения своих странствий и деяний герои превращаются в горы с островерхими вершинами, скалы и камни зоо-антропоморфных очертаний, деревянные столбы и антропоморфные изображения [9, с. 201; 19, с. 236; 31, с. 174–175, 181–182; 32, с. 105 и др.].

Очевидно, с образами мифических героев, умеющих проходить сквозь твердь, связана деревянная и каменная скульптура, отличающаяся остроголовостью. Она имела распространение в культуре большинства народов Северной Евразии и принадлежала, по мнению С.В. Иванова, к «северному аборигенному пласту» [33, с. 284]. Вероятно, это было население, обладавшее единными представлениями о творении и обустройстве мира. Примечательно, что остроголовая деревянная скульптура или изображения из камня (с «шапкой» на голове, как у саамов) характерны именно для священных мест [34, с. 226].

Однако, «остроголовость» первосуществ — творцов мира, судя по мифологии и облику используемых в ритуальной деятельности объектов, была характерна и для представлений других народов мира. Так, у большинства южноамериканских индейцев, у которых уже существовали пантеоны богов, самыми главными считались те, кто обладал способностью пройти через камень. Так, в предании муисков (Колумбия) главным из богов стал Бочика, прорубивший в скале выход водам, а у мундуруку Бразилии имелся образ бога Карускайбе, благодаря которому на земле появились люди: они вышли из расселины в том месте, где он поставил ногу [7, с. 98–99; 279]. Духи-первопредки на ритуалах индейцев Огненной Земли представлялись мужчинами, одетыми в маски-капюшоны с острой верхушкой. У одного из племен это были Семь Шоорте, «могучие мужчины», которые в «начале времен» сошлись (после странствий?) близ юго-восточной оконечности Огненной Земли и построили первую ритуальную хижину из гигантских камней. Особой сакральной силой наделялась их «острая голова»: если ее разбить, «из нее выйдет целый сонм подобных существ» [35, с. 21–25].

Очерчивая территорию распространения мифов о пробивании преграды на южноамериканском материке, Ю.Е. Березкин отмечает, что таковые отсутствуют

у индейцев, населяющих Центральные Анды [29, с. 154]. Зато для всего региона Анд характерен мотив «выхода» первопредков из-под земли и воды [36, с. 36–44], который, на мой взгляд, семантически близок мотиву пробивания. Иногда герои мифов, продвигаясь в нужном направлении, идут под землей, подобно меланезийским «дема» или австралийским «юланам». При основании места жительства (чаще будущих городов) герои бросают какое-либо орудие, которое, вонзаясь в землю, превращается в каменный столб, дерево (кактус), первые камни основания города [там же, с. 37].

Мотив о герое, пробивающем твердь, существует и в фольклоре народов, издавна занимающихся производящим хозяйством. Так, в древнекитайской мифологии он угадывается за действиями духов и архаичных божеств, а также культурных героев и первопредков, творящих рельеф земли (особенно горы и реки) с помощью своих сверхъестественных усилий. Легендарные герои Гунь и Юй, усмирители потопа, используют традиционные для древнеземледельческих культур методы: строят дамбы, прорывают каналы и т.д., которыми сдерживают или отводят воды. Однако самыми действенными способами в борьбе с разрушительной стихией являлось пробивание (рассечение) гор и скал, в результате чего образовывались дыра, щель, проход, по которым устремлялись воды, а также использование «сижана». Юю, например, приписывается прокладывание русла р. Хуанхэ через гору, которую он разделил на две части, «чтобы река текла между двумя отвесными скалами»; он разделил другую гору, задерживавшую реку, и «образовавшиеся рукава потекли тремя потоками»; через особенно кругую и обрывистую гору Юй прорыл сквозной проход [6, с. 172]. Занимаясь подобной деятельностью, Юй прошел через все провинции Китая, а путь его следования отмечен не только упорядоченными водами, но и горами и ущельями. Часть из них он сотворил с помощью волшебного сижана, украденного им у «небесного владыки». За сижаном, на мой взгляд, скрывается образ «первоздемли» — добычи животных-ныряльщиков. Миф объясняет его значение весьма любопытным образом: «сижан — это кусок земли, который может увеличиваться беспрепятственно. Он кажется не больше обычного комка» [там же, с. 166]. Юю помогают черная черепаха, перевозящая на спине сижан, и дракон Инуун, чей волочащийся по земле хвост прорывал реки и каналы. Здесь очевидны прямые параллели с североамериканским мифом о черепахе и ондатре и эвенкийским — о Мамонте и Змее. Углубляясь в родословную Юя, приходишь к выводу, что на каком-то отрезке времени в сознании древних китайцев произошла контаминация архаичного образа животного, обладающего способностью проникать сквозь преграду, и легендарного героя и первопредка.

В древнеяпонской мифологии реминисценции архаичных образов сохранились в центральном мифе о творении земли двумя первовлюдьми — Идзанами и Идзанаки. Стоя на небесном мостике (может быть, радуге, в мифологии народов Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии связанной с образом Змея), они пробивают толщу мировых вод копьем и, вращая его, получают первичную землю. Этимология имен демиургов остается за плотной завесой прошлого, но, возможно, не случайно в японской сказке «Где свету конец?» [37, с. 21–23] главным героем является отважная птичка-путешественница, предпринявшая попытку измерить землю, которую последовательно сменяют омар и скат.

В древнеиндийской мифологии отзвуки мифов о героях, пробивающих твердь в ходе своих скитаний, отражены в действиях бога Вишну (букв. «проникающий во все»). Вишну в виде вепря на клыках поднял со дна Мирового океана крупицу земли, в виде рыбы спас живых существ от потопа. Став черепахой, он погрузился на дно мировых вод, чтобы спасти некие «ценности» (вероятно, в первую очередь землю). Вишну существовал и в виде инструмента, с помощью которого появились основы Вселенной. Получив от некоего «властителя» землю, он измерил ее своими шагами, таким способом расширив ее до известных пределов. В конце каждого мирового цикла Вишну вбирал (проглатывал) Вселенную и погружался в сон (небытие, хаос, а также воды Мирового океана), но, вновь пробуждаясь, выпускал из себя обновленный мир. Связь Вишну с пробивающим програду героем отражена и в его близости к другому активному божеству ведийской мифологии — Индре. Их образы объединяет совместная борьба против Вритьи, оба они — обладатели особого волшебного орудия, а место их постоянного обитания — вершина горы. Индра в гимнах Вед выступает как персонаж, который «просверлил отверстия для рек», «рассек чресла гор», победив Вритьу, освободил воды. Он имеет отношение и к «росту» земли: его «могущество» «мощно раздвинуло два мира», он «растянул твердую основу — незыблемое пространство», «распространил... поверхность земли», «укрепил землю и расширил ее» [38, I, 56, 5; I, 103, 2] и т.д. В иранской мифологии аналогичные действия приписаны легендарному Имени. За образами этих божеств, вероятно, скрывается некий древний, известный предкам индо-иранцев персонаж, олицетворяющий творческую энергию, для которого была свойственна способность к преодолению пространства и тверди.

Генетическая связь с мирами о героях-странниках, проходящих сквозь програду, просматривается и в архаичных вариантах героического эпоса народов мира. Например, мотив странствий героев, чья деятельность связана с происхождением гор (скал, камней), красной нитью проходит через весь нартский эпос, известный большинству народов Кавказа. Время нартов — «героический век», мифическое время, когда происходит создание мира, в чем принимают непосредственное участие герои эпоса. Так, с именем Сосруко связаны огромные камни в верховьях р. Псыжа. Он, подобно кетскому Альбэ, ударом меча разрубает горы и образовывает Боксанское ущелье. Сеско-Солса превращает Терек из малого ручейка в полноводную реку (как Альбэ Енисей или Юй реки Китая). Герои погибают на горе или под камнем, уходят под землю. Общеабхазское святилище Дыдырыпш связано с именем мифического героя, который, странствуя по земле, пробивает скалу, отчего появляется источник чистой и целебной воды [39, с. 17–20]. В таджикском фольклоре один из основных мотивов восходит к мифам о происхождении горы, «рассеченной пополам», и о «чудесном превращении в камень» [26, с. 32].

Герои мифов о странствующих мужских персонажах, способных пройти через любую програду, находятся в семантической близости к так называемым «держателям неба» или культурным героям и божествам, разделяющим первоначально слитный мир на небо и землю. Последние производят разъединение при помощи особой моцни тела (Шу, Индра, Тане, Кецалькоатль и др.), земледельческого орудия (резак у Энлиля, топор у Паньгу, серп у Кроноса и др.) или помощников — обычно животных или героев (осьминог у Танга Роа, Атлант у Зевса и др.). В мидах народов с присва-

ивающими видами хозяйства то же деяние связано с употреблением главных орудий охотника-мужчины — бumerанга (австралийцы), стрелы (алтайцы, народы Юго-Восточной Азии, Южной Сибири и Нового Света).

Разъединение неба и земли происходит и в трансформированных со временем мифах о животных-ныряльщиках народов Северной Евразии: одно из животных-демиургов делает землю ровной «как сковорода», а другое, утаив частицу первоземли, устраивает горы, утесы, болота. В этих мифах, очевидно, «гладкая» земля — это воды источников, в которых отражается небо, и одновременно небо, низвергающее воды, а горы и утесы — это земля. Мифы о разъединении мира на две части также связаны с мотивом о странствующих героях, способных пройти через пространство и твердь. Таковым, например, является сюжет о «космической охоте». В нем главными героями являются два животных, находящихся в вечном движении, причем одно из них убегает, а другое — преследует первое. Первое животное, крадущее солнце, персонифицирует духа земли, ежедневно «глотающего» заходящее светило. Второе олицетворяет небо и уже представляется антропоморфным персонажем — охотником с луком и стрелой, бегущим на лыжах, чей след — Млечный путь. Охотнику-преследователю в фольклоре народов Сибири соответствуют персонажи, отмеченные печатью сиротства — селькупский Ича, иганасанский Дяйку, мансийский Эква-пыресь и др., чьими атрибутами являются лук, стрела и лыжи.

Таким образом, персонажи «новой» (мужской) мифологии характеризуются рядом общих черт, свидетельствующих об общности их происхождения, основанной на единообразии древних представлений о мире:

— они переустраивают (передвигают или раскалывают горы, переносят или образуют новые источники воды), расширяют уже существующий мир, упорядочивают (убирают лишнее, разъединяют на две части и т.д.), иногда (обычно после мировой катастрофы — пожара, потопа и др.) творят его заново;

— их действия по добыванию первоэлементов, при помощи которых они творят землю, небо, регулируют смену суток и времен года, обеспечивая существование живых организмов и т.д., происходят путем похищения, пробивания, применения силы. Эти действия направлены против первоначальных хранителей первоэлементов — женщин, животных, персонажей без указания пола;

— деятельность мужских персонажей заключается в передвижениях по вертикали (сверху вниз и/или снизу вверх) и проникании через твердь (землю, воду, гору, дерево, сверхъестественное существо и т.д.) при помощи собственного могущества или силы орудия;

— в ходе деяний (часто после смерти) мужские персонажи превращаются в гору, камень, дерево, столб, ассоциирующиеся с мировой осью, или исчезают в неизвестном направлении (Ворон, Кецалькоатль, Ваяньямейнен и др.).

Очевидно, мифы о зоо-антропоморфных мужских персонажах, способных пройти через твердь, переустраивающих мир с помощью своих тел или их определенных частей, а также орудий, составляющих с ними как бы единое целое, появляются с возникновением представлений о причастности мужчины к процессу воспроизведения новой жизни. Зачатки таких представлений стали складываться одновременно с введением в культуру человечества различных видов дистанци-

онного орудия — лука и стрел, бumerанга, копьеметалки, пращи, воздуходувной трубки и т.д. Изобретение дистанционного орудия позволило мужчине преодолевать (сворачивать) пространство и одновременно расширять его в процессе своей охотничьей деятельности, распространять свое влияние не только на землю, но воду и воздух, что усилило его активное начало и способствовало пересмотру взгляда на его роль и значение в устройстве микро-и макрокосмоса. По мере совершенствования охотничьего искусства, расширения территории обитания, изменений в социальных отношениях, эти представления получили дальнейшее развитие и оформление. Особый импульс для утверждения и распространения они получают в период становления и развития производящих форм хозяйства, требующих освоения новых территорий, что зачастую сопровождалось военными столкновениями. Решающее значение мужского труда в земледелии (вырубка леса, кустарника, расчистка джунглей, первичное разрыхление земли и т.д.) и скотоводстве, стратегия захвата новых земель под пастбища и поля, изменения в идеологии усилили и определили окончательное утверждение главенства мужчины во всех сферах жизни общества.

Изменения, связанные с выдвижением мужской деятельности на первый план, позволили пересмотреть и концепцию природы воспроизведения. Первоначальное единоличное участие в этом процессе женщины с развитием тотемистических представлений сменилось взглядом на решающую роль зверя-тотема, ставшего первопредком рода. Последнего стал олицетворять мужчина — колдун, старейшина, жрец, военачальник, вождь. Он мыслился его непосредственным потомком. Появившееся в обществе новое лицо, благодаря своему происхождению от тотема, стало осуществлять ритуальную деятельность, заменив зверя (мистически и реально) и в наделении людей способностью к воспроизведству. Исходя из этого, в мифологии появляется образ «могучего мужа», представляющего в виде огромного фаллоса, героя, орудие которого ассоциирует его мужское начало. В общественной жизни статус и функции военачальника или жреца (в архаичных обществах это обычно одно лицо) подтверждали посох, жезл, булава, боевой топор, секира, меч, колотушка для бубна и т.д. Эти символы власти якобы были получены ими от тотемного предка. Все они также ассоциируются с мужским началом, способным преодолевать пространство, расширять его, преодолевая препятствия, проникать в иные миры, придавать движение (жизнь) другим объектам.

В местах проведения обрядов «перехода» понятие «священного», очевидно, стали связывать с иным прочтением происхождения отверстий в камне, скале, дереве. Они стали приписываться действиям героя, способного пройти сквозь твердь и осуществить творение. Большое значение придавалось вертикальным объектам, которые по большей части становятся рукотворными (насыпи, столбы, сооружения из камней, идолы и пр.). Они соотносились с телом пробивающего препятствию мужчины, его частью (чаще половым органом, ногой) или орудием в его руках. В представлениях народов именно они стали заключать в себе источник жизни и обновления мира.

Окончательное оформление концепции зачатия, характерной для большинства традиционных культур, произошло с появлением представлений о священных местах на территории рода, племени, этноса, в которых концентрировались жиз-

ненные силы, способствующие воспроизведству. Их появление было связано с жизнедеятельностью и смертью предков, чьи души могли возродиться в потомках. Переносчиками жизненных сил из места их концентрации в социум мыслились мужчины. Женщине отводилась роль лишь места для размещения «души ребенка», вынашивания и выкармливания потомства. Лишние женщины активности в вопросах воспроизведения получило отражение в жестком ограничении ее в осуществлении различного рода деятельности (производственно-бытовые и связанные с понятием священного табу).

Подобные изменения отразились в различиях способов отправления священных ритуалов. В традиционной культуре существовали культовые места, на которых осуществлялась ритуальная деятельность представителями разных полов. На ряде священных мест осуществлялась и женская и мужская обрядности, но они не совпадали по времени. В особые праздники обрядовая деятельность совершалась обоими полами одновременно и на одном месте, но их роли в ее проведении были строго распределены. В отношении участия в ней женского населения применялся ряд ограничений: на одних обрядах они могли присутствовать, на других их участие было строго запрещено.

И женские и мужские обряды сопровождались жертвоприношениями духам промысла, плодородия, земным и небесным божествам. Здесь тоже имелись отличия. Женщины обращались к духам земли и воды, а также к духам плодородия, обитавшим в горе или дереве. Мужчины — к небесным духам андрогинной или мужской природы. Те и другие были представлены на священных местах в виде особых возвышеностей или деревьев, идолов, ритуальных предметов. Их называли «Старик» и «Старуха» или индивидуальными именами, иногда произносимыми только во время особо значимых обрядов. Этимология имен зачастую была уже неизвестна. Предполагалось, что духи связаны между собой родством или брачными отношениями, в которых главенствующее значение отводилось мужскому духу.

Организация структуры пространства священных мест четко отражала главенствующую роль мужской сакральной деятельности. Местами проведения женских обрядов обычно выступали берег водоема, подножие возвышенности, невысокий холмик или особый участок леса. Обрядность ограничивалась ритуалами, связанными с приобретением спутника жизни и функции деторождения, вынашиванием, рождением и сохранением здоровья ребенка. В ходе нее особое внимание уделялось пению, танцам, купанию, манипуляциям с волосами и одеждой (или ее элементами), сосуду или иной емкости. Места проведения мужской обрядности были связаны с вершинами гор, речными порогами и перекатами. Их отличали скалы (особенно рисованные или со сквозными отверстиями), вертикально стоящие камни и валуны, а также бьющие вверх или отвесно стекающие вниз источники воды (ключи, гейзеры, водопады). Обрядовая деятельность мужчин была направлена на корректировку природных процессов и явлений и проводилась с целью изменения погодных условий, умножения животных и растений, воспроизведения людей, возрождения мира в целом. Ритуальные действия, проводимые мужчинами на священных местах, сопровождались рытьем специальных углублений в земле, возведением (подсыпкой) холмов, насыпей, установлением ритуальных хижин, столбов и священных изображений. В них входили танцы, пение,

игра на музыкальных инструментах, ритуальные бег и прыжки, борьба и состязания. Применялись и ритуальные емкости, наполненные кровью, сакральными напитками, жертвенной пищей, а также священными реликвиями. Особое внимание уделялось ритуалам, использовавшим удар и метание предметов в цель. Все эти магические действия мыслились актом начала творения и были направлены на вечный круговорот жизненных сил природы и общества. В них главное место отводилось предкам, которые могли являться к людям и собственной персоной в виде «ряженых» персонажей: героев мифических и героических сказаний — творцов существующего мира. Характерно, что ряжеными выступали в основном мужчины, а образы, представляемые ими, мыслились не то людьми, не то животными, не то женщинами, не то мужчинами.

Таким образом, предположение о первичной связи святилищ с местами проведения женской обрядности, направленной на плодородие, аргументируется следующими положениями. Во-первых, это собственно мотив странствий как способ творения мира, присущий существам, с именами которых связаны священные места. Хотя горизонтальное передвижение заменено вертикальным, объект воздействия тот же — ноги, то есть «низ», через который происходит взаимодействие между «своим» и «чужим» мирами. Во-вторых: мифы о происхождении священных мест всегда связаны с образами женщин, творящих мир, тогда как мужские персонажи чаще перестраивают то, что было создано до них или отнятое ими. Они не творят, а доделывают или переделывают в соответствии с понятиями «хорошо», «правильно», «священно». В-третьих, потенция к творению соотносится с понятием *вместилища*, которое у женских персонажей ассоциируется их рождающим чревом, а у мужских — половым органом. В-четвертых, для персонажей архаичных мифов о ныряющих и пробивающихся твердь демиургах характерна «птичья» ипостась их женских предшественников. Очевидно, в первичном мифе мир создается женщиной-птицей, плывущей по мировым водам и образовывающей из своего тела (или его частей) острова — « первую» землю. Такой образ сохранился в фольклоре нивхов, где утка-чирок, плывающая по первичной воде, для воспроизводства потомства творит землю (в виде саморастущего острова) из собственных перьев. Аналогичные представления, очевидно, сохранились в образе Ильматр, опускающейся в мировые воды и творящей землю собственным коленом, а также в женских духах, спущенных на землю и поселившихся в горе, которая ассоциируется с их телом и одновременно определяет первичный мир в виде «горы (острова) земли». В-пятых, связь жертвенных мест с женскими персонажами древних верований проступает в отношении к священным объектам, составляющим их специфику. Несмотря на то, что рисованные скалы чаще соотносились с результатом деятельности мужских предков, в ряде культур считалось, что рисунки на их поверхность впервые нанесла женщина (менструальной кровью). Австралийцами места для проведения самых важных для племени обрядов соотносились с понятием «материнское место» (1, с. 210–219). По свидетельству А.В. Головёва, на жертвенных местах ненцев, куда «есть доступ только мужчинам», «...все предметы наделены женским полом, все — воплощения своей хозяйки» [8, с. 225]. То же было характерно для культуры

кетов в отношении священных мест, связанных с образом Холай и др. И последнее — ярко выраженная тенденция к вытеснению обрядовой деятельности женщин на священных местах и ее ограничение пределами жилища.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бернхт Р.М., Бернхт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.
2. Сумка кенгуру. Мифы и легенды Австралии. М., 1987.
3. Мелетинский Е.М. Мифологический и сказочный эпос меланезийцев // ТИЭ. Новая серия. 1957. Т. 38.
4. Иванова Л.А. Утварь к ритуалам культа ямса у абелам Новой Гвинеи в коллекции фонда Н. Мишутушкина — А. Пилиоко // Мифы, культуры, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.
5. Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. М., 1986.
6. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987.
7. Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
8. Головнев А.В. Путь к семи чумам // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург — Салехард, 2000.
9. Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. Ч. I. М., 1996.
10. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
11. Жуковская Н.Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.
12. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974.
13. Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984.
14. Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.
15. Всевидящий глаз. Легенды североамериканских индейцев. М., 1964.
16. Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. М; Л., 1962.
17. Саамские сказки. М., 1962.
18. Ончуков Н.Е. Северные сказки. Кн.2. СПб., 1998.
19. Гурвич И.С. Культ священных камней в тундровой зоне Евразии // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.
20. Окладникова Е.А. Идея реки в традиционном мировоззрении народов Северной Америки и Сибири // Природа и цивилизация. Реки и культуры. СПб., 1997.
21. Кернер В.Ф. Сосуд в мифе и ритуале // Материалы к изучению «чудских бутров» лесного Зауралья. Екатеринбург, 2002 (в печати).
22. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
23. Криничная Н.А. На росстани: мифологема судьбы в фольклорно-этнографическом освещении // ЭО. 1997. № 3.
24. Тирта М. Культы природы у албанцев и их параллели в балканских древностях // ЭО. 1998. № 4.
25. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
26. Антонова Е.В., Чвырь Л.А. Таджикские весенние игры и обряды и индо-иранская мифология // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.
27. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987.
28. Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
29. Березкин Ю. Е. Дерево изобилия: миф и его составляющие // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. М., 1996.

30. Сыны Дехевая. Предания о демонах и рассказы охотников за головами. М., 1960.
31. Орочские сказки и мифы. Новосибирск, 1966.
32. Островский А.Б. Миф, экология, мышление: «Дом горных жителей» в представлениях нивхов // ЭО. 1992. № 3.
33. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.
34. Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угроров. Екатеринбург, 1995.
35. Березкин Ю.Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей. Л., 1987.
36. Серов С.Я. Динамика этногенетического мифа инков // Этническая история и фольклор. М., 1977.
37. Десять вечеров. Японские народные сказки. М., 1972.
38. Ригведа. Мандалы, I-IV. М., 1989.
39. Крылов А.Б. Абхазское святилище Дыдырыпш: прошлое, настоящее и устная традиция // ЭО. 1998. № 6.

«LIVING» STONES (TO THE ISSUE OF SEMANTICS OF SACRAL SITES)

On the basis of the world folklore and ethnographic materials the author presents her vision of the nature of the sacral sites related to the idea of the origin and reproduction of life. The first stages of the ancients' ascribing particular meaning to certain areas within the tribal territory, that later became sacral sites, were related to the notion of a woman as the only source of life and the female rites aimed at acquiring and fulfilling the function of motherhood. The second stage was registered with the gradual understanding of the role of man in reproduction, which led to the development of leadership of man in the social-economic, political and other spheres of life.

V.F. Kerner

ПОЧЕМУ НА ПТИЦЕВИДНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПОЯВИЛИСЬ ЛИЧИНЫ

Эта история имеет два начала. Первое связано с проблемой зауральской металлургии.

1. Откуда пошли истоки уральской металлургии

Когда в начале XVIII в. русские рудознатцы стали открывать месторождения меди, одним из верных показателей горных богатств явились находки медных шлаков и кусков руды около рудников. Они сопровождали месторождение Гумешки у Полевского завода, в Верхисетской и Кыштымской дачах, у ст. Нейво-Рудянка.

Тогда же появились первые сведения о находках медных птицевидных и антропоморфных изображений. Один из строителей Екатеринбургской крепости-завода генерал-майор В.И. де Геннин писал: «в прежних годеях на оных местах жила чють, vogулича и вотяки, понеже находились в тех местах старинные (идолы) деланные ис красной меди» [1, с. 70].

В конце XIX в. при строительстве горнозаводской железной дороги Екатеринбург-Пермь у д. Палкино для насыпи полотна была взята земля с берега р. Исеть, в результате чего разрушены археологические памятники с богатейшими находками изделий из камня, глины и металла. Жители деревни собирали медные изделия и продавали их скупщикам меди и любителям старины по 5 коп. за фунт [2, с. 183]. В музее УОЛЕ с этих памятников сохранились лишь предметы из камня и глины.

В результате активных поисков и раскопок археологических памятников членами УОЛЕ О.Е. Клером, М.В. Малаховым, Н.А. Рыжниковым, В.Я. Толмачевым и др. к концу XIX — нач. XX вв. были накоплены сведения: о местах металлургического производства у подножия Шарташских каменных палаток, Чертова городища, на г. Думной, о кладах медных изделий с г. Малой у д. Палкино, с берега оз. Куюш, г. Карабульной и Адуйского камня, а также о массе других случайных находок изделий из меди и литейных форм в горно-лесной полосе Зауралья.

Такое скопление предметов из металла в регионе вызвало дискуссию среди археологов: кто создал древний очаг металлургии — аборигены или пришлое население? Мнения разделились. М.В. Малахов и А.Н. Тальgren обосновывали местное происхождение древней металлургии края. В культурах бронзового и железного веков они видели прямое продолжение и развитие более древней уральской культуры каменного века. Другой позиции придерживался И.Р. Аспелин: в эпоху бронзы на Урале не было самостоятельного очага культуры, крупный металлургический центр находился в верхнем течении Енисея [3, с. 128—129].

С конца 20-х по 60-е гг. XX в. материал продолжал накапливаться. П.А. Дмитриев раскапывает место металлургического производства раннего железного века на мысе Толстик Исетского озера [4, с. 23—26]. Н.Н. Бортвин описывает найденный школьниками клад с Азов-горы, в состав которого входило 40 медных предметов [5, с. 118—124]. Значительно пополнились знания о древ-

ней металлургии Зауралья в 50–60-е гг. в результате раскопок Е.М. Берс на горах Маленький и Петрограм, В.Макуше [6] и К.В. Сальникова на Иткульском городище [7]. Памятники древних металлургов раннего железного века были выделены в самостоятельную культуру. Е.М. Берс на основе консультации с металлургами реконструировала технологию выплавки меди из местных руд, а также модель древних горнов [6, рис. 22]. Клады с г.Караульной и Азов-горы она обоснованно соотнесла с культурой металлургов раннего железного века, полагая, что это были священные места, где хранились изображения богов, возможно, считавшихся покровителями территории, богатой медными рудами.

И все же, окончательно спор об истоках уральской металлургии был разрешен лишь в 70–90 гг. XX в. Наряду с московской школой Е.Н. Черных, в изучение этой проблемы включились уральские археологи. И, что самое интересное, правы оказались обе спорившие в конце XIX в. стороны.

Е.Н. Черных доказал, что начало формирования уральской металлургии приходится на III тыс. до н.э. и связано с пришедшим в уральские степи древнеямным населением, которое освоило Каргалинские рудники в Оренбургской области. Самостоятельные, но менее мощные очаги в это же время начали складываться в Южном Зауралье и Прикамье [8, с. 106–125]. В Среднем Зауралье первые медные кованые предметы: ножи листовидной формы, шилья, проволока — появляются в середине III тыс. до н.э., возможно, с одного из этих очагов.

В начале II тыс. до н.э. в район горно-лесного Зауралья мигрировала группа населения с юга. Она принесла производящие формы хозяйства, в том числе навыки бронзолитейного дела. В результате процесса взаимоассимиляции с местным населением на территории от верховьев Тагила до верховьев Исети сложилась коптяковская культура. Есть свидетельства производства металла в это время — находки льячек на памятнике Палатки I и в торфяниковой части поселения Палатки V.

В определенной мере прав оказался И.Р. Аспелин: импульсом к дальнейшему развитию металлургии бронзы в середине II тыс. до н.э. явилось продвижение из Западной Сибири через Урал в Восточную Европу групп металлургов — торговцев изделиями сейминско-турбинского типа. Их дорога на Урале, по всей вероятности, проходила вдоль Исети на Чусовую, ибо в пределах этих бассейнов найдены как могильники — Турбинские около Перми, так и столь специфические для этой культуры орнаментированные кельты и ножи [9, карта 14]. Появилась новая технология литья полых предметов с сердечниками и новые формы вещей. В коллекции с памятника Палатки I есть обломок орнаментированного бронзового кельта, отлитого таким способом, есть кинжал с рукоятью, украшенный заштрихованными треугольниками, обломок литейной формочки для отливки подобного кинжала, а также близкие по составу металла орудия и украшения.

Не менее прозорливыми оказались М.В. Малахов и А.Н. Тальgren. Ибо основную часть находок из цветного металла с памятников верховьев Исети составляли предметы, созданные местным уральским населением иткульской культуры раннего железного века. Судя по работам Г.В. Бельтиковой [10], ведущим направлением хозяйства в иткульской культуре было производство меди и изделий из меди. Иткульский металлургический очаг обслуживал практически всех соседей

дей. Зауральская медь в виде слитков поступала к приуральским племенам анатолийской культуры, в виде оружия — к сармато-сарматским кочевникам, иткульский металл проникал в районы Западной Сибири и северного Урала [11, с. 300]. В обмен иткульские металлурги, по всей вероятности, получали скот, зерно, продукты охоты и рыболовства.

О том, как далеко заходили уральские металлурги в своих торговых операциях в северном направлении, свидетельствуют находки керамики иткульского типа на памятниках верховьев рр. Тагил и Лозьвы. В восточном направлении по наличию иткульской керамики обнаруживаются связи металлургов вплоть до степного Приишимья [12, с. 70]. В свою очередь, нуждавшиеся в металле анатолийские земледельцы, а также и скотоводы гороховской культуры приходили со своими товарами на иткульскую территорию. Так, на памятнике Палатки I в верховьях Исети рядом с иткульскими металлургическими площадками найдены обломки сосудов с примесью раковины и шнуровым орнаментом с Прикамья и фрагменты круглодонных сосудов с примесью талька и резным орнаментом с памятников междууречья Исети и Миасса.

Духовный мир иткульских металлургов в определенной мере раскрывают находки в виде «кладов» и остатки святилищ, расположенных рядом с металлургическими мастерскими.

«Клады» с г. Малой, Адуйского камня, Азов-горы, грота Сухореченского [13, рис. 5], поселения Ботники Iв [14, рис. 2] представляют собой захоронения металлических культовых предметов в небольших и неглубоких ямках, чаще всего перекрытых камнем. Основную долю находок составляют фигурки птиц неопределенной породы, но явно хищных (рис. 1), и изделия круглой формы: зеркала, бляхи и бляшки. Реже встречаются антропоморфные изображения, единично — оружие. Это были захоронения душ умерших металлургов [15, с. 102]. Известно, сколь необходим воздух для выплавки металла. Можно предположить, что образ хищной птицы, которая летает высоко и стремительно, ассоциировался с движением воздуха. Предметы круглой формы могли быть знаком солнца-огня, духа огня, ведь без высокой температуры невозможна удачная плавка.

Наиболее богатой является коллекция находок с Азов-горы. Анализ 24 сохранившихся птицевидных изображений показал, что они различаются по величине, наличию или отсутствию петельки на обратной стороне, числом отливок из одной формочки (от 1 до 4-х). Еще Н.Н. Бортвин в своем описании выделил среди них 2 фигурки (рис. 1, 1, 8), увидев в первой ястреба или орла, а во второй — сову [5, с. 123]. Они отличаются от остальных и тщательностью изготовления, и дополнительной обработкой.

Следует предположить, что за различием облика птицевидных фигур стоят какие-то реальные явления. Тут приходится ступить на тонкий лед, потому что можно лишь с некоторой долей вероятности представить эти явления. Различная величина изображений могла означать степень мастерства умерших. Возможно, что знаком повышения мастерства служили фигурки с петлей на обороте, их могли носить при жизни. Явно выделяющиеся изображения орла/ястреба и совы могли быть связаны с отголосками тотемических представлений и принадлежать лицам высокого социального статуса (вождям? шаманам?). В состав костюма

служителя культа могли входить также круглые бляхи с ушками на обороте. В одной из них — в виде волка, свернувшегося в кольцо, можно предположить помощника шамана для его путешествия в нижний мир. Возможно, с близничным культом и сакральным статусом одного из близнецов связаны 4 фигурки с двойным изображением птиц, изготовленные в одной формочке (рис. 1, 6). Вполне вероятно, что антропоморфное изображение в шлеме, вписанное в дугообразную рамку, принадлежало воину. Наконец, три антропоморфные фигурки, две безликие из одной формочки, одна с одним глазом и носом сбоку, изготовлены очень небрежно и могли быть душами чужих (пленников? зависимых?).

Тот же акцент на почитание предков, связанных с духами воздуха и солнца-огня, просматривается и на святилищах иткульской культуры. По материалам святилища, расположенного в центре по отношению к металлургическим комплексам северо-западной части острова Каменные палатки, можно попытаться воспроизвести обряд, предваряющий плавку металла. На овальной площадке (1,8 x 1,2 м), окруженной каменным кольцом и канавкой, с использованием «пряслица» с солярным орнаментом (найден в канавке) путем трения разжигался «живой огонь». В костер для духов огня и воздуха помещали жертвенную пищу, от которой сохранились многочисленные кальцинированные косточки. В ритуале определенное место занимали вместилища духов предков — две медные фигурки птиц, изготовленные в одной литейной формочке. Одно из них — целое (рис. 1, 10). У второго, возможно, в связи с неудавшейся плавкой, была отломана головка, а также острым предметом пробита грудь и основания крыльев (рис. 1, 9).

Иткульский металлургический очаг действовал с VII по III вв. до н.э. За это время территория его расширилась во всех направлениях: вдоль хребта на север до истоков Нейвы, на юго-запад до верховьев Чусовой, а также в лесную и лесостепную зоны на восток. Основные центры с полным металлургическим циклом от выплавки металла до отшлифовки готовых изделий оставались привязанными к меднорудным источникам. Очаг стал затухать в III в. до н.э., когда начало набирать быстрые темпы развития производство железа, ибо болотную железную руду находили повсеместно.

Как сложилась дальнейшая судьба иткульских металлургов? Ведь на протяжении пяти столетий создавались и передавались по наследству профессиональные тайны, оттачивались навыки и мастерство. Не могли же они исчезнуть без следа?

Для ответа на это вопрос придется вернуться снова к полемике конца XIX в., но это будет уже другой сюжет с более широкими пространственными ориентирами.

2. Образ хищной птицы в понимании исследователей XIX–XX вв.

В конце XIX в. начались археологические исследования ряда приуральских памятников с металлической пластикой. Н.Н. Новокрещенных недалеко от Перми исследовал Гляденовское костище. Там, в слое пережженных костей и пепла наряду с наконечниками стрел, украшениями и сосудиками, было обнаружено много сотен металлических фигурок. В них представлена вся фауна края от лося и медведя до муhi и пчелы. Только изображения птиц составили 267 экземп-

ляров [16, с. 91]. Были произведены раскопки Гаревского и Ильинского костищ и жертвенного места на Колве.

Появились публикации материалов коллекций и результатов раскопок памятников с металлической пластикой из собрания Теплоуховых, с костищ и, наконец, всей совокупности найденных предметов, или, по словам А.А. Спицына, шаманских изображений, из районов от Урала до Западной Сибири [17].

Изначально не возникло споров об этнической принадлежности металлической пластики. Как и В.И. де Геннин, исследователи соотносили ее с чудью, в которой видели предков остыков и vogulichей. А.А. Спицын расширил этот этнический круг до урало-алтайских народностей [там же, с. 29]. Не было расхождений и в понимании характера находок: А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, Д.Н. Анучин и А.А. Спицын определяли изображения пермского звериного стиля как культовые.

Дискуссии велись в трех направлениях: происхождение культовой пластики, ее периодизация и функциональное назначение.

Истоки иконографии образов Д.Н. Анучин находил в Индии и Передней Азии, И.И. Толстой и Н.Б. Кондаков в Персии и Ассирии, Х. Аппельгрен-Кивало в античном мире. Почему именно в этих странах? На иранских и византийских серебряных сосудах из прикамских кладов некоторые сюжеты перекликались с содержанием металлической пластики. Следует отметить, что речь шла только об истоках образов. Так, в фигурках птиц с личиной на груди Д.Н. Анучин увидел лишь «отголоски образа Груды, получившие тем большее значение у чуди, что он соответствовал, видимо, туземному аналогичному представлению о божественных птицах» [16, с. 153].

Признавая культовый смысл находок пермского звериного стиля, авторы предлагали различные варианты его реализации: предметы жертвоприношений, посредники шаманских обрядов, части шаманских костюмов.

Описывая прикамские изображения из своей коллекции, Ф.А. Теплоухов [18] отметил разнообразие форм крылатых фигур. Несколько позднее на более широком материале Д.Н. Анучин определил территорию их распространения от Приуралья, включая Припечорский край, вплоть до Енисея [16, с. 125–126]. Он же провел иконографическую типологию всех известных к тому времени культовых металлических предметов с крыльями.

К простейшим Д.Н. Анучин отнес зауральские находки птицевидных изображений со слабо выделенными головами, ластообразные крылья и хвост которых моделированы узким валиком, а ноги — в виде двух маленьких полугорошин. Территория распространения сложных типов расположена по обе стороны Зауралья и приходится на Приуралье и Западную Сибирь. Время внешних влияний и бытования описанных изображений Д.Н. Анучин определил с первых веков н.э. до VIII–IX вв. [там же, с. 154].

Как в осмыслении первой проблемы — истоков уральской металлургии, так и в понимании второй — урало-сибирского культового литья — с конца 20-х по 50-е гг. появились новые идеи. Начало положила статья А.В. Шмидта «К вопросу о происхождении пермского звериного стиля» [19]. Оговорив наличие ряда сходных черт культовой пластики всего большого Урало-Западносибирского региона, А.В. Шмидт выделил «три вполне самостоятельных провинции» ее

бытования: пермскую, зауральскую, западносибирскую. В пермскую входил не- сколько своеобразный печорско-чердынский центр.

Как и Д.Н. Анучин, А.В. Шмидт основную часть своей статьи посвятил птицевидным изображениям. Типология первого автора была фактически принята, но рассмотрена под углом зрения генезиса и развития. Птицевидные фигуры зауральской провинции — простейшие по Д.Н. Анучину — датированы I тыс. до н.э. и определены как «безусловно являющиеся продуктом самостоятельного местного искусства» [19, с. 153].

В понимании генезиса раннего ананьинского этапа звериного стиля пермской провинции А.В. Шмидт остался на позиции тех авторов (Х. Аппельгрен-Кивало, А.М. Тальгрен, М.И. Ростовцев), которые доказывали миграцию эллинских и скифских идей в культуру Прикамья. По его мнению, к готовым мотивам туземцы добавили лишь личины. Птицевидные с Гляденовского костища упоминаются как бы мимоходом: основная часть их сработана беспомощно, только четыре фигуры с личинами изготовлены хорошо [там же, с. 147].

В своем дальнейшем развитии пермский звериный стиль, по А.В. Шмидту, прошел еще два этапа, которым соответствуют две стилистические группы изображений. Первый этап — «золотой век», по А.А. Спицыну, приходится на ломоватовскую культуру VI—IX вв. А.В. Шмидт объясняет расцвет стиля появлением угорского населения, принесшего новые стимулы развития культуры [там же, с. 161]. Появление второй, сравнительно небольшой группы птицевидных изображений, А.В. Шмидт соотносит с приходом в край финно-permского населения X—XIV вв. [там же, рис. 1].

Отмечая слабую изученность западносибирского звериного стиля, А.В. Шмидт все же попытался объяснить некоторые черты его близости пермскому: «вполне понятно, что при сходстве основных бытовых форм и при одинаковом культурном воздействии более южных стран это развитие дало много конвергентных форм» [там же, с. 154].

В работах 30—50-х гг. критика теории заимствований становится все более резкой, и приводится ряд убедительных доказательств местного происхождения пермского звериного стиля [20, с. 7, 84; 21, с. 136; 22, с. 101]. Правда, при этом два последних автора не отрицают определенного влияния скифского мира на ананьинскую культуру, а А.П. Смирнов расцвет искусства VI—IX вв. объясняет воздействием произведений сасанидского времени [22, с. 253].

Второй акцент работ этого периода — выявление смысла изображений. М.Г. Худяков [23], опираясь на теорию стадиальности развития идеологии Н.Я. Марра, связал пермский звериный стиль с космической стадией. Полифункциональная трактовка образов птицевидных дана в работах А.В. Эзбуевой и А.П. Смирнова, опирающихся на финно-угорскую этнографию и фольклор. По мнению этих авторов, культ птиц мог означать пережитки тотемизма, был связан с культом солнца; появление и явное преобладание в пластике образа хищных могло быть соотнесено с военизацией общества.

Каковы современные взгляды на проблему?

В их сложении большое значение имели широкомасштабные археологические исследования 60—90-х гг. в таежной зоне Урала и, особенно, Западной Сибири,

возврат к иконографической типологии и использование новых теоретических подходов к анализу археологических материалов.

Исследования во многом подтвердили ряд важнейших положений, установленных в предшествующие периоды:

1. Наличие общих черт урало-сибирского культового литья таежного края в I тыс. н.э. [24, с. 7; 25; 26, с. 63–64; 27, с. 30].

2. Выделение локальных и хронологических различий зауральского, приуральского и западносибирского культового литья [24, с. 5–6].

3. Установление местных корней зоо- и орнитоморфных образов в мифологии населения трех регионов, начиная с эпохи камня и бронзы [28; 29].

4. Использование в разработке мифологических сюжетов древних финно-угров как отдельных образов, так и стилистических особенностей искусства населения иранской языковой группы [30, с. 4; 31, с. 146–149; 32, с. 51–52, 61].

5. Прослеживается эволюция культового литья в эпоху железа, в том числе, выделение периода VI–IX вв. как наивысшей ступени его развития для пермского звериного стиля.

6. По местонахождению и функциям плоское металлическое литье связывается с ритуальными действиями на святилищах, а плоские бляшки с петельками и пронизки — с оберегами отдельных лиц, в том числе шаманов.

В работах 70–90-х гг. XX в. ведущим становится семантический анализ, раскрытие смысла зооморфной пластики. Л.С. Грибова [30] и А.С. Сидоров [33] обосновывают тотемистические истоки пермского звериного стиля, В.Ф. Генинг и Л.В. Чижкова — анимистические.

В.Ф. Генинг предположил, что культовая пластика Гляденовского костища — вместилище душ умерших [34]. В более развернутом виде анимистическая трактовка образов хищных птиц рассматривается в работах Л.В. Чижовой [24, с. 15–20]. В птицевидных изображениях она видит воплощение душ — членов коллективов, осознающих себя личностями с различными профессиональными качествами и социальным статусом. Л.С. Грибова в изображениях человеколосей со святилища Большеземельской тундры также увидела вместилища реинкарнирующихся душ, сохранивших тотемно-родовую символику. Она полагала, что их можно уподобить иттарма обских угров [35, с. 101–103].

Идея принадлежности пермского звериного стиля к космогонической стадии развития древней идеологии, высказанная в 30-е гг. М.Г. Худяковым и подробно обоснованная А.Ф. Анисимовым на материалах фольклора сибирского таежного населения в 50-е гг., была развита в работах Б.А. Рыбакова [36; 37]. Автор стягивает в один круг широкие параллели — как пространственные (тунгусо-самодийско-угорскую мифологию, русскую этнографию), так и временные (от мезолита до XIX в.), где образы прикамской культовой пластики выступают как связующее и наиболее яркое звено архаичной стадии религиозных представлений охотников (или недавних охотников) [37, с. 59]. Рассматривая сложные образы пластики VI–IX вв., Б.А. Рыбаков в образе гигантской птицы с солнечной личиной увидел один из вариантов представлений о Вселенной [36, с. 19].

Группа ученых, изучавшая западносибирское культовое литье, провела в более короткий срок все те операции его анализа, которым пермский звериный

стиль был подвергнут в течение XIX столетия. Описаны отдельные культовые памятники, установлена хронологическая последовательность и выполнена иконографическая типология металлической художественной пластики [26, с. 39–44, 72–75; 38, с. 39–44]. Намечены функции святилищ и «кладов» [39; 40]. Обозначена семантика образов, в том числе, орнитоморфных с личиной.

М.Ф. Косарев обосновывает тотемическую функцию образа птицы в западносибирской мифологии, просматривая ее с неолитического времени до обско-угорских тамг XVII в. [41, с. 146]. Но, в завершении обоснования этой идеи, учитывая работу Л.Я. Штернберга [42], указывает еще на четыре возможные функции образа хищной птицы-орла: хозяин и повелитель солнца, хозяин огня, родоначальник шаманов, символ священного дерева [41, с. 147].

Статья Я.А. Яковлева целиком посвящена металлическим птицевидным изображениям Западной Сибири. Важно отметить, что в обоснование иконографической типологии автор положил сюжетную основу: динамику и видовой состав изображений. Эта основа, при опоре на угорско-самодийский фольклор и этнографию, позволила автору выйти на семантический уровень анализа. Самый ранний пласт появления образа водоплавающей птицы в мифологических системах всех этносов Сибири фиксирует акт творения земли [43, с. 185]. Второй пласт — анимистический. Здесь в образе птиц мыслятся души, творцы и хранители человеческих душ, а также тотемы — родовые прародители.

На большой источниковой базе Н.В. Федорова обосновывает истоки и этапы развития западносибирского стиля художественной металлической пластики. Основу его формирования автор видит в творческой переработке двух импульсов — горно-уральского иткульского и томско-нарымского кулайского [27, с. 37]. Выделено три этапа эволюции стиля. Для первого этапа отмечено, что на рубеже эр изображений птиц сравнительно немного. На второй этап (III–VIII вв.) приходится появление сложных образов: птиц с личиной, трехголовых птиц и крылатых медведей. В IX–XII вв., в период расцвета западносибирского стиля, образы орла и ястреба со сложными крыльями сохраняются лишь на пронизках, а сова, филин с распахнутыми крыльями — на бляшках, пряжках и щитках для защиты руки от удара тетивы [44].

Позиция Ю.В. Балакина отлична от описанных выше. По его мнению, нет смысла делить урало-западно-сибирское культовое литье на уральское и сибирское, ибо существовало некое культурное единство [45, с. 5, 170]. Работы Ю.В. Балакина интересны включением в семантический анализ ритуала, сопровождавшего культовое литье, и в них есть ряд идей, которые «работают» в направлении избранной темы. Речь идет о возможности зарождения культового литья в районах, где существовали месторождения меди, и распространений культовой пластики вместе с миграцией этого населения. Автор подчеркивает высокий семиотический статус предметов из металла и его защитную и животворящую функции в ритуале [там же, с. 134, 139].

3. Миграция идей или инфильтрация людей?

Итак, есть четыре факта. Первый — прекращение интенсивной деятельности иткульского металлургического очага в III в. до н.э. и исчезновение иткульской

культуры. Второй — устоявшиеся в течение более чем полтысячелетия торговые контакты иткульских металлургов, протянувшиеся как в меридиональном, так и широтном направлениях, и явное расширение границ очага на север, восток и запад в течение V—III вв. до н.э. Третий факт — общие черты памятников типа «кладов» в горно-лесном Зауралье и Томско-Нарымском крае в V—III вв. до н.э. Четвертый — появление на рубеже эр по обе стороны от бытования иткульского металлургического очага — в Приуралье и Западной Сибири — изображений хищных птиц, в том числе с личинами на груди.

Последние два факта требуют более тщательного рассмотрения. Что свидетельствует об общих чертах в «кладах» металлической пластики двух регионов? Первая и основная черта — функциональное назначение находок: захоронение душ умерших. Вторая черта — технологическое сходство: культовые предметы в виде плоских фигур изготавливались из чистой меди. После выплавки они дополнительно не прорабатывались: сохранились излишки металла в виде многочисленных заусенец и следов литника. Детали моделированы узким валиком. Но уже в приеме изготовления есть различие: головки (главным образом клювы) иткульских фигурок птиц нередко выполнены в невысоком рельефе (рис. 1). Видимо, существовало различие и в функциональном назначении: у ряда зауральских птицевидных изображений есть петелька на обратной стороне. И уже совершенно не похожи сюжетная основа и иконография металлической пластики двух районов.

На памятниках горно-лесного Зауралья антропоморфные фигуры составляют небольшую долю находок. И известно лишь одно комбинированное изображение с Азов-горы — безликий человек, «по-дамски» сидящий на хищном звере (волке?). Основную часть находок, и это следует подчеркнуть, составляют фигуры хищных птиц *en face* — «простейших», по типологии Д.Н. Анутина.

В Томско-Нарымском крае культовая пластика выполнена в так называемом скелетно-ажурном стиле. Характерны антропоморфные фигуры, но в большей степени — личины. Множество изображений комбинированных, где сочетаются антропо-зоо-орнитоморфные и растительные элементы. Как сами фигуры, так и их сочетание порой настолько загадочны, что, по меткому выражению Н.В. Федоровой, напоминают ребусы: немногочисленные фигурки птиц в них выполнены в профиль [46, рис. 16, 5, 6].

Появление и развитие мифологических представлений, выраженных в металлической пластике как Зауралья, так и Западной Сибири, представляется процессом местным. Связь образов: металлургический процесс — движение воздуха — хищная птица — душа металлурга — пока что не находит аналогий в соседних культурах. На памятниках ананьевской общности Прикамья немногочисленные фигурки птиц выглядят лесными (голуби?). Как в ананьевских, так и в савромато-сарматских южноуральских коллекциях образ хищной птицы (орел/ястреб) представлен только в виде голов на оружии, бляшках и застежках.

На памятниках горно-лесного Зауралья II в. до н.э. — IV в. н.э. культовая металлическая пластика, за исключением двух кыштымских находок [16, рис. 20; 17, рис. 276], неизвестна. Видимо, она исчезает вместе с иткульской металлоносной культурой.

Затухание иткульского очага не означало, что в последующий период производство металла в регионе совершенно прекратилось. На местах бывших иткульских мастерских встречаются фрагменты керамики этого времени — кашинской и бакальской культур [47, с. 180]. Но следы металлургии по сравнению с предшествующим периодом существенно сократились.

Есть доказательства миграции потомков иткульского населения с кащинским типом керамики к северу вплоть до верховьев Лозьвы [48, рис. 5, 7, 8 и 6, 6, 7] и Северной Сосьвы [49, табл. 21, 8, 21–23]. В сложившейся на основе процесса взаимоассимиляции местного и пришлого населения синдейской культуре иконография душ умерших видоизменяется. В Лозьвинском «кладе» (рис. 2, 2) и чердынских находках [50, т. XV, XVI, XVIII], «близнецах» Черемухового куста [51] изображения ушастой совы или филина венчают головы антропоморфных фигур. Единично подобные фигурки известны на Печоре (могильник Новый бор I) и в находках с Няксимоволя (Северная Сосьва). В Холмогорском «кладе» есть несколько личин, изготовленных в одной литейной форме, над головой которых сидит фигурка совы [40, рис. 11–12].

Второй новый образ — антропоморфная фигура с крыльями. В фигурке с Туманского святилища ее голова увенчана двумя профильными изображениями лесных птиц (рис. 2, 1). Одиночные находки антропоморфных фигур с крыльями, включающие изображения бородской группы, по Г.М. Бурову [25, с. 39], известны с Нижней Волги [17, рис. 218], Гляденовского костища [52, № 14], с р. Чиньварык [25, рис. 4, 5]. На р. Язье найдена трехголовая фигурка человека-филина, увенчанная еще одним изображением филина [52, № 15].

Керамика кащинского типа совместно с синдейской встречается на памятниках нижнего течения Тавды [53, рис. 8, 4–6]. Этот факт свидетельствует о продвижении каких-то групп населения на юг таежной зоны Западной Сибири. Примечательно, что на городище Янычково найдены фрагменты бляшки (рис. 2, 4), в верхней части которой личина фланкирована профильными изображениями филинов [54, рис. 2, 3].

Есть факты инфильтрации отдельных групп (семей? кланов?) с культурой кащинского типа на восток в лесостепь Западной Сибири вплоть до Иртыша и Ишима [55, рис. 71; 56, рис. 3, 4, 7, 8]. К III–IV вв. н.э. в духовных ориентирах этих групп сформировались новые черты, о чем повествуют материалы погребений во рву саргатского кургана Абатского 3 могильника. Н.П. Матвеева отнесла их к кащинской культуре. В крайнем с юга захоронении № 2 женщины с ребенком найдены круглая бляшка с личиной и фрагмент птицевидного изображения с личиной. В погребении мужчины (№ 4) обнаружена трехголовая птицевидная фигурка [55, рис. 66], а в погребении № 10 при черепе ребенка — бляшка с профильным изображением двух птиц, иконографически сопоставимых с находкой из Янычкова [там же, рис. 70, 3].

Можно предположить, что у продвинувшихся в лесостепь Западной Сибири воинственных племен кулайской культуры была нужда в мастерах, умеющих не только плавить медь, но знающих источники медной руды, а также постигших тайну варки железа и кузничного производства. К тому же металлурги обладали навыками торговли, им хорошо были знакомы торговые пути на запад и юг.

Потомки иткульских металлургов появились в Западной Сибири в саровский период, когда происходила не только широкая экспансия кулайского населения, но и существенные сдвиги в развитии культуры, в том числе, и в духовной сфере. Развивая гипотезы Н.В. Федоровой и Ю.В. Балакина об истоках становления западно-сибирского звериного стиля, можно предположить, что в процессе его формирования духовные ценности уральских металлургов постепенно начали вписываться в становящуюся мифологическую картину мира населения этого региона как ее органический элемент.

Следует пояснить ряд терминов этого тезиса: «органический элемент», «постепенность процесса», а также попытаться воспроизвести механизм превращения центрального звена духовных ценностей металлургов в один из элементов нового мировидения населения Западной Сибири. Птицевидные изображения — органичный элемент новых духовных ориентиров, во-первых, потому, что этот образ присутствует практически на всех видах памятников саровского этапа кулайской культуры: на святилищах (Усть-Полуе, Барсовом городке I/20 и др.), в могильниках (Барсовский III, Абатский 3), на городищах (Барсова гора III/6), но, главным образом, в составе захоронений душ умерших от верховьев Оби (Ишимский «клад») до его нижнего течения (Холмогорский «клад»).

Во-вторых, наряду с чертами преемственности иткульских традиций в технологии изготовления: фигуры плоские, но головы выполнены в невысоком рельефе и наличие петли на оборотной стороне фигур, — в своих новых технологических приемах и иконографических деталях они органично вписываются в остальной комплекс кулайской металлической пластики. Исчезает небрежность отливки, фигуры тщательно обрабатываются. Детали образов подчеркиваются поясками полугоношн-перлов, арочным орнаментом или короткими параллельными отрезками, что придает изделиям нарядность.

Процесс становления нового образа был постепенным и охватывал несколько веков. При сохранении в пластике отдельно птицевидных и отдельно антропоморфных воплощений душ, осваивалась идея связи хищной птицы и души человека, в том числе в виде личины.

Механизм появления новых знаков-образов был вариативным, но несколько иным, нежели в северной части Урала. Сочетались: птица с человеческой головой (рис. 2, 7); птица en face с личиной на груди (рис. 2, 3); птица en face, охватывающая крыльями антропоморфные фигуры; профильные изображения хищных птиц, чаще всего, филина/совы, фланкирующих личину (рис. 2, 4). Есть образы усложненные, с тремя головами, которые в одних случаях изображены en face, в других — профильно.

Можно предположить, что различные способы сочетания птица-антропоморфная фигура (личина) связаны или оказались созвучными второй идеей иткульских металлургов — выделить таким образом социальный статус или профессиональное мастерство. Но, по всей вероятности, не только и не столько статус и мастерство металлурга, сколько воина, или служителя культа воинов (хищная птица — быстрота — сила — агрессивность).

С этой точки зрения любопытно сопоставить птицевидные изображения Истяцкого «клада» рубежа эр с Холмогорскими находками III—IV вв. н.э.

Истяцкий «клад» и по времени, и по расстоянию расположен ближе к исетско-тобольскому пути диффузии отдельных групп уральских металлургов. Основные сюжетные акценты в находках распределяются между тремя образами: волков (псов?), всадников и птицевидных, как литых, так и прокрученных на бляхах. У всех литых фигур еще сохранилась небрежность изготовления [50, т. XXI–XXIII], достаточно условны и процарапанные на бляшках [17, рис. 38–47; 50, т. XX]. Из шести литых фигур три с птичьими головами имеют не удаленные излишки металла, у одно- и трехголовой плохо просматриваются личины на груди. Три изображения с человеческими головами сравнительно хорошо выполнены, у двух из них на груди личины, но все они повреждены: у одной — трехголовой — отломан хвост, у другой отсутствует третья голова и крыло. По рисункам трудно определить, случайно или намеренно они поломаны. Зато у третьей фигуры, с крупной человеческой головой, личиной на груди и плечами, переходящими в головы хищников (псов?), совершенно явственно отрублены и хвост и крылья (рис. 2, 7).

Менее выразительны одно- и трехголовые изображения птиц в анфасной позе на круглых бляхах. Следует лишь отметить, что на груди двух из них нанесены личины. Для понимания нового смысла знака хищной птицы рассмотрим сюжет бляхи, опубликованной В.Н. Чернецовым [50, т. XX, 6]. Хищная птица с трезубым навершием на голове изображена профильно в агрессивной позе. В таких же позах запечатлены бобр по одну сторону от птицы и фантастическое существо с телом змеи, коротенькими ножками и стрелой, торчащей из пасти, с другой. Не совсем понятно, кто на кого нападает, потому что разворот фигур передан в одну сторону, но важен сам смысл намерения хищной птицы — нападение, сражение (рис. 2, 5). В Холмогорской коллекции количество образов хищных птиц невелико; по сравнению с числом личин и других предметов культовой пластики: их всего пять экземпляров. Изображения хорошо отлиты и прекрасно дополнительно проработаны. Все они различаются по сочетаниям фигур и нарядности отделки деталей. Просто и схематично желобками орнаментирована фигура хищной птицы с распахнутыми крыльями, абрис крыльев и хвоста, другой — неизвестны, по сохранившейся части изображения можно судить о богатстве моделировки деталей [40, рис. 18]. У птицы с трехглазой личиной человеко-филина на крыльях по обе стороны головы помещены в профильном изображении филин и пушной зверек [там же, рис. 22]. У первой трехголовой фигуры человеческая голова, а от плеч поднимаются повернутые в противоположные стороны профильные головы хищных птиц [там же, рис. 19]. Вторая трехголовая птица держит за плечи антропоморфную фигуру, состоящую из головы в шлеме и овальной пластины (рис. 2, 8).

При сравнении птицевидных фигур из двух «кладов» напрашиваются следующие выводы. Разнообразие сочетаний птица-антропоморфная фигура (личина) и степень богатства их орнаментации могут быть связаны с различным статусом носителей душ.

Преобладающие в видовом составе образы дневных хищных птиц (орел-коршун-ястреб) по свойствам этих птиц сопоставимы с образами как металлургов, так и воинов. Фигура агрессивного филина на истяцкой бляхе, изображения совы на го-

ловах ряда личин из Холмогорских находок, а также трехглазая личина человеко-филина из той же коллекции могут быть поняты как следы тотемических представлений, сохранившихся и в мифологии, и в одном из обликов шамана [57, с. 46].

Вызывают размышления намеренно искалеченные фигуры птицевидных как в Истяцких, так и Холмогорских находках. В последних — у одной птицы пробита грудь, у другой отсечены крылья и хвост, у третьей — отрезана часть крыла. На первый взгляд, возникают ассоциации с намеренно поврежденной птицевидной фигурой с иткульского святилища памятника Палатки I (рис. 1, 2). Но в том случае «вина» может быть осмыслена в контексте находок слитков — результата неудачной плавки, а также массы бракованных наконечников стрел. У изломанных воплощений душ с Истяцкого и Холмогорского «кладов» диапазон проступков может быть значительно шире — различная степень неудач в металлургии, обменных связях и военных действиях.

Итак, в двух регионах — на Северном Урале и в Западной Сибири — во II в. до н.э. — IV в. н.э. в металлической пластике складываются близкие по содержанию, но различающиеся по иконографии сочетания образа хищной птицы и антропоморфной фигуры. При этом важно отметить два обстоятельства. Первое — личины на груди птиц — особенность западносибирской пластики. Второе — наибольшее сходство образов пластики двух регионов просматривается в находках верховьев рек Вишеры-Печоры-Лозьвы-Северной Сосьвы, соединяющих путь культурных и торговых связей народов Приуралья и Западной Сибири.

Говорить о втором пути контактов населения двух регионов по маршруту Кама-Чусовая-Исеть-Тобол-Иртыш преждевременно, потому что он пока что маркируется всего двумя кыштымскими находками птицевидных с личинами.

Предположение об оживленных связях по северному пути с рубежа эр позволяет объяснить появление ряда предметов, в том числе птицевидных изображений с личинами в Соплясском кладе с Печоры и на Гляденовском костище (рис. 3, 12–15). Можно согласиться с утверждением Г.М. Бурова о западносибирском происхождении ряда предметов на Печоре и среднем течении Камы. Но считать Гляденовское костище «наиболее ярким памятником западносибирского стиля в Прикамье» [53, с. 41] нет оснований. Как уже было отмечено, с Гляденовского костища, наряду с сотнями других изображений, известно свыше 200 птицевидных всех видов. Среди них — хищные дневные и ночные, разнообразные лесные и водоплавающие (рис. 3, 1–11). Подавляющее большинство из них вырезано из листовой меди. И только четыре литые фигурки вполне сравнимы с западносибирскими изделиями. Представляется, что соплясские, так и гляденовские изображения хищных птиц с личинами — результат тесных культурных контактов с населением кулайской культурной общности саровского этапа.

Описанный сюжет возможного пути генезиса птицевидных изображений хищных с личиной на груди — одно из доказательств того, что никакая культура бесследно не исчезает.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Де-Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937.

2. Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. № 21.
3. Мошинская В.И. Об основных направлениях и тенденциях в изучении бронзового века Урала // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
4. Дмитриев П.А. Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г. // КСИИМК. 1946. Вып. XII.
5. Бортвин Н.Н. Находка на горе Азов на Урале // КСИИМК. 1949. Вып. XXV.
6. Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
7. Сальников К.В. Иткульская культура: к вопросу о зауральском Ананьине // Краеведческие записки. Челябинск, 1962.
8. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172.
9. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987.
10. Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII—III вв. до н.э. // ВАУ. 1981. Вып. 15.
11. Бельтикова Г.В. О формах контактов иткульского очага металлургии // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э. Челябинск, 1999.
12. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.
13. Смирнов Н.Г., Ерохин Н.Г., Быкова Г.В., Лобanova А.В., Корона О.М., Широков В.Н., Некрасов А.Е., Ражева М.В. Гrot Сухореченский — памятник истории природы и культуры в Красноуфимской лесостепи // История современной фауны Южного Урала. Свердловск, 1992.
14. Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники Iв на нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень, 1999.
15. Викторова В.Д., Непомнящих В.В., Непомнящих О.В. Находки на горе Азов // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 1. Екатеринбург, 1999.
16. Анучин Д.Н. Из истории искусства к верований у Приуральской чуди // МАВГР. 1899. Т. III.
17. Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА. СПб, 1906. Т. VIII, вып. I.
18. Теплоухов Ф.А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. 1893. Т. II.
19. Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сб. МАЭ. Т. VI. Л., 1927.
20. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля // Тр. ГИМ. 1940. Вып. X.
21. Эбруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
22. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28.
23. Худяков М.Г. Культово-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества // ПИДО. 1934. № 11–12.
24. Чижова Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири по материалам культового литья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1983.
25. Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки западно-сибирского стиля // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

26. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Релкинская культура. Томск, 1991.
27. Федорова Н.В. Бронзовая художественная пластика // Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.
28. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
29. Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург, 1997.
30. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975.
31. Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
32. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1981.
33. Сидоров А.С. Идеология древнего населения Коми края // Фольклор и этнография коми. Сыктывкар, 1972.
34. Генинг В.Ф. Гляденовское костище-могильник с обрядом трупосожжения // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
35. Грибова Л.С. Культовая бронзовая пластика Хэбидя-Педары // Археолого-этнографические аспекты изучения северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
36. Рыбаков Б.А. Космогоническая символика «чудских» шаманских бляшек и русских вышивок. // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
37. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
38. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
39. Ширин Ю.В. К истории культовых мест Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993.
40. Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III—IV вв. Екатеринбург, 2001.
41. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.
42. Штернберг Л.Я. Культура орла у сибирских народов // Сб. МАЭ. 1925. Вып. 5.
43. Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996.
44. Федорова Н.В. Западно-сибирский звериный стиль // Древние бронзы Оби. Екатеринбург, 2000.
45. Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск, 1996.
46. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.
47. Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железа // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
48. Викторова В.Д. Туманско I поселение, святилище, костище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
49. Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. 1965. Вып. Д 3–8.
50. Чернедов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35.
51. Чаиркин С.Е. Изображение из раскопок С.Е. Чаиркина на обложке сборника статей: Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург. 1999.

52. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.
53. Морозов В.М., Панина С.П. Городище Янычково // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.
54. Панина С.Н. Итоги полевых исследований Свердловского областного краеведческого музея. 1977–1997 // III Берсовские чтения. Екатеринбург, 1999.
55. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
56. Могильников В.А. Керамические комплексы эпохи раннего железа с городища Старый погост // Гуманитарное знание. Серия «Приемственность». Вып. 3. Омск, 1999.
57. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М., 1959.

WHY DID FACES APPEAR ON THE BIRD-LIKE IMAGES

The paper provides justification for the hypothesis for the appearance of the bird-like images with the faces on their breast in Western Siberia and the Ural region in relation to the penetration of metallurgists of the Itkul culture from the East-Ural at the turn of the epochs. The author uses in her analysis the works of the pre-revolution researchers.

V.D. Victorova

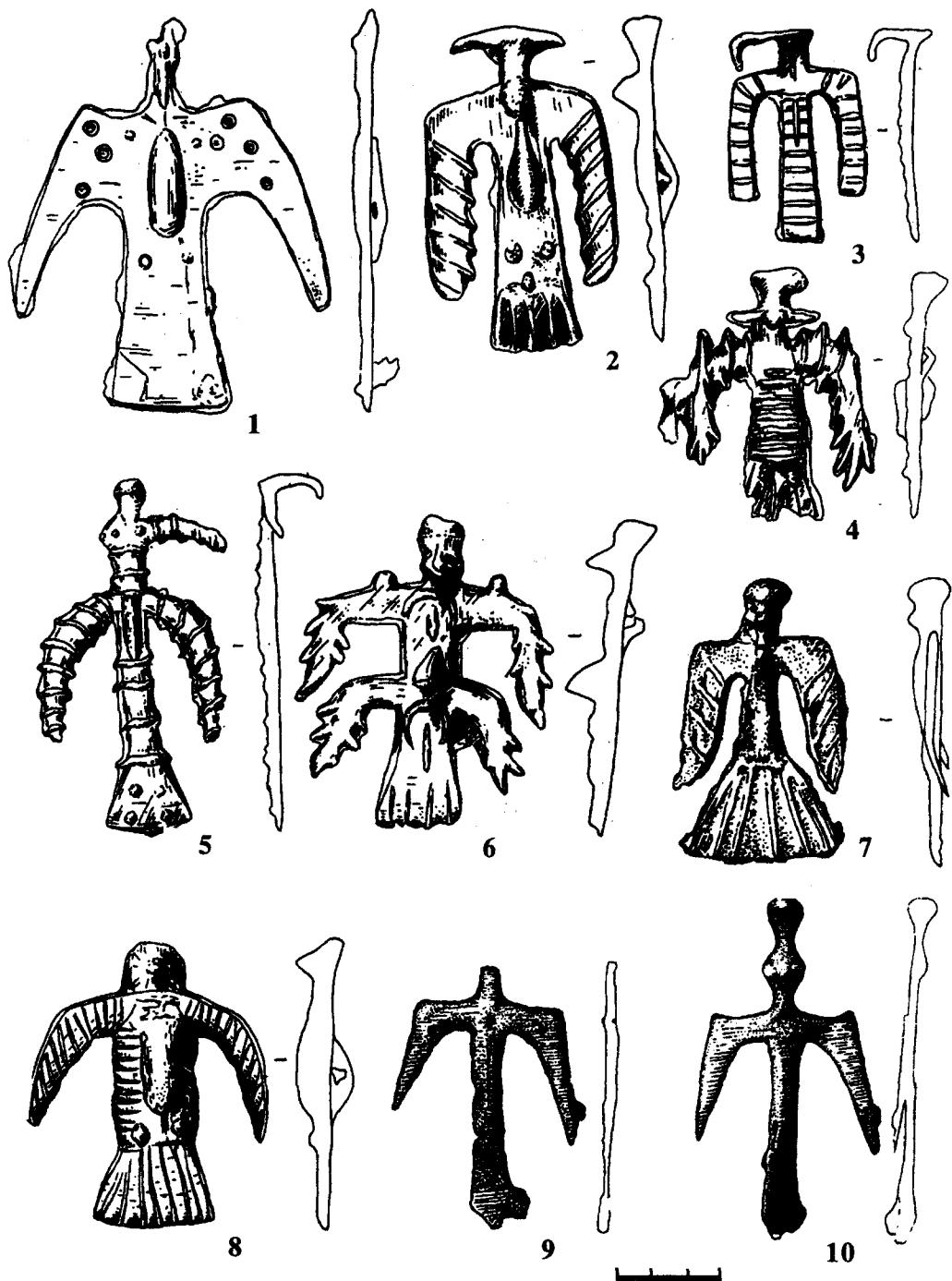
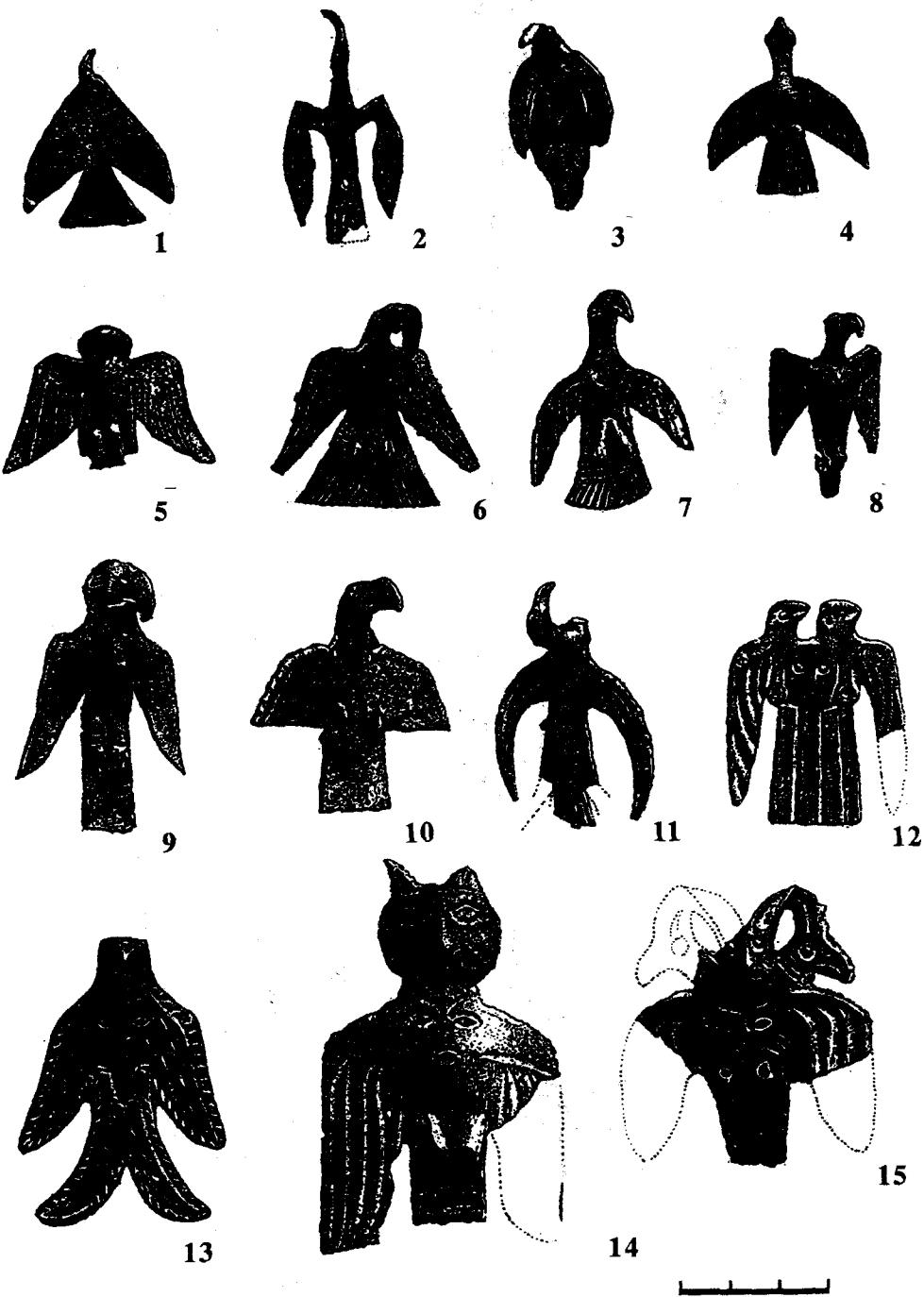

Рис. 1. Птицевидные изображения с памятников горно-лесного Зауралья:
 1–5, 6, 8 — из находок с Азов-горы (коллекция СОКМ);
 4 — из находок с грота Сухореченского (по В.Н. Широкову);
 9–10 — поселение Палатки I.

Рис. 2. Птицевидные изображения рубежа эр:
 1, 6 — Туманское святилище; 2 — Лозьевинские находки (по В.Н. Чернецову);
 3 — Мурлинская пещера (по В.Н. Чернецову); 4 — гор. Янычково
 (по С.Н. Паниной); 5, 7 — Истяцкие находки (по В.Н. Чернецову);
 8 — Холмогорские находки (по Н.В. Федоровой).

*Рис. 3. Птицевидные изображения с Гляденовского костища
(по А.А. Спицыну).*

МЕДВЕЖЬЯ ТЕМА В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ УРАЛА *

«Вообще... малонаселенные склоны Урала и весь горный хребет, начиная от истоков Печоры до истоков Белой и р. Урала, составляют главное местопребывание рассматриваемого нами зверя».

Л.П. Сабанеев

«Бурый медведь — длина тела от 130—150 до 240—250 см, масса от 56—80 до 250—300 кг, некоторые экземпляры достигают 640 кг. Распространен в лесной зоне нашей страны от западных границ до побережья Охотского моря и от лесотундры до лесостепи, водится также в Закавказье, на Кавказе, Памире и Тянь-Шане. Обычные места обитания бурого медведя — обширные темнохвойные или смешанные леса с болотами, гарями и ягодниками. Питается преимущественно растительной пищей: ягодами, дудником, незрелым овсом, желудями, орехами, дикими плодами; большую роль в его рационе играют и животные корма: муравьи, жуки и их личинки, грызуны, лягушки, ящерицы, птицы и их яйца; медведь с жадностью поедает падаль, голодный ест почки деревьев. Не залегшие на зиму «шатуны» нападают на домашних животных и даже человека. Бурый медведь залегает в берлогу поздней осенью; выходит из нее в средней полосе в апреле, на севере — в мае. Медведица спаривается раз в два года; гон происходит в июне-июле; медвежата появляются зимой в берлоге. Линяют медведи один раз в году — летом»

Е.В. Кудрявцев

Статья является расширенной версией ранее предложенной публикации материалов, отражающих тему медведя в наскальном искусстве Урала (в печати). Наряду с росписями, обсуждаются и костные остатки этого зверя, обнаруженные вблизи писаниц.

Анализируя уральские наскальные рисунки, В.Н. Чернецов выделил несколько сюжетов, с различными вариантами, отражавшими в виде «графических формул» определенные темы в «комплексе некогда проводившихся обрядов и действий» [1, с. 71—72]. Каждый сюжет выделялся на основании доминирующих образных фигур. Всего было выделено три основных сюжета. В первом сюжете главным изображением является копытное, во втором — птица, а в третьем — «условно-антропоморфные и антропозооморфные» фигуры [там же, с. 59—78]. Еще два сюжета были намечены: четвертый включал изображения птиц в геральдической позе, а пятый — медведя. К последнему В.Н. Чернецов отнес «сильно стилизованные изображения животных с Писаного Камня и Змиева Камня на

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 01-01-00223а.

р. Тагил...». Следует иметь в виду, что у Валерия Николаевича не было полной уверенности в идентификации этих рисунков с медведем; он полагал, что их следует считать изображениями «скорее всего медведей, если опираться на изобразительные традиции манси и хантов». К этому же сюжету, по мнению исследователя, следует отнести «и изображение медвежьей лапы» [там же, с. 82]. При обсуждении данных материалов было высказано мнение, что «фигуры этого типа... уникальны среди наскальных изображений. Возможно, что они относятся к относительно позднему слово и, вероятно, связаны с действиями, посвященными культу медведя» [там же, с. 82].

До недавнего времени существовали определенные сомнения в справедливости выделения этого сюжета (я не затрагиваю здесь проблему выделения В.Н. Чернецовым сюжетов вообще). Рассматривая его, Валерий Николаевич ссылался на таблицу первой части своей сводной работы о наскальных изображениях Урала [2]. На самом деле рисунков медведя на ней нет. Изображение медведя упоминается в связи с писаницей на Камне Балабан I, а не с Писанным Камнем, как в тексте 1971 г. В первой же части содержатся только копии зарисовок нижнетагильского краеведа Д.П. Шорина, приведенные В.Н. Чернецовыми по архивным материалам в связи с описанием Балабана I [2, с. 48]. Экспедиция В.Н. Чернецова не обнаружила эти фигуры, и они отсутствуют среди копий наскальных рисунков, воспроизведенных в таблицах 1964 г. Вот почему и возникали сомнения в реальном существовании этой композиции и целесообразности выделения пятого сюжета.

Мои посещения тагильских писаниц подтвердили существование рисунка медведя на Камне Балабан I. В то же время внимательный осмотр изображения медвежьей лапы на Эмневом Камне, о чём упоминалось в предыдущей публикации, посвященной медвежьей теме, привел к окончательному выводу о неверном его восприятии. Этот рисунок воспроизводит нефигуративный мотив в виде сетки с сотовидными полями. Что касается Балабана I, то композиция с медведем находится на верхнем утесе этого камня, в центральной его части, на высоте около 4,5 м над водой. Изображения сохранились хорошо и в первый раз были замечены с лодки, на которой осуществлялся сплав по реке. Непосредственно к рисункам можно подобраться по скальному карнизу. Композиция выполнена красной охрой, по цвету близкой к краплаку, и состоит из нескольких фигур (рис. 1, 1). Вверху нанесены две концентрические окружности. В центре этих окружностей профильным силуэтом воспроизведена фигура медведя. Схематично моделированы его морда, ухо, передние и задние лапы, каждая пара которых показана одной конечностью с выделенной ступней. Максимальные размеры рисунка 13,5 x 11,5 см. На загривок зверя сверху опущена прямая линия. Ниже окружностей нарисовано копытное с характерными для лося пропорциями и кожисто-волосянной серьгой. Тулowiще показано контуром, внутри него округлым пятном обозначен какой-то внутренний орган животного — сердце, печень или легкие. Шея увенчана массивной головой с двумя ушами, передние и задние пары ног моделированы одной линией каждая. Такова в действительности эта композиция, не совсем верно зарисованная Д.П. Шориным. Изображение медведя, несмотря на некоторый схематизм, не оставляет сомнений в видовом определении.

Еще один рисунок медведя найден на Сокольем Камне на реке Тагил, во второй группе этой писаницы (рис. 2). Верхнюю позицию занимает фрагмент геометрической формы, одновременно напоминающий схематичный рисунок копытного. Под ним видна силуэтная фигура медведя, длиной около 15 см, обращенного головой влево и только с двумя лапами — передней и задней. Перед мордой зверя нанесен небольшой косой крест. Примерно в полуметре ниже видна фигура параболической формы, высотой около 40 см, пересеченная восемью или девятью горизонтальными отрезками с загнутыми концами. Справа от этого знака имеются ряды бледных зигзагов, а в 30 см справа от медведя нанесен ромб с вписанным в него крестом. Вся эта композиция чрезвычайно плохо видна на темном фоне скальной поверхности, из-за разрушения которой отдельные рисунки оказались повреждены. Цвет краски в обеих группах близок к малиновому.

На тагильском Писаном Камне также имеются рисунки медведя (рис. 3, 2). Речь идет о четвертой, по В.Н. Чернецову, группе, фигуры которой разбросаны на высоте от 2 до 4 м. Валерий Николаевич писал, что «она состоит из большого числа налегающих друг на друга преимущественно антропоморфных изображений, разобрать которые полностью едва ли представляется возможным. Над ними находится одиночное изображение оленя,... а левее одна из самых известных композиций Писаного Камня, состоящая из решетчатой фигуры, двух антропоморфных... и меандридной фигуры» [2, с. 36]. Нами приводится один из вариантов копии этой группы с рисунками антропоморфных существ с головами округлой формы и в виде развилики, справа от которых нанесен рисунок медведя, размерами 23 x 15 см. Он выполнен контуром, короткая шея и голова показаны силуэтом, линия живота повреждена.

К северу от Тагила, на западном склоне Урала изображение медведя известно на Писаном Камне на р. Вишере. Периферийные участки этой писаницы заняты знаками, нанесенными вблизи небольших пещер. Среди изображений центральной части имеются рисунки лосей, антропоморфных существ, медведя, ряды пятен и параллельных отрезков, более сложные геометрические фигуры, а также личины. Интересующая нас композиция находится на отдельном блоке в самом верху этого участка писаницы, на высоте не менее 5 м над землей. Она состоит из двух силуэтных фигур копытных — лося и, вероятно, оленя, рядов пятен и небольших штрихов, фрагментов геометрических мотивов и рисунка медведя, размерами 11 x 9 см. Он исполнен предельно схематично, только с одной сохранившейся передней ногой. В отличие от других уральских рисунков ухо у вишерского медведя не обозначено. В целом же этот зверь в данном случае опознается по массивному корпусу, характерной лобастости и тупой морде (рис. 4, 3).

О.Н. Бадер во время раскопок на площади 33 кв. м обнаружил жертвенное место под рисунками. Среди найденных вещей представлены осколки кремня, каменные, костяные, медно-бронзовые, железные и серебряные поделки, немногочисленные фрагменты керамики и множество костей животных. Вещи, кости животных и раковины были обнаружены и в расщелинах скалы. Весь материал, по мнению О.Н. Бадера, датируется от неолита до средневековья. Это жертвенное место О.Н. Бадер связывал с родовыми святилищами vogulov [3, с. 241–258].

В.Ф. Генинг разделил все изображения на 4 разновременных комплекса: неолит, бронзовый век, ранний железный век и средневековые [4, с. 259–280]. В.Н. Чернецовы не были признаны убедительными выводы В.Ф. Генинга, однако сам он не предложил точную датировку рисунков. На наш взгляд, основная часть изображений была создана в энеолите-бронзовом веке, к которой в последующее время могли добавляться отдельные фигуры.

Образная фигура медведя есть и на Араслановской писанице, расположенной на правом берегу р. Уфы, неподалеку от д. Арасланово. Писаница обнаружена в 1968 г. В.Т. Петриным, посвятившим этому памятнику две публикации: в одной характеризуются рисунки [5, с. 236–239], в другой — материалы раскопок под ними [6, с. 246–249]. В начале 90-х гг. изучалась мною.

В пределах восьмиметрового панно выделено две группы рисунков: северная с 6 фигурами, и центральная, начинающаяся в 2,5 м от предыдущей, с 8 изображениями; имеются также 2 одиночные фигуры. В северной группе крайнюю позицию слева занимает фигура медведя, не отмеченная ранее, исполненная тонированным силуэтом. У него массивное, грузное тело и направленная вперед-вниз голова с одним ухом. Лапы массивные, загривок акцентирован. Передняя лапа без ступни, одна задняя со ступней, другая, худшей сохранности, без ступни. Размеры изображения 16,5 x 10,5 см. Далее вправо, в композиции с фертообразным антропоморфом, нанесены три фигуры животных. Та, что слева, сохранилась плохо и не может быть определена до вида; справа нарисованы два копытных, скорее всего косули, головой друг к другу: у одной воспроизведен хвост, у другой небольшое ухо. Следом за ними изображены два антропоморфных существа (одно из них неполное), штрихи и фигура лошади (рис. 1, 2).

Во время раскопок возле скальных плоскостей с рисунками В.Т. Петриным обнаружены остатки жертвенного комплекса, в который входили обломки глиняных сосудов, кусочки охры, каменные изделия, в том числе пест, а также кости животных: косули, лошади и птицы. По орнаменту на керамических фрагментах венцевой комплекс был отнесен к сыввенской культуре; вслед за ним и рисунки датированы поздним железным веком [6, с. 246–249].

Во время нашего пребывания у этого памятника одним из местных жителей была сообщена очень важная информация, касающаяся посещения грота еще в 60-е годы родственниками местной мансийской семьи: для них это место считалось священным. Такие же сведения о почитании некоторых писаных скал на Тагиле в первой половине века мансийским населением приводил в своей работе и В.Н. Чернецов. Таким образом, и южноуральские писаницы связаны с традиционной обрядностью современного угорского населения, что позволяет использовать эти данные для реконструкции этнической среды, в которой существовала традиция нанесения изображений на скалы на Южном Урале.

Другая сцена с выразительным изображением медведя на Южном Урале находится в Идрисовском урочище. Доевые рисунки Идрисовской пещеры и у подножия скального обнажения частично уже публиковались [7, с. 5–51; 8, с. 96–104]. Нам удалось найти здесь некоторые фигуры и группы изображений, незамеченные ранее.

Идрисовская пещера и писаницы находятся на левом берегу реки Юрзини, в устьевой части лога, по которому протекает р. Клюкля. Рисунок медведя обнаружен

в третьей группе, на высоте около 3 м над землей. В центре нанесена анфас крупная антропоморфная фигура с согнутыми в локтях и сведенными на пояс руками, и полусогнутыми ногами в виде незамкнутого внизу ромба. Отчетливо видны ступни существа и небольшая округлая голова. Над персонажем нарисована фигура медведя, необычная с точки зрения иконографии: у зверя отсутствует линия живота. Такая трактовка образа животного не имеет аналогий на уральских писаницах.

Рисунок очень выразителен (рис.4, 1). Одной линией показаны задняя лапа, спина и передняя лапа. Задняя конечность несколько изогнута, повторяя реальный изгиб лапы зверя. Передняя конечность прямая, наклонена под корпус. Законченность этому рисунку придает массивная, силуэтная голова с небольшим ухом. Размеры изображения 22 x 14 см, ширина линии, которой моделирован корпус, от 1,5 до 2,3 см. Цвет краски близок краплаку. В группе есть также несколько знаков: фрагмент сетки, четыре перпендикулярно перекрещивающихся отрезка, прямоугольный треугольник и сдвоенный вертикально ориентированный зигзаг. Эти фигуры худшей сохранности, бледные, выполнены линией шириной около 1 см.

Не далее чем в трех метрах вправо от этой группы имеется рисунок, напоминающий отпечаток лапы медведя (рис. 4, 2), ориентированный пальцами вверх. Размеры мотива около 13 x 16 см. Кроме рисунка медведя других зверей в этой части Идрисовской II писаницы нет. Многие же памятники такого рода на Урале часто состоят из отдельных «содержательных блоков» с характерной для них тематикой. Это может косвенно подтверждать интерпретацию данного плохо сохранившегося рисунка как отпечатка медвежьей лапы.

С очень большой долей вероятности можно интерпретировать изображение медведя в «жертвенной позе» в первой группе Писаного Камня на р. Ирбит. Изображения расположены здесь на ровной плите, защищенной скальным навесом. Красочные фигуры наносились в этом месте многократно, что привело к их наложениям. Многие рисунки подводились, что придает до сих пор очень яркий цвет этим фигурам — в первую очередь антропоморфным персонажам, которые В.Н. Чернецов справедливо сближал с подобными фигурами Писаного Камня на р. Тагил. В левом верхнем углу видны только фрагменты каких-то наложенных друг на друга рисунков. Под ними остатки верхней части антропоморфной фигуры с круглой головой и одной рукой, опущенной на пояс. Между ним и двумя упомянутыми антропоморфными персонажами удается проследить фигуру в виде развилики и семь вертикальных отрезков. Над ними находится фигура размерами 7 x 13 см, напоминающая медведя, нарисованного в плане сверху. Такое «прочтение» этого изображения подтверждает аналогичный мотив на тагильском Писаном Камне, где он, как упоминалось выше, ассоциирован в композиции с фигуративным изображением медведя. В центральной части находятся крупные сотовидные формы, налегающие на остатки более дюевших изображений. Кроме сетки с сотовыми ячейками и остатков силуэтного корпуса копытного, голова которого не видна из-за наложений, ничего более в этом месте разобрать не удается (рис. 3, 1).

Еще один рисунок медведя в «жертвенной позе» находится на Нижнем Балабанском утесе. Он расположен на правом берегу Тагила, примерно в 1 км ниже по течению от первого, или верхнего утеса и устья р. Зенковки. Изображения здесь довольно плохой сохранности. Несмотря на это, наш осмотр позво-

ляет по-новому взглянуть на эту писаницу. В.Н. Чернецов упоминает здесь 4 или 5 «солнцеобразных фигур», небольшой гребневидный знак, антропоморфную фигуру и знак в виде вертикальной цепочки ромбов, остатки неопределенных мотивов и «счетные знаки» [2, с. 40–41].

Рисунки писаницы нанесены на три блока, на минимальной высоте от земли 1,5 м (рис. 3, 2). На блоке 1 имеется окружность с условно определяемым диаметром около 38 см, нанесенная линией, шириной до 3,5 см. Внутри пятно краски, во внешние стороны направлены несколько отрезков-лучей. На левой грани второго блока, в 30 см справа от окружности, изображен небольшой ромб. На основной грани этого блока в центре имеется окружность, диаметром около 40 см, выполненная линией до 4 см ширины. Внутри этой окружности видны 4 косых крестообразных мотива, выполненные линией шириной 1,3 см, и пятно краски. Здесь же выше и слева, имеется небольшой овал с отрезками-лучами, диаметром около 10 см, исполненный линией шириной 2 см (соответствует копии В.Н. Чернецова). На левой грани блока 3 нарисованы: вертикальная цепочка ромбов с тремя полями, вверх и вниз от которой направлены «хвостики»; гребневидный знак; над ним неправильный крестообразный мотив с утолщенным центром, который и можно рассматривать как изображение медведя в так называемой «жертвенной позе» (животное или его шкура в плане сверху), размерами 14 x 13 см; вертикальный зигзаг. На правой, основной грани блока 3, видны: в центре — окружность, диаметром около 38 см, с пятнами краски внутри и несколькими лучами. Над ней слева видна окружность диаметром около 30 см с небольшой окружностью внутри и отходящими от нее во внешние стороны лучами. Она бледнее центральной и уже заметна. По левому ребру блока нанесены короткие отрезки.

Вероятно, еще одно изображение в рамках медвежьей темы находится на той же Юрзани, в ее нижнем течении, на скале Сабакай Камень. Древние рисунки здесь обнаружили С.Е. и Н.М. Чайкины в конце 70-х гг. Возле устья не-протяженной пещеры сконцентрированы, в основном, нефигуративные мотивы. В одной из групп имеется изображение, напоминающее отпечаток лапы медведя (рис. 4, 4). Несколько странно, что пальцев четыре, а не пять. И все же по общим пропорциям рисунок более всего похож на отпечаток медвежьей лапы. Фигура, размерами 10,5 x 14 см, выполнена красной охрой. Кроме нее в композиции есть еще два знаковых рисунка в виде зигзага и угла.

Нефигуративное воспроизведение медведя известно и на писанице «Двуглазый» Камень на р. Нейве. На писанице два панно. Основное панно с большим количеством рисунков находится в центре фасада, рисунки начинаются в 1 м от подошвы и примерно в 4 м от воды. Здесь сохранились группы пунктуаций и штрихов, зигзаги одиночные и сдвоенные, снабженные отростками, сотовидные мотивы, сдвоенная дуга, окружность с лучами, авиаформы, орнаментализированное изображение животного — медведя, и копытное, а также сложные знаки и неопределенные изобразительные мотивы. Упомянутое изображение медведя представлено сотовидным многогранником, размерами 8 x 16 см, от которого вниз опускается вертикально ориентированный сдвоенный зигзаг, протяженностью 41 см [9].

Не могу обойти вниманием и некоторые находки костей медведя непосредственно возле скальных плоскостей с изображениями. Например, в начале 80-х гг.

при раскопках возле новых групп Бурановской II писаницы на Юрюзани мы с В.Т. Петриным среди костных остатков обнаружили нижние челюсти медведя. Конечно, наличие значительного по площади навеса над рисунками делает это место весьма удобным для непродолжительных стоянок небольших групп людей, поэтому непротиворечиво доказать связь медвежьих остатков и древних изображений невозможно. Хотя, на мой взгляд, жертвенный характер этих остатков подчеркивается тем, что найдены челюсти, тогда как другие части скелета отсутствовали. А ведь именно черепа медведей наиболее часто находят на жертвенных местах [10, с. 183–184].

Об этом же красноречиво свидетельствуют и раскопки у Карелинской писаницы на р. Туре. В мае 1991 г. нам удалось побывать в этом пункте и выполнить копию основного панно. Большая часть скалы с рисунками обрывается в воду, и только в одном месте есть скальный карниз с рыхлыми отложениями незначительной мощности. В этом месте в зеленовато-серой породе, которую выполнено обнажение, замечена фигура в виде круга. Вероятно, это естественное образование, но удивительно правильной формы и, скорее всего, было подправлено. Нижнюю половину каменного круга очерчивает жильная складка кремнистой породы зеленого цвета. Диаметр круга около 1 м. Непосредственно под ним при раскопках найдены кости и угли. Никаких вещей не обнаружено. Всего найдено 87 костных фрагментов. Из них 27 оказались неопределимы, но наиболее вероятна их принадлежность медведю. Остальные фрагменты представляют черепа, нижние челюсти и зубы как минимум, восьми особей медведей [11, с. 176–184]. Как топография находок, так и их состав свидетельствуют в пользу жертвенного характера этого комплекса.

Таковы на сегодняшний день писаницы Урала, в которых отражена тема медведя. Получается, что из более чем 70 пунктов с древними рисунками только на пяти писаницах обнаружены изображения собственно зверей, еще дважды отмечены воспроизведения отпечатков их лап, причем один из отпечатков связан с памятником, где есть фигура медведя, и в знаковом виде выполнено еще четыре мотива, которые с большой долей вероятности можно связать с медвежьей темой. В итоге имеем 8 писаниц, в которых символически представлен образ этого животного, что составляет около 10% от общего числа памятников. По мнению В.Н. Чернецова, малочисленность рисунков медведя свидетельствует об относительно поздней датировке этого сюжета. Отчасти с этим мнением следует согласиться, так как сходная иконография характерна для воспроизведений медведя в металлических отливках с раннего железного века [12, р. 29–39]. Другое объяснение редкости этого изображения может быть связано с табуированием этого зверя. Может быть, создание орнаментализованных медвежьих мотивов, как на «Двуглазом» Камне по р. Нейве, и следует отождествлять с такого рода запретами.

Медведь пользовался и до сих пор пользуется особым отношением у многих народов Северного полушария. Считается, что культ этого зверя восходит к тотемистическим традициям каменного века [13, с. 129]. У большинства народов Арктической и Субарктической зоны Евразии «убийство медведя, свежевание туши, поедание мяса и забота об останках животного были обусловлены... целым рядом обрядов и церемоний, получивших название мед-

вежьего праздника. У народов Сибири и Америки этот праздник приурочивался к удачной охоте на медведя. У обских угров известны также периодические праздники в честь медведя...» [13, с. 121].

Именно с предками обских угров В.Н. Чернецов связывал росписи на скалах по берегам уральских рек. Анализ медвежьего праздника у обских угров подвел его к выводу, что праздник этот восходит к древним производственно-магическим ритуалам, которые даже не были непосредственно связаны с медведем, а относились ко всем важнейшим видам животных, добываемых с помощью охоты и составлявших основу хозяйства. Развивая эту мысль, В.Н. Чернецов ссыпался на этнографические свидетельства этих ритуалов, функция которых состояла, в первую очередь, в привлечении добычи в ловушки и ее размножении, а также в воскрешении зверей для того, чтобы тот или иной вид не был бы истреблен вследствие промысла [14, с. 306]. Эти идеи нашли отражение и в монументальных росписях, тесно связанных с сезонными периодическими ритуалами. В сопряженности периодических ритуалов медвежьего культа и ежегодных солнечных циклов — а эти ритуалы начинаются в середине зимы и продолжаются, с перерывами, до весеннего равноденствия, — проявляется связь идеи воскрешения убитого зверя с воскрешением природы весной. После окончания общих церемоний голова медведя или его череп относились на священное место или вешались на священное дерево. После этого медведь возрождался [14, с. 307].

Все вышесказанное с большой долей уверенности можно отнести к многофигурным, сложным композициям на тагильском и ирбитском Писаных Камнях. Календарность обрядности, сопряженность с новолетиями и солнечными циклами отмечается на Нижнем Балабанском утесе и, вероятно, на Сокольем Камне, где вместо окружности нанесен ромб с крестом, также являющийся символом солнца [15, с. 441–442].

По поводу содержания иных композиций с медведем можно высказать несколько версий. Д.П. Шорин усматривал в прямой линии, упирающейся в тело медведя в композиции на Камне Балабан I, изображение копья или кола, а в окружностях воспроизведение берлоги [16]. Не исключено, что окружности могут быть интерпретированы и как ловчие ямы. Описание охоты уральских народов на зверя с помощью таких ям имеется в этнографической литературе [17, с. 83–106]. Подобные объекты выявлены и археологами [18, с. 161–169]. Видимо, вписанная окружность воспроизводит дно ловчей ямы; какое-то иное объяснение просто трудно подобрать. Правда, специального способа добычи медведя с помощью таких ям как будто не было: их применяли в первую очередь при охоте на копытных. Но все же нельзя полностью исключить вероятность попадания медведя в ловушки подобного типа, что, видимо, и нашло отражение в данной композиции. Общая же направленность ловчих ям на промысел копытных может объяснить присутствие в сцене фигуры лося.

Другой вариант интерпретации рисунка лося у ловушки с медведем можно предложить, опираясь на описания медвежьего праздника у манси. Дело в том, что у обских угров, по данным этнографии, существовал комплекс различных предосторожностей по отношению к медведю. После убийства зверя, например, сразу принимались меры, преследовавшие цель предотвратить вину охотника за

содеянное и «все происшествие завуалировать. При этом медведю настойчиво давали понять, что его убил не охотник,... а снятие шкуры интерпретировалось как раздевание. По дороге к дому охотники силились сбить с толку духа присутствующего медведя и убедить любого в том, что убитый зверь — олень» [14, с. 287]. То есть и в данной композиции копытное, нанесенное возле пораженного медведя, может иметь такой же смысл завуалировать совершенное, как и в обряде медвежьего праздника, начинающегося еще в лесу.

Еще один вариант интерпретации можно связать с мифологическими представлениями о медведе, как существе, рожденном на Небе и спущенном на землю через отверстие в небесах. Например, в североманском варианте медвежьей песни медведицы — дочь верхнего духа, воспитанная на небесах, — случайно увидев через дыру в яме землю так полюбила ее, что упросила отца спустить ее на землю. После длительных уговоров медведицы осталась с ним и не найдя поддержки [19, с. 304–305]:

Верхний Дух, мой батюшка,
Посадив меня в люльку,
Начал вниз спускать.
С громким скрипом золотого блочка
Опустил он меня на землю.
Вышла я из люльки златоверхой,
Из люльки с золотой дугой,
Золотого блочка громкий скрип
Скоро в высоте угас.

О широком распространении в древности у пра-финно-угров представлений о медведе как об особом существе может свидетельствовать анализ «Калевалы». По мнению Ю. Пенттияйнена, в Старой Калевале медведь «король леса» и родонаучальник видов. Праздник, прославляющий медведя был обширной, многоверсионной культовой драмой, которая сохранялась в охотничих культурах восточной и центральной Финляндии вплоть до девятнадцатого века. Даже в течение двадцатого века можно было услышать легенды о медвежьих черепах, праздниках, прославляющих убийство медведя, и соснах, на которых медвежьи черепа сохранялись. В этих местах верили, что таким образом дух медведя мог лучше всего достичь своего небесного дома и вернуться на землю. Сведения о происхождении медведя являются важным компонентом этой древней поэзии. Одна из версий рождения медведя из Старой Калевалы является примером поразительного сходства сюжета о рождении медведя у финнов и обских угров [20, р. 166–169].

Поза антропоморфа в композиции с медведем на Идрисовской II писанице передает динамику движения, пляски. Это одна из самых устойчивых поз человекаобразных персонажей в наскальных изображениях Урала. Вероятно, это фигуры исполнителей в древних коллективах ритуальных плясок магического характера для привлечения и удержания зверя в ловушках, воспроизводящие духов определенного ранга. Ловушки в данной сцене могут быть представлены двумя рисунками, напоминающими изображенные в плане давящие ловушки типа кулем — фигура над медведем и справа от него. Охота с подобными приспособ-

лениями практиковалась у многих народов таежной зоны [17, с. 83–106]. Возможно, что в сцене воспроизведен не медведь, а его шкура вместе с лапами и головой: именно так разделяли медведя после убийства и доставляли в поселок. Позже медвежий праздник проводился в присутствии погибшего зверя, шкура которого набивалась сеном или грубыми древесными стружками. Во время празднества исполнялись и различные танцы, отдельные из которых, например, фаллический, «должны были содействовать размножению рыбы и зверя, съедобных растений и... членов группы» [14, с. 317].

О смысле композиций с отпечатками лап медведя можно высказать следующие соображения. В охотничьей практике следы животных содержат важнейшую информацию о виде, поле, возрасте и состоянии зверя и по сути дела являются его заменителями. Известно, что магические действия над следом животного равносильны магическим операциям над самим животным.

Находят объяснение отпечатки медвежьих лап и в рамках медвежьего праздника. Из лап медведя в отдельных местах изготавливалаась специальная обувь для танцев лесных духов-предков, которые стремились уподобиться своему тотему [14, с. 308]. Поэтому воспроизведение медвежьих следов в некоторых пунктах может информировать в «свернутом» виде о проводившихся ритуалах подобного рода.

Для четырехпалого отпечатка возможен такой вариант интерпретации. У многих народов существует представление о том, что медведь четырехпальй, несмотря на то, что все его пять пальцев хорошо заметны. У манси известна легенда, в которой говорится о просьбе медведя, обращенной к богу с тем, чтобы получить пятый палец, в чем ему (медведю) было отказано [10, с. 140]. Обсуждая этот сюжет, И.Н. Гемуев пришел к выводу, что «изображения четырехпалых медведей... связаны с образом покойного «великого» шамана, ставшего, возможно, духом-помощником шамана — держателя этих атрибутов. Образ духа-помощника в данном случае сливаются с образом его предка по шаманской линии. Представление о большом пальце как трансляторе шаманского дара соответствует (возможно, еще дошаманским) представлениям о большом пальце как вместилище души (силы) [10, с. 140–143]. Может быть, графическую фиксацию такого сюжета мы и наблюдаем в композиции с отпечатком четырехпалой медвежьей лапы. Кстати, в Новой Калевале медведь заклинается, призываются в воображении, как часть ритуала борьбы между шаманами [20, р. 166–169].

Что касается орнаментализированного рисунка медведя на «Двуглазом» Камне с реки Нейвы, то нами уже отмечалось, что похожим способом его изображают на некоторых предметах, особенно культового характера ханты и манси. Идущий вниз от этой фигуры двойной зигзаг с отростками, возможно, символизирует змею или ящерицу: вместе с некоторыми другими животными они подчинены медведю. Змеи и ящерицы в представлениях угров относятся к Нижнему миру; возможно, таким образом маркировано положение медведя как существа Нижнего мира среди других зверей [21, с. 266–267], хотя он и рожден на Небе. Любопытно также, что в некоторых сказаниях хантов и манси медведь и человек происходят от «волосатого червя, волосатой змеи» [19, с. 291–292].

В заключении еще раз скажем, что писаницы и участки возле них (над ними) были священными местами, что подтверждают и археологические раскопки.

Сама же скала выступала мифологической священной горой, прорывом в сакральное, связующим звеном в вертикальной структуре мира. В этом случае гора подобна «мировому дереву», священному дереву культовых мест обских угров, на которые часто вешали черепа животных, в том числе и медведя. Возможно, образ мировой горы древнее образа мирового дерева в мифологических представлениях предков уральских народов, что дает ответ на вопрос, почему вообще создавались изображения на скалах. Но это уже тема другой статьи.

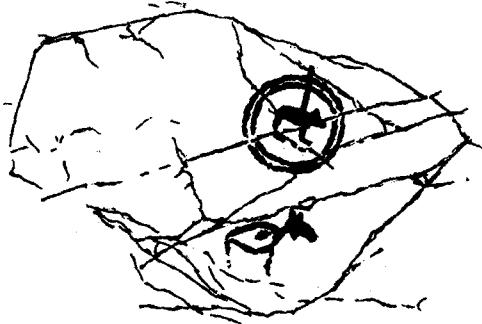
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. В4–12 (2).
2. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1964. Вып. В4–12.
3. Бадер О.Н. Жертвенное место под Писанным Камнем на р.Вишере // СА. 1954. Т. XXI.
4. Генинг В.Ф. Наскальные изображения Писаного Камня на реке Вишере // СА. 1954. Т. XXI.
5. Петрин В.Т. Писаница на р. Уфе около железнодорожной станции Арасланово // СА. 1971. № 4.
6. Петрин В.Т. К вопросу о дате Араслановской писаницы // СА. 1977. № 2.
7. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
8. Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Южного Урала // СА. 1984. № 3.
9. Широков В.Н., Чайкин С.Е., Чемякин Ю.П. Уральские писаницы. Река Нейва. Екатеринбург, 2000.
10. Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-алтайстика. Новосибирск, 1985.
11. Широков В.Н. Писаницы бассейна реки Туры // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.
12. Fedorova N.V. The bear shape in the art of West Siberia (the Iron Age) // SPECIMINA SIBIRICA. T. VI: Uralic Mythologi, 1993.
13. Соколова З.П. Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2).
14. Tscherñjetzow V.N. Bärenfest bei den Ob-ugriern // Acta Etnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1974. Т. 23 (2–4).
15. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М; Л., 1963.
16. Шорин Д.П. «О древностях в окрестностях Нижне-Тагильского завода Пермской губернии». Рукопись Дмитрия Петровича Шорина, приобретенная у его наследников в 1914 году Влад. Толмачевым для Императорской Археологической Комиссии // ГАСО. Ф. 139. П. 22.
17. Коровушкин Д.Г. Орудия пассивной охоты коренных народов Западной Сибири в XIX — нач. XX вв. // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990.
18. Кокшаров С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993.
19. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
20. Pentikainen J.Y. Kalevala Mythology. Bloomington and Indianapolis, 1989.
21. Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции угров и самодийцев. Екатеринбург, 1995.

THE BEAR MOTIF IN THE ROCK DRAWINGS OF THE URALS

The paper is the first publication of the materials of the Ural rock drawings reflecting the image of the bear both in the image and the sign form. In addition to the images the paper gives characteristics of the bear bone remains near some of the decorated rock surfaces. Comparative analysis of the compositions and material remains near the rock drawings together with the ethnographic and folklore materials, mostly of the Ob Ugrians, allows to suggest certain hypotheses on the content and the purpose of these monuments, that were created over the period from the final stages of the Stone Age to the Iron Age inclusive.

V.N. Shirokov

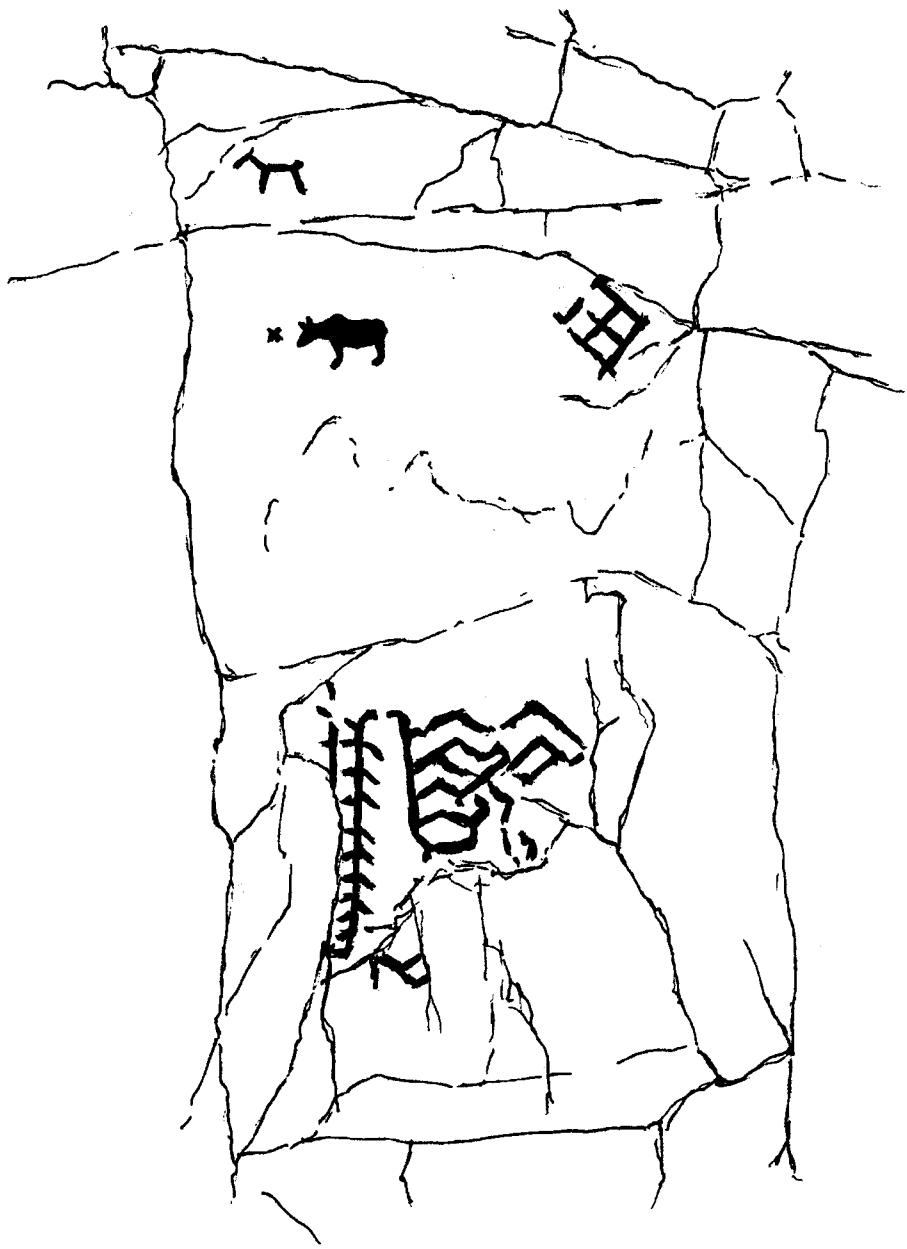

0 10 1

0 10 2

*Рис. 1. Композиции с медведем на рр. Тагил и Уфа:
1 — Камень Балабан I, р. Тагил; 2 — Араслановская писаница, р. Уфа.*

0 10
см

Рис. 2. Соколий Камень, р. Тагил.

Рис. 3. Композиции с медведем на рр. Ирбит и Тагил:
 1 — Ирбитецкий Писаный Камень, р. Ирбит; 2 — Писаный Камень, р. Тагил;
 3 — Нижний Балабанский утес, р. Тагил.

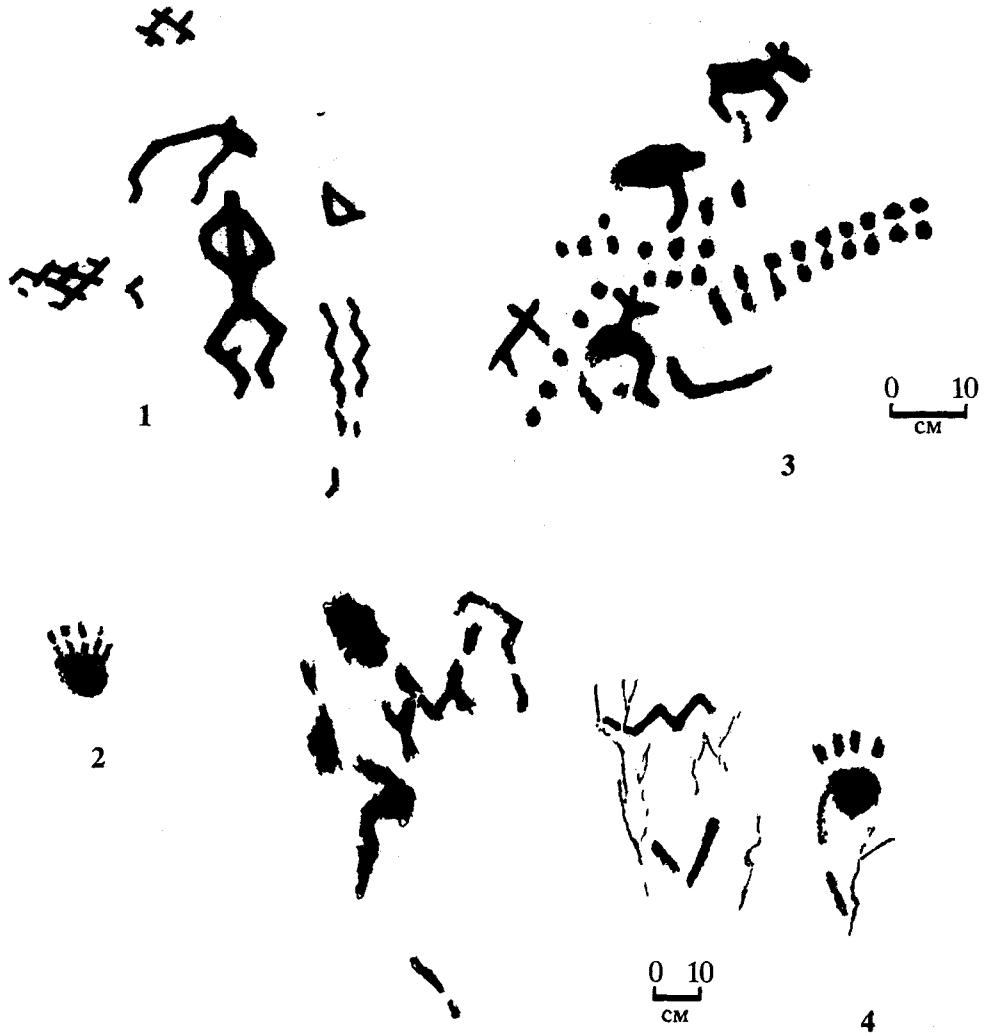

Рис. 4. Композиции с медведем на рр. Юрюзань и Вишера.
 1, 2 — Идрисовская II писаница, р. Юрюзань; 3 — Вишерский Писанный Камень,
 р. Вишера; 4 — Сабакай Камень, р. Юрюзань.

О КОНТАКТАХ В МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Проблема взаимодействия населения в мезолитическую эпоху является одной из интереснейших при изучении материальной и духовной культуры мезолита Среднего Зауралья. За каждым из выявленных контактов стоит конкретный факт взаимодействия на почве хозяйственных отношений, обмена, брака, миграций, культовых действий. Для выявления подобных контактов приходится использовать самые разнообразные археологические источники.

Очень часто таким источником может являться минеральное сырье.

На западной окраине г. Нижнего Тагила на горе Голый Камень расположена мезолитическая мастерская по первичному расщеплению камня [1]. Петрографический анализ определил минеральное сырье голокаменской мастерской как алевротуфы порфиритов (алевротуфы андезитовых, андезито-дацитовых порфиритов кристалло-витрокластические спекшиеся) [2]. Такое же сырье в значительном количестве обнаружено на трех долговременных мезолитических поселениях, которые располагаются на бывших проточных озерах. Это Горбуновский торфяник (8 км от Голого Камня), Полуденское болото (16 км) и Черноисточинский пруд (21 км). На каждом поселении 20–25% всех изделий изготовлено из голокаменского сырья. Поскольку озерные памятники практически всегда многослойны, и выделение чистых мезолитических комплексов на них невозможно, подсчеты производились по отдельным заведомо мезолитическим типам изделий.

На Полуденке II — базовом мезолитическом поселении Полуденского торфяника — из голокаменского сырья изготовлено 20% нуклеусов. На долговременном поселении оз. Черного (Черноисточинского пруда) — Крутяки I — из голокаменского материала изготовлено 12,6% отщепов, 17,3% микропластинок и 24,14% нуклеусов [3, с. 132]. Наиболее полные данные получены при исследовании долговременного мезолитического поселения Горбуновского торфяника Серый Камень. Из голокаменских алевротуфов порфиритов изготовлено 24,18% нуклеусов, 22,7% отходов обработки нуклеусов, 18,7% микропластинок, 11,65% скребков, 27,89% отщепов. Всего из голокаменского сырья на Сером Камне изготовлено 22,4% всех изделий [4, с. 23–24]. Процент нуклеусов и пластинок на Сером Камне и Крутяках I совпадает. Заниженный процент отщепов из голокаменского материала на Крутяках I объясняется невозможностью отделения отщепов мезолитического комплекса от отщепов, относящихся к раннему железному веку. Однако, в целом картина на всех трех базовых мезолитических поселениях выглядит довольно схожей.

Широкие исследования каменных изделий всех археологических эпох показали, что голокаменское сырье использовалось только в мезолитическую эпоху. В чистых комплексах неолита, энеолита, бронзы и раннего железа голокаменское сырье отсутствует. Таким образом, легко выделяемые даже визуально голокаменские алевротуфы порфиритов стали надежным индикатором позднего мезолита на территории Тагильского Зауралья.

Какая же ситуация с голокаменным сырьем вырисовывается в данном регионе? На Голом Камне расположена мезолитическая мастерская по первичному расщеплению камня. На ней пробовали качество сырья, делали заготовки нуклеусов и уносили их на долговременные поселения, расположенные на проточных озерах на расстоянии от 8 до 21 км от мастерской. На поселениях сырье перерабатывалось в различные изделия (вкладыши, скребки, острия, наконечники, резцы, резчики). Логично предположить, что пользоваться одной и той же мастерской в одно и то же время могли только родственные коллективы. Таким коллективом мог быть род (?), члены которого проживали на одном из проточных озер. Не будет большим преувеличением допущение, что три родственных коллектива, которые пользовались одной и той же мастерской, были объединены в рамках более крупного социального подразделения — племени (?). Тогда голокаменное сырье, обнаруженное на кратковременных стоянках Тагильского Зауралья, будет фиксировать территорию обитания данного племени (условно его можно назвать голокаменным). Если за центр территориальных владений принять голокаменную мастерскую, то племенная территория будет выглядеть овалом, вытянутым вдоль Уральского хребта на 5–55 км и шириной 20–25 км. Расстояние между долговременными поселениями внутри этой территории равно 16–23 км (т.е. дневному переходу) [5].

Таким образом, анализ голокаменного сырья и его распространения позволил установить существование контактов определенного рода. Контакты между долговременными поселениями и мастерской имели производственный характер. Причем, в этих контактах была скрыта информация и о социальной организации местного населения. Контакты между долговременными поселениями и кратковременными стоянками носили уже другой характер — хозяйственный. В теплое время года мезолитическое население озер расселялось по племенной территории для занятий охотой и рыболовством.

В 11 км к северу от Голокаменной мастерской у поселка Евстюниха находится единственный мезолитический памятник, расположенный на территории «голокаменного племени», но не имеющий в своем комплексе ни одного изделия из голокаменного сырья [6]. В то же время в комплексе Евстюнихи III существует наконечник стрелы близкий к постсовидерскому типа Б, которые неизвестны на территории Среднего Зауралья [6, рис. 5, 52]. По всей видимости, данная ситуация фиксирует контакт уже культурного плана, т.е. проникновение мезолитического населения с западного склона Урала. Расположение Евстюнихи III на р.Баранче, которая являлась частью дороги через Уральский хребет, также может свидетельствовать в пользу этого предположения.

При изучении мезолитических памятников Среднего Зауралья удалось выделить 4 комплекса, в которых присутствовало голокаменное сырье, за пределами территории «голокаменного племени»: пещерное святилище на камне Дыроватом на р.Чусовой (65 км к юго-западу от Голого Камня — расстояниедается по прямой линии, при передвижении по рекам его нужно по крайней мере удвоить), стоянка Шайтанское озеро I на западном берегу Шайтанского озера (65 км к югу), стоянка Таватуй VI на озере Таватуй (90 км к югу) и стоянка Кокшарово XIII на южном берегу Юрьянского озера (70 км к северо-востоку). Следует

подчеркнуть, что последние три местонахождения голокаменского сырья связаны с проточными озерами. На этих озерах находится от 10 (озера Таватуй и Шайтанское) до 40 (Юрынское) мезолитических памятников, однако голокаменское сырье обнаружено только на одном из них (на каждом озере). По своему качеству голокаменское сырье заметно уступает кремнистым сланцам, халцедону, яшме, поэтому оно навряд ли могло служить объектом обмена. Значит, оно попало на указанные озера вместе с его носителями, т.е. с членами «голокаменного племени»; следовательно, данные контакты можно считать уже межплеменными.

Что же стоит за этими контактами, какой характер они носили? Если они имели хозяйствственный характер, то почему приурочены только к одному из многих озерных памятников? Вопрос, конечно, сложный, но ответ на него можно поискать на святилище на камне Дыроватом. Оно функционировало во все археологические эпохи, начиная с мезолита. Мезолитический комплекс, кроме костяных и каменных наконечников стрел, представлен микропластинками-вкладышами, выпавшими из пазов вкладышевых наконечников. Из более чем трех тысяч микропластинок 5,53% изготовлено из голокаменского сырья. Это означает, что представители «голокаменного племени» участвовали в проведении культовых обрядов в более чем за 100 км от места своего проживания [7]. Так, может, и посещение озер за пределами своей «племенной» территории носило культовый характер? Это предположение тем более вероятно, потому что последние исследования на Шайтанском озере позволяли выделить озерный культовый центр, который широко функционировал в эпохи энеолита и раннего железа. Однако, начальный период его существования пока не определен; возможно, его следует связывать с эпохой мезолита. Во всяком случае, имеющиеся на настоящий момент данные позволяют говорить о культовом характере «межплеменных» контактов.

Насколько широки были межплеменные контакты культового характера, можно проследить по материалам святилища на камне Дыроватом. Сырец, из которого изготовлены вкладыши на святилище, подразделяется на 13 больших групп. Некоторые виды минерального сырья распространены достаточно широко и их нельзя привязать к какому-нибудь небольшому району. Например, черный, зеленоватый, темно- и светло-серый кремнистый сланец (всего сланцы составляют 70,99%). Но коричневый меловой кремень (8,16%) распространен в низовьях р. Чусовой. Голокаменные алевротуфы порфиритов (5,53%) встречаются только в Тагильском Зауралье. Сиреневатый халцедон происходит с верховьев р.Исети. Светло-серая яшма (0,8%) имеет южноуральское происхождение. Детальная проработка сырьевой характеристики микропластинчатого комплекса камня Дыроватого еще впереди. Но уже по имеющимся материалам можно судить о размахе культовых контактов у святилища на камне Дыроватом, которые носили межплеменный и даже межкультурный характер [8, с. 138].

Еще один тип контактов мезолитического населения выявлен при изучении геометрических микролитов. В настоящее время их выделено 4 типа [9].

Высокие симметричные или слегка асимметричные трапеции с боковыми выемками до недавнего времени на территории Среднего Зауралья были известны в единичных экземплярах. Сейчас известно 28 таких трапеций на 8 памятниках [10, рис. 1]. Причем, 23 из них найдены на 4 памятниках, расположенных

концентрировано в верховьях р.Туры. Остальные трапеции также тяготеют к горной части восточного склона Среднего Урала. Следует отметить, что верховья р.Гуры находятся недалеко от истоков рр. Серебрянка, Койва и Сылвица, которые являются правыми притоками р.Чусовой. А Чусовая — это единственная река, которая пересекает Уральский хребет и переходит с восточного его склона на западный. На западном склоне Урала — в Среднем Приуралье и Прикамье — трапеций с боковыми выемками известно свыше 80. Происходят они с двух десятков памятников усть-камской культуры [11]. Известны подобные трапеции и на Южном Урале. Однако, встречены они только на двух памятниках по 1 экз. По мнению Г.Н. Матюшина, они характерны для поздних этапов мезолита Южного Урала [12, с. 42]. Трапеции усть-камской культуры имеют более ранний возраст, т.к. начальный этап этой культуры М.Ш. Галимова датирует рубежом плейстоцена и голоцен [13, с. 15]. Причем, она придерживается точки зрения о местном происхождении трапеций с боковыми выемками в недрах усть-камской культуры [11, с. 13]. Следует отметить, что все зауральские трапеции с боковыми выемками изготовлены из местных пород камня — кремнистого сланца, полосчатой (красно-зеленой) яшмы, халцедона, алевротуфа. Этот факт, на мой взгляд, свидетельствует не о прямых перемещениях населения с территории Среднего Приуралья, а о тесных контактах с ним [14]. И контакты эти имели характер межкультурных связей.

Низкие вытянутые асимметричные трапеции с одной боковой выемкой в количестве 33 экз. найдены на 13 памятниках. Изготовлены они из местных кремнистых сланцев, халцедона и светло-серой яшмы. Причем, трапеции из яшмы преобладают. На территории Среднего Зауралья сырьевая характеристика мезолитических комплексов изучена достаточно хорошо [15, с. 36–39]. Известно, что светло-серая яшма на мезолитических памятниках данной территории встречается исключительно в виде готовых изделий. Отходы производства — отщепы, чешуйки, поперечные и ребристые сколы с нуклеусов — практически отсутствуют. Да и сами изделия — нуклеусы, скребки, острия, трапеции, пластины — обычно в этих комплексах единичны. Поэтому южноуральское происхождение светло-серой яшмы не вызывает сомнений.

Распространение низких асимметричных трапеций и светло-серой яшмы с юга на север могло происходить двумя способами: в результате перемещения населения или в результате обмена. На данный момент нет данных о перемещении южноуральского населения в более северные районы. А вот хорошие изотропные свойства светло-серой яшмы как минерального сырья вполне могли быть причиной появления высококачественных изделий на территории Среднего Зауралья [14]. Таким образом, данная ситуация фиксирует контакты между археологическими культурами производственного и культурного характера.

Подводя итоги, необходимо отметить, что даже поверхностные исследования на данную тему показывают наличие в мезолитической среде контактов разнопланового характера — производственного, хозяйственного, культового, культурного. И эти данные значительно расширяют и углубляют представления о взаимодействии родственных и неродственных социальных подразделений различного уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Раушенбах В.М. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом // СА. 1961. № 2.
2. Анализы выполнены петрографом Высокогорской геологоразведочной партии И.А. Завалишиной, которой автор приносит свою искреннюю благодарность.
3. Сериков Ю.Б. Мезолитические памятники полуострова Крутяки (Среднее Зауралье) // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987.
4. Сериков Ю.Б. Серый Камень — древнейший памятник Горбуновского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. I. Екатеринбург, 1997.
5. Сериков Ю.Б. Голокаменская мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4.
6. Сериков Ю.Б. Мезолитические памятники реки Баранчи (Среднее Зауралье) // СА. 1989. № 1.
7. Сериков Ю.Б. Река Чусовая — трансуральская магистраль древности // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Материалы Междунар. научно-практич. конфер. Березники, 1997.
8. Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый — уникальное пещерное святилище на реке Чусовой // РА. 1996. № 4.
9. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Урала: Тез. совещ. Саратов, 1992.
10. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // РА. 1998. № 1.
11. Галимова М.Ш. О территории усть-камской культуры // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
12. Матюшин Г.Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита // СА. 1969. № 4.
13. Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском взвозе в 1989—1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
14. Сериков Ю.Б. Южные и западные связи мезолитического населения Среднего Зауралья // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековые. Междунар. науч. конфер. Тез. докл. Сыктывкар, 1994.
15. Сериков Ю.Б. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

ON CONTACTS IN THE MESOLITHIC ENVIRONMENT OF THE MIDDLE EAST-URALS

The issue of contacts between separate groups of people in various historical epochs means the interaction based on economic and production relations, exchange, marriage, ritual actions. On the basis of the lithic material and the characteristic stone tools — geometrical microlites — the author traced the contacts between various groups of the ancient Ural population during the Mesolithic period.

Yu.B. Serikov.

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ УРАЛА В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Вступление древних уральских народов во II тыс. до н.э. в эпоху бронзы знаменовалось существенными изменениями во всех сферах их жизнедеятельности. Важнейшие из них — окончательное проникновение и закрепление в юголесном — степном Уральском регионе производящих форм хозяйства, прежде всего скотоводства и металлургии бронзы. Это привело к усилению процесса неравномерности развития северных и южных территорий Урала, наметившегося еще в предшествующие археологические эпохи. Народы северной части Урала в силу природной специфики зон тундры, лесотундры, северной тайги не восприняли производящие формы хозяйства, по-прежнему ориентировали свою деятельность на интенсификацию присваивающей экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями в социальной и духовной сферах жизни. Народы же юголесной и, особенно, степной зон Урала, с эпохи бронзы все теснее оказывались связанными с основными культурогенетическими процессами, происходящими в Северной Евразии, и в большинстве из них сыграли если не решающую, то существенную роль. Можно смело утверждать, что Уральский регион в эпоху бронзы являлся одним из ключевых очагов культурогенеза первобытных племен Северной Евразии.

Смещение акцентов активной культурообразующей деятельности в эпоху бронзы в степные регионы Евразии, связанных с формированием системы пастушеского скотоводства, когда степи из фактора разъединяющего постепенно превращались в фактор, соединяющий скотоводческие народы, дополнялось еще одной природной особенностью — богатством меднорудных месторождений. Стремление к освоению рудных богатств в условиях становления металлургии бронзы сделали Урал своеобразным «магнитом», притягивающим к себе древние металлургические коллективы. Установление контроля над ними было приоритетным направлением геополитики многих древних племен Северной Евразии в то время. Богатство Уральского региона высококачественным каменным сырьем (здесь проходит знаменитый яшмовый пояс Урала), таким образом, дополнились в эпоху бронзы еще двумя природными факторами, без которых немыслима жизнь передовой части первобытных коллективов, освоивших производящие формы хозяйства: меднорудные богатства и обширная кормовая база степи в поймах рек, особенно в весенний и осенний периоды, лесостепи и южной кромки леса. К тому же районы лесостепи и южной кромки леса создавали благоприятные условия для ведения многоотраслевого хозяйства, что позволяло уральскому населению динамично реагировать на периодически возникающие в этой зоне природно-климатические катаклизмы.

Все эти процессы несомненно предопределили ведущую роль уральских племен в формировании, пожалуй, самого гигантского образования эпохи бронзы — андроновской (а если шире — срубно-андроновской) культурно-исторической общности (далее АКИО) степи и лесостепи Евразии, разные этапы развития

которой охватывают период второй-третьей четверти II тыс. до н.э. В этих процессах формирования и развития АКИО и ее андронидной «вуали», охватывающей северолесостепные и южнотаежные районы Зауралья и Западной Сибири, наглядно демонстрируется значительная роль уральских племен в системе евразийских культурных связей в первобытную эпоху.

Истоки формирования АКИО восходят ко второй четверти II тыс. до н.э. Это был переломный период в истории зауральских степей, связанный с появлением здесь скотоводческой системы хозяйства и формированием крупных очагов металлургического производства. Пути проникновения скотоводства как системы хозяйства в Зауралье до конца не изучены. Скорее всего, эта форма хозяйства была воспринята в готовом виде в результате творческой переработки достижений, накопленных в недрах нескольких археологических культур, прежде всего ямнополтавкинской, абашевской и катаомбной. Были аккумулированы в новой системе хозяйства и навыки местного населения, выражавшиеся в знакомстве с процессом одомашнивания лошади в Урало-Казахстанской степи и лесостепи еще с эпохи энеолита [1, с. 196–210]. Толчком к развитию металлургии бронзы в Зауралье также был, видимо, западный импульс, вероятнее всего, в лице полтавкинских, абашевских (и опосредованных через них катаомбных) групп населения, движение которых в районы горного Южного Урала фиксируется достаточно четко. Таким же импульсом к развитию, по крайней мере собственной металлообработки, могло быть и движение с востока из Сибири сейминско-турбинских групп населения, давших миру передовую для того времени технологию тонкостенного литья в двух- и многостворчатых литейных формах. Контакты абашевского и сейминско-турбинского населения в Поволжско-Уральском регионе фиксируются убедительно. Именно мышьяковистые сплавы абашевских металлургов связываются с первыми крупными разрабатываемыми месторождениями Южного Урала: Таш-Казган, Никольское и др. (2, с. 171–173). Определенное влияние на формирование зауральской горнорудной базы эпохи бронзы оказали, видимо, традиции ямно-полтавкинского очага. Этот очаг функционировал в пределах Циркумпонтийской металлургической эпохи. Ямники Приуралья пользовались практически только «чистой» медью, добываемой в обширном приуральском Каргалинском горнорудном поле (Оренбуржье). В эпоху развитой бронзы он был поставлен под контроль, видимо, не андроновским, а родственным ему срубным населением [3, с. 30–31]. Но интересно заметить, что жители укрепленного поселения Аркаим пользовались изделиями не только из мышьяковистой (абашевская и катаомбная традиции), но и из «чистой» меди [4, с. 54–55], что свойственно и ямной металлургической традиции. Местные горно-уральские племена вряд ли оказали существенное влияние на развитие уральской металлургии в первой половине II тыс. до н.э. Выделяемый Е.Н. Черных кызыкульский очаг металлобработки на Южном Урале в эпоху энеолита был маломощным, а по моему мнению, вообще вряд ли как таковой существовал [5, с. 108].

Все эти рассуждения наводят на мысль, что при изучении истоков формирования АКИО основное значение следует придавать анализу западных (восточноевропейских) импульсов, т.к. именно через них в уральскую среду проникли те существенные достижения, которые изменили энеолитический облик жизни ураль-

ского населения. Этому не противоречат наблюдения и за археологическими материалами степных Зауральских племен указанного времени, отражавшие и другие стороны материальной и духовной их жизни (гончарное производство, погребальный обряд, фортификация и т.д.). Местный уральский компонент в этих процессах не играл доминантной роли, хотя, безусловно, был включен и повлиял на формирование некоторых сторон материальной и духовной культуры, антропологического облика ранних андроновцев. Наиболее отчетливо это выразилось в формировании своеобразного андроновского (федоровского) орнаментального комплекса, связь которого с традициями эауральско-казахстанских энеолитических культур гребенчатого геометризма для меня очевидна [6, с. 41–42]. Кстати, в памятниках уральской степи первой половины II тыс. до н.э. синташтинской культуры этот орнаментальный комплекс выражен не так отчетливо, как тот, что дал впоследствии алакульскую линию развития АКИО.

Безусловно, наиболее сложной является оценка возникновения в первой половине II тыс. до н.э. в степной зоне Урала явления (феномена), называемого «протогородской цивилизацией», или «страной городов» [7]. Это явление фиксируется по памятникам Синташта, Аюкам и им подобным. Происхождение этого феномена в Зауральской степи дискуссионно. Но очевидно одно: это был важнейший культурогенетический процесс, значение которого выходило далеко за пределы степного Зауралья. Вне сомнения, что в этом процессе отражено включение территории Южного Зауралья в сложные культурогенетические взаимодействия племен степной и лесостепной зоны Восточной Европы (вплоть до микенских влияний, передающихся через их среду), южных импульсов, идущих из центров ближневосточных и среднеазиатских цивилизаций, а также местных групп урало-казахстанского населения. Роль последних, как уже отмечалось, в сложении этого феномена не была определяющей. Но те инновации, которые оформились в степной зоне Урала в указанное время (усложненная социальная структура общества, развитые религиозно-идеологические представления, выразившиеся в кругоплановой архитектуре укрепленных поселений, погребальных памятниках, появлении колесниц и т.д.), ставят уральское население степей в центр историко-культурных процессов, связанных с мощными индоевропейскими (индоиранскими?) миграциями этого хронологического периода, затронувшие не только североевразийские пространства, но и центры ближневосточных цивилизаций вплоть до Индостана.

События первой половины II тыс. до н.э. в степной зоне Урала во многом предопределили и формирование АКИО, влияние которой распространилось на востоке до Алтая и Енисея, на юге — до горных районов Средней Азии, на севере (в том числе через андронойндную «вуаль») — до глубинных районов тайги.

Если значение местного уральского населения в формировании синташтинской культуры могло быть и не столь значительным, то существенная роль урало-казахстанского населения в сложении огромной АКИО очевидна. Причем, процесс формирования и развития этого гигантского объединения племен на протяжении второй-третьей четверти II тыс. до н.э. (и даже конца II — начала I тыс. до н.э., если рассматривать саргаринскую культуру общности валиковой керамики и культуры межовско-ирменского хронологического пласта как определенное генетическое продолжение АКИО и ее андронойндной «вуали»), отражал

несколько принципиально важных явлений, происходящих в культурогенетических процессах центральной части Северной Евразии.

Основная идеология этих процессов — культурная, социальная, хозяйственная и этно-языковая интеграция по крайней мере двух крупных массивов племен: лесной (во всяком случае южнотаежной) и степной зон центра Северной Евразии. Эти взаимодействия угорского (угро-самодийского) и индоиранского языковых массивов были настолько значительны, что их следы до сих пор фиксируются в языке и культуре современных народов, проживающих в Урало-Сибирском регионе. Процессы культурного взаимодействия и интеграции древних народов в Урало-Сибирском регионе в рассматриваемую эпоху были, видимо, настолько сложными, что до сих пор андроновская историография изобилует противоречивыми оценками одних и тех же явлений. Во многом это объясняется неосознанным стремлением исследователей противопоставить развитие населения лесного и степного миров, различных локальных районов этого единого культурогенетического пространства, найти истоки и первопричину (прадорину) этих явлений в каком-то одном, чаще степном, из локальных районов. Для наглядности проиллюстрируем этот тезис на истории изучения черкаскульской культуры, в которой наиболее ярко отразились сложные процессы взаимодействия и интеграции степного и лесного населения Уральского региона. Тем более что эта культура — одна из основных в горно-уральском регионе. В историографии имеются два диаметрально противоположных подхода к оценке культурогенетической сущности черкаскульской культуры. Один из них — черкаскульская культура — это дериват андроновской (федоровской). Ее сложение — это прямая миграция степного населения в лес и восприятие лесным населением основных традиций степных племен. В частности, это хорошо заметно в одном из основных культурно-генетическом признаке археологической культуры — декоративно-морфологическом оформлении посуды. Другой подход — формирование черкаскульской и федоровской культур, прежде всего их основных культурообразующих черт (декоративно-морфологическое оформление посуды, существенные особенности погребального обряда, в некоторой степени интерпретация этно-языковой специфики и т.п.), происходило на основе генетически близких культур гребенчатого геометризма эпохи энеолита Урало-Казахстанского региона. Иными словами, сходство многих существенных культурообразующих компонентов черкаскульской и федоровской культур (последней — как одного из слагающих компонентов АКИО) определяется во многом присутствием в них (наряду с другими) генетически родственных комплексов. Автор данной статьи является сторонником второго из изложенных подходов к проблеме формирования черкаскульской культуры [6; 8; 9]. Но в то же время следует учитывать, что и этот подход вряд ли со всей полнотой определяет решение сложной проблемы взаимодействия лесного и степного населения Урала в середине — третьей четверти II тыс. до н.э. Дело в том, что сама черкаскульская культура не была монолитной на всей территории ее распространения. Даже в горно-лесном Зауралье, территории, где она сформировалась, в ней есть различия. Памятники кокшаровского (северного) локального варианта этой культуры имеют явные отличия от юголесных. Это четко проявляется в обедненности орнаментальных схем черкаскульской посуды север-

нного варианта, отсутствии здесь компактных могильников и т.д. Нет пока данных и о знакомстве северных черкаскульцев со скотоводством. Причины таких различий между северными и южными группами черкаскульского населения могут иметь разные объяснения. Эти отличия формировались уже в процессе генезиса самой культуры, т.к. и в предшествующее энеолитическое время зафиксировано, например, что в аятской орнаментальной традиции геометризм в северных районах горно-лесного Зауралья идет на убыль. Безусловно, даже исходя из географического расположения, юголесные группы черкаскульского населения должны были теснее взаимодействовать с лесостепными федоровскими. То есть, вобрать в себя и передать федоровцам больше сходных черт. Именно поэтому только юголесные черкаскульцы освоили скотоводство, у них же зафиксировано появление небольших могильников и т.д. Контакты с федоровским населением в пограничье леса и лесостепи, проникновение черкаскульских групп населения в степную зону Поволжско-Урало-Казахстанского региона [10, с. 108–115], предопределили активное включение лесных по происхождению черкаскульцев в массив степных культур АКИО. Причем черкаскульцы не растворились в нем бесследно. Они выступали, наряду с андроновским и местным населением, как компонент, правда, не главенствующий, в формировании памятников сусканского типа в Среднем Поволжье, бегазы-даньбыаевской культуры в Центральном Казахстане [11, с. 19], саргаринской культуры урало-казахстанских степей [12]. Уже изложенные положения заставляют предполагать, что в антропологическом [13] и этническом (этно-языковом) планах массив черкаскульских племен не был однородным. Более «угорскими» (или, может быть, даже угро-самодийскими) были, видимо, северные группы черкаскульцев. У юголесных же угорский компонент неизбежно впитывал в себя индоиранские включения. Еще более значительным был индоиранский компонент в составе тех их групп, что проникли глубоко в степь и образовывали здесь совместные черкаскульско-андроновские (прежде всего федоровские) коллективы. Их образ жизни, формы занятий, идеология неизбежно трансформировались сильными индоиранскими включениями, вплоть до двуязычия. Сходные процессы должны были происходить и с федоровским населением в процессе формирования АКИО из двух основных слагающих компонентов: федоровского и алакульского. Уже отмечалось, что формирование федоровской культуры шло не без участия традиций энеолитических культур гребенчатого геометризма Урало-Казахстанского региона [6, с. 41–42]. Поэтому внесение традиций угорского этнического массива в среду индоиранской АКИО должно было происходить уже на ранней стадии формирования этой общности. Иными словами, лесостепная (федоровская) зауральская часть андроновского этнического массива, по крайней мере на ранних этапах своего развития, неизбежно должна была иметь угорские включения. В принципе, такие же угорские включения могли быть и в алакульской части АКИО, т.к. некоторые элементы декоративно-морфологической схемы алакульских сосудов имели истоки явно в традициях лесных уральских племен: треугольные вдавления уголком гребенчатого штампа, нанесение узоров «протащенной гребенкой», узоры в виде уточки, -образные меандры, обильная примесь талька в тесте сосудов ряда памятников и т.д.

Таким образом, процесс формирования и взаимодействия андроновского и черкаскульского населения в Уральском регионе в середине — третьей четверти II тыс. до н.э. демонстрирует тесное сплетение судеб и взаимообогащение культуры индоиранского и угорского этнических массивов, последствия которых четко проявились в более поздние археологические эпохи, особенно в раннем железном веке. Отголоски этих процессов, что уже отмечалось, фиксируются сейчас и у коренных народов Урала и Западной Сибири.

Механизм взаимодействия народов других андроидных культур (пахомовской, сузунской, еловской) с андроновским массивом был несколько иным. Здесь федоровский компонент, хотя и трансформируется в культуре местного гребенчато-ямочного населения, но легко узнаваем. То есть, его внедрение в местную орнаментальную схему — результат прямого проникновения федоровцев в лес. В отличие от черкаскульской, федоровский компонент в этих андроидных культурах не имеет генетической подосновы. Поэтому индоиранские и угро-самодийские взаимодействия в среде населения этих андроидных культур проявлялись несколько в иной форме, нежели в черкаскульской культуре.

Население АКИО (как федоровское, так и алакульское) находилось в тесном взаимодействии и активно влияло на культуры лесостепного и степного региона Поволжья и далее на запад — степного Приаралья, Средней Азии (в том числе среднеазиатские земледельческие центры), Западной Сибири. Это выражалось в формировании на близкой генетической основе и активном взаимодействии к западу от р.Урал в Волго-Уральском регионе срубной и андроновской культурно-исторических общностей, в Приаралье — в формировании на срубно-алакульской основе синкретичной тазабабьязкой культуры, в Западной Сибири — во включении андроновских (прежде всего федоровских) компонентов в процесс формирования карасукской и культур карасукско-ирменского круга. В Казахстанско-Среднеазиатском степном, полупустынном и предгорном регионах формируются многообразные андроновские комплексы (бишкульский, амангельдинский, кожумбердинский, атасукский, таутаринский, семиреченский и др.), отражающие разные процессы взаимодействия и интеграции федоровской и алакульской основ АКИО. Посуда андроновской культуры и бронзовые изделия отмечены в культурных комплексах среднеазиатских земледельческих центров (Намазга VI и др.) и даже в более южных ближневосточных регионах [14, с. 226–243].

Культурогенетические процессы в Уральском регионе в эпоху поздней бронзы (рубеж третьей — последняя четверть II — первая четверть I тыс. до н.э.) в целом развивались в рамках тех же генеральных тенденций, что и в эпоху развитой бронзы. Но были здесь и определенные отличия. Главная причина этих отличий вытекает из вступления древнего населения в новый этап развития. Это вызвало трансформацию АКИО и андроидных культур в качественно новые культурные образования, хотя и генетически связанные с предшествующим этапом развития: АКИО в лесостепной и степной зоне Урала сменяет саргаринская культура, входящая уже в новое для того времени культурное образование — общность (вернее — область — А.Ш.) культур валиковой керамики (далее КВК). Территория распространения этой общности была чрезвычайно обширной — степная зона Евразии вплоть до Алтая. Восточная часть КВК, включая Урал,

традиционно связывается с генезисом индоиранских народов. Вероятны определенные западные индоевропейские импульсы, определившие перерастание андроновских культур в саргаринскую [15, с. 96–97].

В юголесной и северолесостепной зонах Урала и Западной Сибири на смену андроидным культурам (и, как правило, на базе их, в условиях новых культурных парадигм) приходят культуры межовско-ирменского хронологического пласта (далее МИХП). Они не так скожи между собой, как культуры КВК степи. В их оформлении на разных территориях отпечатались импульсы разных культурных миров. Но влияние степных культур КВК прослеживается в той или иной степени везде. То есть, процесс взаимодействия разнотнических народов леса и степи четко прослеживается и в эту эпоху. Хотя некоторые акценты этого взаимодействия претерпевают изменения, о чем ниже.

В горно-лесном Зауралье и в лесостепной Башкирии основной культурой МИХП была межовская. В ее развитии выделяются два этапа: межовский для Зауралья или ахметовский для Башкирии (XIII–XII — IX вв. до н.э.) и березовский для Зауралья или баргындинский для Приуралья (VIII, может быть, VII вв. до н.э.) [10, с. 86–97]. Межовская культура безусловно генетически связана с черкаскульской. Развивалась в условиях взаимодействия с саргаринской. Поэтому в этническом плане может быть интерпретирована как угорская в период ее контактов с индоиранским миром накануне формирования культур скифо-сибирского круга. Индоиранский компонент в последних убедительно прослеживается по письменным источникам. Но по сравнению с предшествующим андроновским периодом местное межовское население, в отличие от черкаскульского, было уже ограничено в своем движении в степь. Его экспансия не распространялась далее границы леса и лесостепи Башкирии, Зауралья и Среднего Притоболья. В свою очередь, и саргаринское население редко в этих районах Приуралья и Зауралья проникало в юголесные районы. Возможно, это свидетельство более четкой этнической консолидации и стабилизации в соответствующих природных зонах угорского и индоиранского этнических массивов. Ситуация существенно меняется в эпоху раннего железа, когда экспансия сако-савроматских культур достаточно четко распространяется не только на лесостепь, но и на кромку леса. В этот период влияние индоиранских племен на угорские (урго-самодийские) группы населения фиксируется по материалам многих археологических культур пограничья леса и степи: гороховской, саргатской и т.д. Но в то же время, распространение межовских культурных традиций четко прослеживается в широтном направлении по южной кромке леса и северу лесостепи, особенно в западном от Урала направлении. Оно в той или иной степени фиксируется в приуральских культурах: ерзовской, курмантау, памятниках типа Подгорно-Байларского могильника и т.д. Возможно, существенной была роль межовского населения, как и саргаринского, проживавших в богатых медью районах Урала, в распространении уральского металла (и определенного ассортимента бронзовых орудий) в западном (на Восточную Европу) и в восточном (западно-казахстанском) направлениях. Не исключено, что уже в этот период закладывались предпосылки создания мощного иткульского очага металлургии и металлообработки, существенная роль которого в деятельности савромато-сарматского мира эпохи раннего железа очевидна [16].

Важную роль во взаимодействии угорского, уgro-самодийского и индоиранского населения сыграла в эпоху бронзы, видимо, бархатовская культура. Территория ее распространения — южнотаежные и северолесостепные районы Зауралья и приуральская часть Западной Сибири в бассейне р. Тобол [17]. Отдельные памятники этой культуры отмечены в горно-лесном Зауралье на «исковой» территории межовских древностей [18]. Массив этой культуры на востоке соприкасался и взаимодействовал с ирменской, а на юге — с саргарицкой культурами [19, с. 23–25].

Существенную роль в культурогенетических процессах Приуралья, зоне генезиса финно-пермских народов и их контактов с угорским, в эпоху поздней бронзы сыграло население ерзовской и курмантауской культур. Их участие в сложении мощной ананыинской КИО эпохи раннего железа очевидно. В то же время ерзовская культура, формируясь в лесном Прикамье на местной основе, с большой долей вероятности впитала в себя инородные в этническом плане зауральские и западносибирские компоненты, с одной стороны, и лесные поволжские — с другой. Культура же курмантау формировалась под мощным импульсом угорской межовской культуры при участии лесных (финно-волжских) и степных (хвалынская (ивановская) культура, индоиранская по происхождению) поволжских компонентов.

Таким образом, культуры эпох развитой и поздней бронзы Урала, вне сомнения, сыграли существенную роль в ранних этапах развития и взаимодействия трех основных этно-языковых общностей центральной части Северной Евразии: индоиранской, финно-угорской (угорской, финно-пермской, в какой-то мере финно-волжской), самодийской (угро-самодийской). Это наглядное свидетельство значительной роли Урала как важного очага культурогенеза в евразийском культурном пространстве во II — начале I тыс. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
2. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
3. Черных Е.Н. Карагалы — крупнейший горнometаллургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытая и изучения) // РА. 1997. № 1.
4. Зданович Г.Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2.
5. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
6. Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культуры. Екатеринбург, 1999.
7. Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: Материалы конфер. Кн. I. Ч. V: Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1995.
8. Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы. Автограф.... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1988.
9. Шорин А.Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993.

10. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межковская культуры). Екатеринбург, 1995.
11. Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. 1983. № 2.
12. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры: К постановке проблемы // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
13. Шевченко А.В. Современное состояние палеоантропологической изученности черкаскульской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
14. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
15. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
16. Бельтикова Г. В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993.
17. Стефанов В.И., Корочкива О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р.Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
18. Панина С. Н. Палатки II — поселение аятской культуры на р.Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
19. Корочкива О.Н. Предтаежное и южное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1987.

THE POPULATION OF THE DEVELOPED AND LATE BRONZE AGE IN THE URAL IN THE SYSTEM OF EURASIAN CULTURAL TIES

Analysis of the role of the population of the Ural during the developed and late Bronze Age (first half of the 2nd — beginning of the 1st millennia BC) in the processes of the cultural genesis of North Eurasia. Review of the processes of formation and interaction in the Urals of the main archeological cultures and communities of the time: Sintashta, Andronovo, Cherkaskul, Sargary, Mezhovo, Barkhatovo, etc., that reflected certain stages in the development and the contacts between the peoples of the Indo-European (Indo-Iranian) and the Finno-Ugrian language families. The paper emphasizes the significant role of the Ural population in the historical processes during the Bronze Age in the central part of North Eurasia.

A.F. Shorin

ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА ИЗ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО УРАЛА

Деревянная посуда каменного века впервые была найдена в середине XIX в. при добыче золота на Шигирском озере, расположенном в 70 км к северу от г. Екатеринбурга. Вторая коллекция на Урале получена в первой трети XX в. при раскопках на Горбуновском торфянике близ г. Нижнего Тагила [1, с. 30–32].

Если шигирские изделия лишь упоминались в публикациях, затрагивающих проблемы изучения археологических культур, то о горбуновской посуде сказано немало. К сожалению, внимание в основном обращали на яркие скульптурно оформленные образцы. Велись дискуссии о направлениях искусства, «школах», «стилях», проводились широкие параллели. Выражались сомнения в широком распространении такой посуды, акцентировалась ее исключительность, чисто культовая принадлежность [2, с. 97–98; 3, с. 8–21; 4, с. 176]. Вопросам типологизации, технологии изготовления, всесторонней функциональной значимости, культурно-хронологической принадлежности почти не уделялось внимания.

К настоящему времени деревянная и берестяная посуда найдена на 16 торфяниковых памятниках: Шигирский прииск — не менее 9 экз., 2-ой Кургинский прииск — не менее 6 экз. [5, с. 8, 26, 30; 6, с. 58; 7, с. 218], поселение Шигирское А — 3 экз. [8, с. 80–81], Шигирское городище — 1 экз., р. Аяль-Реж — 1 экз., Язвеские прииски и стоянки — не менее 6 экз. [9, с. 125–126; 10, с. 59; 11, с. 202], пос. VI-ой разрез Горбуновского торфяника — не менее 23 экз. [2, с. 34; 12, с. 44; 13, с. 172; 14, с. 172–173], стоянка Стрелка — не менее 2 экз. [15, с. 9, 14; 16, с. 73], Гольянский торфяник — 1 экз. [17, с. 119], пос. Шувакиш 1А — 4 экз. [18, с. 170–172], пос. Шувакиш 11Д — не менее 2 экз., пос. Вашты VIA — 1 экз. [8, с. 80], стоянка Кокшаровско-Юрьевская — 1 экз. [19, с. 171], пос. Разбойничий остров — 1 экз. [20, с. 99]. Итого не менее 65 изделий. Исследованы непосредственно 33 экземпляра посуды, сведения об остальных взяты из публикаций (табл. 1).

В печатных изданиях предшествующих лет деревянные сосуды чаще обозначались термином «ковши». В процессе изучения основными признаками для типологизации были выбраны: своеобразная форма и размер изделия. На основании этого выделено восемь типов деревянной посуды.

1 тип — «ложка» (рис. 1, 1) ладьевидной формы длиной 5–7 см, с полостью длиной 4—5 см, шириной около 3 см, глубиной 1–1,5 см, объемом в среднем 25 мл, толщина стенок 0,1—0,15 см, со скульптурно оформленной ручкой в виде головы змеи (?), собаки (?), мелкого млекопитающего (?). Предназначалась для индивидуального пользования, например: кормление маленьких детей;

2 тип — «ложка-ковшик» (рис. 1, 2) ладьевидной формы длиной 10–16 см, с полостью длиной 7–10 см, шириной 5–7,5 см, глубиной 2–3,5 см, объемом в среднем 50–100 мл, толщиной стенок 0,2–0,3 см, со скульптурной рукоятью в виде головы птицы (утка, болотная курочка) и зверя (медведь). Широко распространенная индивидуальная посуда, используемая, вероятно, для потребления пищевой жидкости из общей посуды, например: керамического горшка.

Таблица 1

Деревянная посуда. Распределение изделий, типы и оформление рукоятей

Название памятника, места	Всего	З	Л	Г	У	П	М	Ло	Ж	Пр	Не	Зм
VI-й разрез Горбуновского торфяника	23+	ЛК У ЛК Ў ЛК П КЧ Л	КЧ КЧ	КЧ КЧ	ЛК ЛК ЛК ЛК	ЛК К ЛК		Ло Ло Ло	ЛК		КЧ КЧ БК БК П	
Стрелка Горбуновский торфяник	3+								Л		ЛК	Л
Гольянский торфяник	1										ЛК	
Шигирский прииск	9+		КЧ			ЛК ЛК ЛК	ЛК КЧ	ЧД			КЧ П	
2-й Куринский прииск	5+	ЛК	ЛК		ЛК			ЛС			ЧО	
Язевские приски и стоянки	7+					ЛК ЛК ЛК			ЛК		КЧ КЧ	ЛК
Шигирское городище	1										ЛК	
Шигирская А	3			КЧ	ЛК	Л						
Шувакиш 1 А	4									ЛК	ЧД ЛК ЛК	
Шувакиш 11Д	2+										БК БТ	
Кокшарово-Юринская	1				ЛК							
Вашты б А	1										КЧ	
Река Аянь	1										ЧО	
Разбойничий остров	1+										БТ	
*												
Итого:	65+	4	3	3	9	10	3	5	3	2	18	2

Оформление рукоятей посуды: З — заготовка, Л — лебедь, Г — гусь, У — утка, П — птица, М — медведь, Ло — лось, Ж — животное, Пр — прямая, Не — неопределенная, Зм — змея, + — возможно больше.

Типы посуды: Л — ложка, ЛК — ложка-ковшик, КЧ — ковш-черпак, КБ — ковш-блюдо, П — поднос, ЧД — черпак-дуршлаг, ЧО — черпак-отстойник, ЛС — лосинный сосуд, БК — берестяной короб, БТ — берестяной туесок.

* — Часть материала предоставлена краеведческими музеями г. Екатеринбурга и Нижнего Тагила.

З тип — «ковш-черпак» (рис. 1, 3) ладьевидной формы длиной 17–20 см и более, с полостью длиной 12–17 см, шириной 5–7 см, глубиной 4–5,5 см, объем в среднем 500–700 мл, толщиной стенок 0,3–0,4 см. Имеют выразительные резные ручки в виде головы крупной водоплавающей птицы (гусь, ле-

бедь). Редко встречающаяся посуда, вероятно коллективного пользования. Использовалась на общих трапезах.

4 тип — «ковш-блюдо» (рис. 1, 4) ладьевидной формы, длиной 20 см и более, шириной в среднем 15 см, глубиной 3,5—5 см, толщиной стенок 0,4—0,5 см, рукояти цельнодеревянные и, вероятно, без ручек, с веревочной петлей, продеваемой в два отверстия с торцевой стороны. Предназначались для потребления твердых пищевых продуктов (мясо, рыба).

5 тип — «поднос» (рис. 2, 1) незначительно углубленный, по общей форме напоминает лопасть весла, длиной в среднем 50 см, шириной 20 см, глубиной 3 см, с толщиной стенок 1 см. Имели рукояти, возможно, со скульптурными навершиями. Как и ковши-блюда, предназначались для твердых пищевых продуктов.

6 тип — «черпак-дуршлаг» (рис. 1, 5) уплощенный совкообразный или глубокий овальный, длиной 25 см и более, шириной 10 см и более, глубина полости от 1 до 5 см, толщиной стенок 0,5—0,6 см. Отверстия удлиненно-овальной или окружной формы, расположены рядами вдоль полости. Рукоять оформлена в виде головы лосихи и, возможно, медведя. Употреблялась, вероятно, для отделения мяса и других твердых продуктов от жидкого варева. Черпак-дуршлаг был достоянием отдельного коллектива.

7 тип — «черпак-отстойник» (рис. 2, 2), своеобразная посуда, обнаруженная в торфяных местонахождениях, не имеющая научной документации. В профиль такие черпаки имеют трапециевидную форму, узкий эллипсовидный верх и дно. Размеры полости: длина в среднем — поверху 30 см, внизу 10 см, ширина соответственно — 7 и 3 см, глубина — 12,5 см. В верхней части сосуда вырезаны с одной стороны узкое горлышко слива, с другой — муфта-рукоятка для вставки и привязывания ручки. Для фиксации ручки муфта оформлялась двумя способами. Первый — прорезались канавки по бокам и снизу муфты у её основания и с края. Второй — кроме канавок наносили зарубки по верхней плоскости муфты. Такое оформление близко креплениям составных весел из торфяниковых памятников [21, с. 228—240]. Своебразная форма предполагает необходимость отстаивания чего-либо на дне или на поверхности.

8 тип — «лосиний сосуд» (рис. 2, 3), в сущности, реалистично выполненная скульптура лосихи, с тщательно проработанными деталями головы и обязательной полостью в спине, идущей от шеи до таза, и полостью между скелетами в голове. Длина изделий 25—40 см, длина углублений в теле 9,5—20 см, глубина их — 2,5—5,6 см. Изображение носит явно культовый характер, полость служила для помещения в нее какого-то подношения или предмета-«символа», менее вероятно — пищи, крови или «специальных» жидкостей. Можно предположить, что находилась в родовой собственности, употреблялась для регулярно проводимых обрядов.

Таким образом, среди деревянной посуды выделяются восемь типов. Почти все изделия обладают резными ручками: это шеи с головой птиц, зверей и пресмыкающихся. Иногда скульптурное оформление предельно стилизовано и образ существа не читается. Общий вид некоторых сосудов напоминает животных в определенной позе, о чем подробнее смотри ниже.

По деталям сосудов, т.е. оформления шей и полостей (табл. 2) выделяется еще ряд дополнительных характеристик. Шесть видов продольного сечения по-

Таблица 2

Дополнительные характеристики сосудов

Памятники	Типы	Сечения полостей (виды)			Рукояти сосудов (виды)	
		Продольный	Поперечный	Горизонтальный	Профиль	Сечение
VI-й разрез Горбуновского торфяника	З ЛК	2	1	1	1	
	З ЛК	3	1	1	1	
	З ЛК	1	1	1	2	
	З КЧ	1	1	1	2	
	ЛК Ж				1	
	ЛК К	2	1	2	2	3
	ЛК У				1	
	КЧ Л	5	3	1	3	2
	КЧ Л	2	1	2	3	6
	КЧ Г	2	1	2	1	1
	КЧ Г	2	1	2	1	1
	КЧ Г	1	2	4		
	КБ				1	
	Стрелка	Л	2	1	1	
Горбуновского торфяника	Л			1		10
	ЛК М				1	
Шигирский прииск	ЛК	2	1	2		4
	ЛК	2	1	4		
	ЛК	1	1	4		
	КЧ Л	2	1	2	3	5
	ЧД Л	3	1	4	1	8
	КБ	4	1	3		
2-й Курбинский прииск	З ЛК	1	1	1	2	
	ЛК У	2	2	4	1	11
	КЧ П	1	1	2	3	6
	ЧО	6	4	1		
Язевский прииск и стоянки	ЛК	2	1	4	1	7
	ЛК	2	1	4	1	9
Шигирское А	Л	2	1	1	1	12
	ЛК	2	1		1	8
	КЧ				1	7
Шувакиш 1 А	ЛК	1	1	1	3	6
	ЧД	1	1	4		
Кокшаровско- Юртанская	ЛК				1	3
р.Аянь	ЧО	6	4	1		

1, 2, ... — виды дополнительных характеристик (Рис. 3).

лостей: симметричные (рис. 3, I-1), асимметричные с крутым передним бортом (рис. 3, I-2), плоские (рис. 3, I-3), асимметричные с плоским передним бортом (рис. 3, I-4), трапециевидные с низким бортом (рис. 3, I-5), трапециевидные с высоким бортом (рис. 3, I-6). Четыре вида поперечного сечения полостей: овальный (рис. 3, II-1), овальный с ребром (рис. 3, II-2), бочковидный (рис. 3, II-3), трапециевидный (рис. 3, II-4). Четыре вида горизонтального сечения полостей: эллипсовидный (рис. 3, III-1), эллипсовидный с округлым передним

бортом (рис. 3, III-2), эллипсовидный с плоским передним бортом (рис. 3, III-3), овальный (рис. 3, III-4). Три вида профиля рукоятей: вертикальная короткая с горизонтально расположенной головой (рис. 3, IV-1); наклоненная вперед короткая с опущенной головой (рис. 3, IV-2); незначительно наклоненная вперед, длинная с приподнятой или опущенной головой (рис. 3, IV-3). Двенадцать видов сечений рукоятей у перехода в полость: овальная с двумя выемками (рис. 3, V-1), трапециевидная с выемкой (рис. 3, V-2), подтреугольная с выемкой (рис. 3, V-3), подовальная с выемкой (рис. 3, V-4), ромбическая с выемкой (рис. 3, V-5), попреречно-овальная (рис. 3, V-6), продольно-овальная (рис. 3, V-7), треугольная (рис. 3, V-8), ромбическая (рис. 3, V-9), усеченно-овальная (рис. 3, V-10), подтреугольная с внутренним выступом (рис. 3, V-11), подтреугольная с внешним выступом (рис. 3, V-12).

Посуда, вырезанная из бересты, немногочисленна, и об окончательной её типологизации, подобно деревянной посуде, говорить пока рано. К ней относятся «сумка» с VI-го разреза, туесок с Разбойничьего острова и части каких-то изделий с поселений Шигирское А и Шувакиш 11Д. Первый сохранился частично, в раздавленном состоянии, на одной из поверхностей остались следы процрапанного орнамента в виде четырех линий, где промежуток между второй и третьей заполнен волнистыми струйчатыми линиями, напоминающими орнаменты на керамических сосудах липчинской культуры. Сохранившаяся часть «сумки» имеет размеры 32 см в длину и 8–10 см по высоте борта. На обрывке уцелел участок накладного крепления борта по вертикали со следами прошивки. Второй фактически не пострадал, только слегка раздавлен. У него почти полностью сохранилась прошивка из крапивного волокна, скрепляющая складки сложенного особым образом короба. Такое крепление — водонепроницаемое — оно позволяло наполнять сосуд жидким содержимым. Берестяная посуда с других памятников, в том числе и с VI-го разреза, представлена кусками обработанной коры с обрезанными краями (прямыми и закругленными) и отверстиями от прошивки. На основании имеющихся данных можно выделить, предположительно, 3 типа изделий: небольшие водонепроницаемые туеса, короба с вертикальным креплением и емкости с круглым дном и прошивкой по краю.

Изготовление деревянной посуды включало в себя технологические процессы, обусловленные особенностью сырья [22, с. 31; 23, с. 18; 24, с. 13–14], средствами производства и культурными традициями, в основном аналогичные тем, что применялись при изготовлении других изделий из дерева [21, с. 228–230]:

- подбор породы дерева (сосна, один из сосудов-лосих — ольха), его части (ствол, корень, ближе к ядру или внешним слоям), учет качества древесины (плотность, ровность и смолистость слоев);
- получение первичной заготовки (доски, сегмента), расколка полена, выколка с живого дерева или вырубка корневища и части ствола с учетом строения древесины и отсутствием сучков;
- выделка рубящим орудием вторичной заготовки до придания ей выбранной формы с учетом расположения годовых колец — слоев: «дуга» вниз (рис. 4, 1) или вверх (рис. 4, 2) (табл. 3);
- подработка строганием днища и рукояти, оформление образа;

- вырезка полости: слева от ручки по часовой на $\frac{3}{4}$, справа от ручки против часовой на $\frac{1}{4}$; от ручки с двух сторон (сцепление, подрезание);
- скобление полости снаружи и изнутри;
- вырезание головы, шеи и деталей выбранного образа живого существа (строгание, подрезание, скобление, сверление или прорезка отверстий, шкурение, «инкрустация», дополнение деталей из другого материала);
- шлифование сосуда;
- пропитка водоотталкивающими средствами (?), покраска сосуда или его части черной краской (?).

Таблица 3

Расположение годовых колец в изделиях

Название памятника, местонахождение	Типы посуды					
	Л	ЛК	КЧ	КД	Ло	Вариант*
Шигирские прииски	2Λ	4Λ				Λ
2-й Кургинский прииск	3V	1V	1V	1V	V	
Язевские прииски и стоянки	2V					V
Шигирское А	1V	1V	1V			V
VI-й разрез Горбуновского торфяника		1V 1Λ	1V 1Λ		1Λ	V Λ
Шувакиш I A	1V	2V		1V		V
Кокшаровско-Юрьевская		1V				V

* — расположение дуги годовых колец в изделиях (см. рис. 4):

/\ — дуга вверх, \/\ — дуга вниз.

Измерения максимального диаметра годовых колец на изделиях и заготовках дали следующие результаты: ложки — ? см, ложки-ковшики — до 20 см, ложки-черпаки — более 20 см, лосиные сосуды — до и более 30 см. Данные размеры ориентировочно указывают на диаметр ствола дерева — заготовки.

Определение материала орудий, использовавшихся при изготовлении посуды, затруднительно. Готовое изделие обычно тщательно зашлифовано и отполировано в процессе употребления. Сохранившиеся следы длинных гладких срезов, вероятно, являются следами металлических орудий, мелкие срезы и беспорядочные или параллельные царапины — от скобления и шкурения. Эти операции, а также сверление или прорезка небольших отверстий могли производиться орудиями как каменными, так и металлическими. Выявлены также следы грубой рубки на заготовке в виде рваных ступенчатых граней, что свидетельствует об употреблении, скорее всего, каменного орудия. Проведение эксперимента по изготовлению деревянной посуды (ложка, ложка-ковш, ковш-черпак) с использованием как кованых медных (ножи, стамеска, топор), так и каменных орудий (ножи на пластинах, скребки, топор) показало, что они оставляют на изделиях аналогичные, указанным выше, следы. Косвенными

доказательствами использования в некоторых случаях не только каменных, но и металлических (медных) орудий являются:

- нахождение посуды в культурных слоях памятников эпохи энеолита;
- находки в этих же отложениях медных орудий или самого металла;
- совместное залегание изделий с другими предметами (сваи, колья), сохранивших на себе бесспорные следы обработки металлическими орудиями;
- известно также деревянное орудие с изогнутым пазом для вставки, скорее всего, металлического лезвия, и определяемого как «ложкорез» (Шигирская коллекция).

В процессе использования посуда приходила в негодность. Наиболее часто ломались рукояти — тонкие шеи птиц и зверей. Этому способствовала поперечная слоистость древесины. Сломы происходили по-разному: на месте перехода головы в шею, посередине шеи, у её основания и слом ручки с прилегающей частью емкости. Вторично подрабатывалась и использовалась посуда с сохранившейся, в большей части, ручкой-шеей без головы. Есть пример обработки шеи с головой гуся (ковш-черпак), что также говорит о вторичном использовании, но уже самой рукояти. Сломов полостей также несколько: ломались поперек напополам, у «хвоста», вдоль борта и указанный выше случай слома вместе с ручкой. Край полости у слива подрабатывался. С помощью металлических скобок из раскованной медной проволоки восстанавливались и борта. Возможно, трещины промазывались смолой.

Останавливаясь на некоторых особенностях посуды, необходимо обратить внимание на оформление края, противоположного ручке, у ковша-черпака с VI-го разреза Горбуновского торфяника (рис. 5, 1), названного «трубящим лебедем», и черпаков-отстойников (рис. 5, 2). Особенность в том, что край полости сужается, образуя «носик», в котором вырезан желобок-слив. Подобной обработки не встречено более ни на одном сосуде. Стоит заметить, что все эти изделия вырезаны из заготовки, включающей часть ствола и корня. Назначение такого носика-слива может иметь разное толкование. Например, он мог использоваться для слива отстоявшегося на поверхности более легкого состава, если содержимым сосуда являлась маслянистая жидкость (отвар и т.д.), или осаждения на дно более тяжелых веществ.

Несомненный интерес представляет анализ вариаций позы на сосудах-животных; не столько общий силуэт его, а сколько выгнутость шеи, направленность головы (рис. 3, IV). Головы животных всегда обращены вперед, нет поворотов в стороны или обворачивания. Так же большая часть существ держат головы горизонтально, но есть исключения — с опущенными вниз или поднятыми вверх головами. Разнообразие наблюдается и в изгибе шеи. Встречаются отклоненные назад, прямые — вертикальные и слегка изогнутые, наклоненные вперед — прямые и изогнутые. Прямая, слегка наклоненная вперед шея с поднятой вверх головой лебедя на сосуде с VI-го разреза и Шигирского прииска, легко ассоциируется с «трубящим лебедем». Образы водоплавающих птиц с отклоненной назад шеей и горизонтальной головой, вероятно, изображают их во время отдыха; с прямыми шеями и горизонтальной головой — плывущими, настороженными; с наклоненной вперед шеей и горизонтальной головой — разбегающимися или летящими; с наклоненной вперед шеей и опущенной головой — кормящимися и т.д.

Перечисленные формы ручек сосудов-птиц относительно легко вызывают ассоциации с поведением живых птиц в естественной среде. Вариантов среди сосудов-зверей (лось, медведь) меньше. Это чаще прямые — вертикальные или слегка наклоненные вперед шеи с горизонтально или слегка наклоненными вперед головами. Лишь в двух случаях (рис. 5, 3) шея и голова одновременно горизонтальны (медведь); аналогично последнему изображена стилизованный ручка — змея (рис. 5, 4). Если изображение определенных видов птиц, зверей и пресмыкающихся, как предполагалось выше, имело культовое объяснение, то определенные позы можно интерпретировать не столько требованиями культа и особенностями заготовки, сколько личным видением и желанием мастера изобразить то или иное их состояние. Особо необходимо выделить только «трубящий лебедь». Наличие скульптурных изображений в такой позе само по себе необычно. Оно передает то состояние птиц, которое охватывает их только в особые периоды жизни: перед отлетом на юг. Стоит также вспомнить, что отлет или пролет лебедей — «к снегу», и, стало быть, зычные последние крики этих птиц извещают о приходе зимы. Кроме того, для резьбы лебединых ковшей-черпаков требовалась специальная заготовка, а не простой выколотый кусок бревна. Выискивались подходящие корни хвойных деревьев, где только благодаря особому строению волокон корня и части ствола было возможно вырезать легко и без риска поломки длинную прямую шею.

Требуются уточнения в интерпретации сосудов с изображением лося, особенно черпака-дуршлага с Шигирского торфяника, опубликованного Д.Н. Эдингом [2, с. рис.1, 5]. Голова животного трактуется как образ лося-быка. Основанием для этого послужила имеющаяся на фотографии так называемая «лосиная бородка» (один из половых признаков самца). На самом деле эта «бородка» является деталью какого-то предмета, использованного при фотографировании для крепежа изделия в горизонтальном положении. Этот снимок кочует из одного издания в другое. На реальном черпаке — дуршлаге, хранящемся в Свердловском Областном краеведческом музее, «бородки» нет, вместо нее прорезаны углубленные пазы в гортани нижней скулы. Таким образом, все известные на сегодня изображения этих животных являются лосихами. Фигуры лосих статичны — стоят на прямых ногах, шея и голова находятся на одной оси с туловищем, взгляд обращен вперед, животное спокойно, невозмутимо. Несомненно, что это сосуды культовые, служащие для помещения в них либо жертвеннего приношения в виде пищи, либо возможно их использование в качестве мишени (?) в обрядах с целью обеспечения удачной охоты на этих животных, т.е. в охотничьей магии. Такие сосуды, как предполагает Д.Н. Эдинг [2], после использования затем могли подвергаться ритуальной поломке и выбрасываться. На мой взгляд, подобная трактовка культового использования рассматриваемых сосудов нуждается в уточнении. Во-первых, одноразовое использование можно было бы доказать, если бы культурные слои торфяниковых памятников были насыщены заготовками, целыми и, особенно, сломанными скульптурами. Во-вторых, обряд охотничьей магии не менее сомнителен — убийство самок, лосих? В-третьих, использование как сосуда под жертвенные подношения в виде пищи вероятно, но с какой целью? Возможно, для того,

чтобы не редели лосиные стада; лосихи чаще телились (?). Подобные обрядовые действия известны с палеолита. Но при внимательном осмотре сосудов закрадываются сомнения в верности последнего предположения. Цвет внутренней часть полости, вырезанной в спине животного, не отличается по цвету от внешней его поверхности. Цвет внутренней полости от длительного и многократного нахождения там пищи или жидкости, вероятно, должен быть иным. Представляется, что полость использовалась не для жертвенных пищевых подношений. В нее могли вкладывать какой-либо предмет, символ чего-либо, например, того же плодородия, размножения.

Животный мир Среднего Урала разнообразен, но для оформления рукоятей посуды из мира птиц избраны только водоплавающая и болотная дичь, такие как гусь (серый, сухонос?), лебедь (кликун?), утки (кряква, гоголь?) и болотная курочка (?); из животных — лось, медведь, возможно, собака [25, с. 56, 62, 209, 238]. Есть изображения змеи. Но нет всех видов боровой, части водоплавающей и болотной дичи, фактически оставлены без внимания средние и мелкие млекопитающие, не определима разновидность змеи.

Первое объяснение избирательности такого «пантеона» — «промысловое». Гуси и лебеди самые крупные представители водоплавающих птиц уральских водоемов, их вес после жировки достигает 10 кг. Утки меньше размером, но широко распространены и многочисленнее других видов; к тому же они откладывают от 10 до 16 яиц, а при потере делают вторую кладку. Особенность болотной курочки заключается в том, что, почувствовав опасность, она спасается бегством, или летит низко и по прямой, что облегчает ее добычу. Перечисленных птиц в большом количестве легче ловить в период линьки. В местах гнездования охота проводится с апреля до первых заморозков, на остальных территориях во время весенних и осенних перелетов.

Вторая причина выбора может условно быть названа «натуралистической», являющейся результатом наблюдений охотников за поведением и организацией жизни птиц. Возможно восприятие их как представителей верхнего мира, летающих по небу, приносящих и уносящих тепло (по сезонам); живущих в среднем мире, т.е. ходящих по земле и плавающих по воде; ныряющих в глубины водоемов, а значит, имеющих связь с нижним миром. Птицы могли считать разумными организованными существами; один из примеров тому: большие гусиные стаи делятся на табунки, которые возглавляют вожаки; любые перемещения в них производятся по сигналу, вперед всегда высылаются разведчики, на стоянках осуществляется охрана, гуси живут до 35 лет, строго моногамны, совместно воспитывают и защищают потомство. Кроме того, водоплавающие птицы хорошие рыболовы.

Третье объяснение, так сказать, «географическое». Это влияние, привязанность аборигенов к постоянному месту проживания у воды, чаще у озер, большие возможности передвижения по водоемам и рекам, чем по суше. Вследствие чего постоянное сосуществование на одних территориях с водоплавающими птицами.

Те же объяснения применимы и для животных. О культе медведя в археологических и этнографических публикациях сказано достаточно. Напомним лишь, что вес бурого медведя доходит до 400 кг, добыча возможна круглый год, но предпочтительней осенью и в начале зимы.

Культ лося не менее известен, чем культ медведя. [26, с. 169–172]. В промысловом отношении, лоси крупные животные весом до 500 кг, наиболее эффективна охота на мигрирующие их стада у речных переправ весной и осенью; в остальное время года на отдельные семейства и одиночек.

Почитание змей прослеживается с верхнего палеолита. Внешняя медлительность, но стремительность в нападении, смертельный укус и другие качества змей привлекали внимание людей.

В свете решаемых в статье проблем интересен анализ костных остатков, найденных на ряде торфяниковых памятников. Например, при определении остеологического материала с поселения Шигирское А, выполненного к.б.н. П.А. Косинцевым, выявлена интересная закономерность: большая часть костей принадлежала водоплавающим птицам, в том числе и крупным; примерно столько же костей лося; останки медведя представлены только клыками; и лишь несколько костей относятся к мелким или средним млекопитающим. То есть, наблюдается полное совпадение видов животных, вырезанных на посуде, и животных, шедших в пищу. Если в этом же ракурсе рассматривать наскальные рисунки времени неолита — бронзы, то и там образы те же: водоплавающая птица, лось, в редких случаях — медведь, змея.

Такое совпадение видов по костным остаткам, по образам животных на ручках посуды, в зооморфной скульптуре, изготовленной из керамики, камня, кости, по изображениям на керамических сосудах и на наскальных рисунках еще раз подтверждает мысль о том, что хозяйство, реальная повседневная жизнь и мифологические представления людей являлись чем-то единым, не существующим по раздельности [27, с. 81–101].

Определение культурно-хронологической принадлежности анализируемой посуды возможно по следующим направлениям. Во-первых, по стратиграфическим условиям залегания изделий: в нижних слоях сапропеля на стоянке Стрелка и поселении Шигирское А; в толще илистых отложений на 2-ом Кургинском и Шигирском приисках; в нижних слоях торфа и верхних сапропеля на Язевском прииске, VI-ом разрезе Горбуновского торфяника и поселении Шувакиш 1А. Во-вторых, по сопутствующему керамическому комплексу: посуда на поселении Шигирское А залегает в одном слое с энеолитической гребенчатой керамикой, ниже которого в песчано-сапропелевой прослойке и песке лежит неолитическая керамика с отступающе-накольчатой и прочерченой орнаментацией, а выше — керамика эпохи бронзы со сложной геометрической гребенчатой орнаментацией. На стоянке Стрелка наблюдается схожая стратиграфическая ситуация. В нижних слоях сапропеля фиксируются находки деревянной посуды, а в залегающем под ним песчано-сапропелевом слое — неолитической волнисто-прочерченной керамики. Установить стратиграфические позиции керамического комплекса со 2-го Кургинского и Шигирского приисков крайне сложно, т.к. находки слабо документированы. Керамика трех последующих из указанных выше памятников — гребенчатая; но в комплексе находок обязательно включается энеолитическая керамика, украшенная техникой отступающей палочки («ложношнуровая»). В-третьих, по технологии изготовления. Деревянная посуда из нижних слоев сапропеля на стоянке Стрелка и поселении Шигирское А предположительно самая

ранняя из рассматриваемой: изготовлена с использованием не только каменного и металлических орудий, о чем свидетельствует трасологический анализ. К тому же на поселении Шигирское А она залегала вместе с остатками деревянного сооружения — ряда жердей и кольев, обработанных металлическим рубящим орудием. Кроме того, в энеолитическом слое (сапропель) на поселении Разбойничий остров известны находки орудий из меди, в частности, ножа [20, с. 98].

Ближайшие аналогии уральской деревянной посуде прослеживаются на торфяниковых памятниках других регионов Северной Евразии, например, в Прибалтике и северо-западе Европейской части России. Особенно выразительна коллекция посуды, изготовленной из органического сырья, со стоянки Сарнате около 30 экземпляров. Здесь найдены 22 изделия хорошей сохранности, вырезанные из липы, клена, ясения, и 3 лубяных сосуда [28, с. 20–97]. По рисункам из публикаций можно выделить 3 типа деревянной посуды: ковши длиной до 20 см; до 50 см; корыта с зауженными концами длиной до 1 м. Форма изделий ладьевидная. Все имели рукояти; корыта, вероятно, две. Ручки скульптурно оформлены в виде головы утки, гуся, лебедя, животного (медведя?). Все изображения стилизованы. Посуда вырезана каменными орудиями и датируется эпохой неолита.

Находки деревянной посуды известны и со стоянок Швянтойи. Среди них следует обратить внимание на два сосуда, которые, на мой взгляд, также можно классифицировать как типоопределяющие: — плоский поднос подромбической формы с маленькими бортиками [29, с. 78] и корытце со сквозной щелью в дне [30, с. 314], то есть своеобразный дуршлаг.

Деревянные ковши и корьевые сосуды обнаружены и на ряде других памятников в указанной зоне Северной Евразии. Например, ковш на стоянке Асавец 2 [31, с. 340]; берестяная посуда на стоянке Висс 2 [32, с. 6]; с поселения на р. Модлоне известны ковши из ясения с ручками в виде голов птицы и животного (собаки?). Причем последнее оформлено художественно: на скульптуре вырезаны уши, пасть, намечены глаза [33, с. 39]. Особенностью этого ковша являются и два отверстия, расположенные на «груди» в передней стенке сосуда.

Этнографический материал содержит следующие интересные факты, касающиеся изготовления и использования деревянной посуды, традиций и обрядов, связанных с ней:

- обучение изготовлению простой менее значимой посуды начиналось с подросткового возраста, мальчики — из дерева, девочки — из бересты; соответственно, с этими же материалами работали мужчины и женщины [34, с. 33–34, 39; 35, с. 18, 75–76];

- посуду для жены изготавливали муж; в крайнем случае, невеста могла прийти в новую семью со своей посудой, сделанной отцом [36, с. 59];

- по изготовлению деревянные изделия смазывали жиром;

- украшалась посуда орнаментами, скульптурами, на некоторые изделия ставили тамгу на рукояти [36, с. 34, 41–42; 37, с. 34];

- вырезали посуду не только из ствола дерева, но и из ката [38, с. 20];

- младенцы ели совместно с взрослыми (не считая кормления матерью, порой до возраста 5–7 лет) с 2 лет и раньше, и только из своей собственной

посуды. Их нельзя было кормить из посуды, предназначенной для других целей [34, с. 66, 219];

- посуда имела свою социальную и культовую значимость, определено было ей свое место и количество в доме, на священном месте, в амбарчиках (посуду на женском месте не оставляли); она имела также свое место и порядок при хранении и перееезде [34, с. 29, 70; 39, с. 23, 27, 32, 46; 38, с. 20; 35, с. 38; 37, с. 56, 94, 93];

- при родах в первый раз или трудных родах открывали сундуки, коробки и переворачивали посуду устьем вверх. Если женщина не могла забеременеть, то обращались к колдовству шамана. Например, один из обрядов — чашку с маслом ставили на березу. Затем дерево поливали из ковша, черпая молоко из туеса [34, с. 187, 194–195];

- в течение 7 дней после родов и при кровотечениях женщина должна была питаться только из своей чашки, не имела права готовить и прикасаться к любой другой посуде [34, с. 155, 165];

- в жертвенном амбарчике должно быть 3 корытца; перед фигурами устанавливались 7 чашек и кружек; количество ложек, лопаточек, чашек — по числу посещаемых, плюс корытца и котлы [40, с. 115].

Основной набор деревянной посуды по этнографическим данным: лопаточки и ложки личного пользования (трансформированные археологические ложки и ложки-ковши), ложки-черпаки для рыбы и мяса (заменили древние черпаки-дуршлаги), кружки-черпаки и чаши большие и малые для напитков личного и общего пользования (пришли на смену ковшам-черпакам), корытца и блюда под мясо или рыбу (приобрели другую форму в отличие от археологических), ступы для толчения коры, сухой рыбы, черемухи, разнообразные изделия из бересты и деревянные крышки и донышки для посуды [36, с. 100; 39, с. 46; 37, с. 33; 40, с. 40–42; 41, с. 64, 98].

Таким образом, детальное изучение деревянной посуды из торфяниковых памятников Среднего Урала позволило не только представить процесс обработки этой категории изделий из органического сырья, но и выяснить традиционные технологические особенности ее изготовления на разных памятниках. Что, возможно, в дальнейшем будет крайне важно для соотнесения этих технологий с определенными группами древнего населения, археологическими культурами. Не менее важен результат выделения полного ряда типов такой посуды, определение ее бытовой, социальной и культовой значимости. Изучение археологических аналогий позволило выделить особенности и своеобразие среднеуральской посуды эпохи неолита-бронзы, а первые сопоставления с этнографическими материалами — проследить, хотя бы в общих чертах, преобразования в технологии изготовления, в оформлении и использовании деревянной посуды, отношение к ней и к образам, венчающим ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Погорелов С.Н., Савченко С.Н. К вопросу об истории исследования археологических торфяниковых памятников лесного Зауралья // Проблемы исследования памятников Северного Донца. Луганск, 1990.
2. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. 1940. Вып. X.
3. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Сибири. М., 1976.

4. Лозе И. Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
5. Толмачев В.Я. Древности Восточного Урала // ЗУОЛЕ. Ч.II Т. XXXIV, вып. 8. Екатеринбург, 1914.
6. Дмитриев П.А. Шигирская культура на Восточном склоне Урала // МИА. 1951. № 21.
7. Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // ВАУ. 1998. Вып. 23.
8. Погорелов С.Н. Исследования торфяниковых памятников на Восточном склоне Среднего Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
9. Раушенбах В.М. Новые находки на Шигирском торфянике // КСИИМК. 1956. Вып. LXXV.
10. Раушенбах В.М. К вопросу о датировке новых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье // АЭБ. 1964. Т. 2.
11. Берс Е.М. Археологическая карта города Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
12. Эдинг Д.Н. Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА. 1940. № 1.
13. Старков В.Ф., Хотинский Н.А., Алексашенко Н.А., Калинина И.В. Раскопки на Горбуновском торфянике // АО-1978. М., 1979.
14. Старков В.Ф. Новые раскопки на Горбуновском торфянике // АО-1979. М., 1980.
15. Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ. 1956. Вып. XXIX.
16. Брюсов А.Я. Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
17. Кипарисова Н.П. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края // УЭ П(М)ГУ. 1956. Вып. II.
18. Чайкина Н.М., Погорелов С.Н. Поселение Шувакиш I // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
19. Сериков Ю.Б. Работы Нижнетагильского отряда // АО-1979. М., 1980.
20. Чайкина Н.М., Шорин А.Ф. Стоянка Разбойничий остров — торфяниковый памятник горно-лесного Зауралья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.
21. Погорелов С.Н. Весла из торфяниковых памятников Среднего Урала // ВАУ. 1998. Вып. 23.
22. Гликин М.С. Декоративные работы по дереву. М., 1987.
23. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
24. Мыльников В.П. Обработка дерева носителями Пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999.
25. Настольная книга охотника-спортсмена. Т. 2. М., 1956.
26. Перевалова Е.В. В погоне за ногастым зверем // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001 (в печати).
27. Чайкина Н.М. Антропо — и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // ВАУ. 1998. Вып. 23.
28. Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
29. Римантене Р.К. Рыболовные сооружения на берегу Балтийского моря // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
30. Римантене Р.К. Исследования стоянок каменного века в Швянтойи Кретинского района // АО-1969. М., 1970.
31. Чернявский М.М. Работы на Кривинском торфянике // АО-1968. М., 1969.

32. Буров Г.М. Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне // АО-1966. М., 1967.
33. Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20.
34. Традиционное воспитание детей народов Сибири. Л., 1988.
35. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Энакомьтесь: Ханты. Новосибирск, 1992.
36. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986.
37. Соколова З.П. Страна Югория. М., 1976.
38. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996.
39. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков — ороочонов. Новосибирск, 1984.
40. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
41. Смоляк А.В. Ульчи. М., 1966.

WOODEN WARE FROM THE PEAT-BOG SITES OF THE URALS

The wooden ware of the Stone Age was first found in the mid 19th century by the gold miners on the lake Shigir (70 km north of Ekaterinburg). The second collection in the Urals was found in the first half of the 20th century during the development of a peatery and the excavations on the Gorbunov peat bog (Nizhny Tagil). Eight types of the wooden ware were identified. Every type had specific shape, dimensions, decoration, application, belonging and meaning. These were spoons, ladle-spoons, ladle-scoops, ladle-dishes, trays, scoops-colanders, scoops-settlers, elk vessels. Practically all pieces had carved handles — bird necks and heads (swan, goose, duck, jack-snipe), animals (elk, bear) and reptiles (snake). Some handles were extremely conventionalized and it was impossible to identify the underlying image. Part of the handle ornaments were made in a very realistic style, to the degree of identifiability of the specie (the duck — mallard, golden-eye; the goose — gray, etc.) All pieces were carved from pine. The use-wear analysis and experimental works allowed to reconstruct the production process and identify a number of technological characteristics. For example, the search and selection of a particular type of wood material and the part of the tree, position and working of the blank. The pieces were dated as the Neolithic and Bronze Age.

S.N. Pogorelov

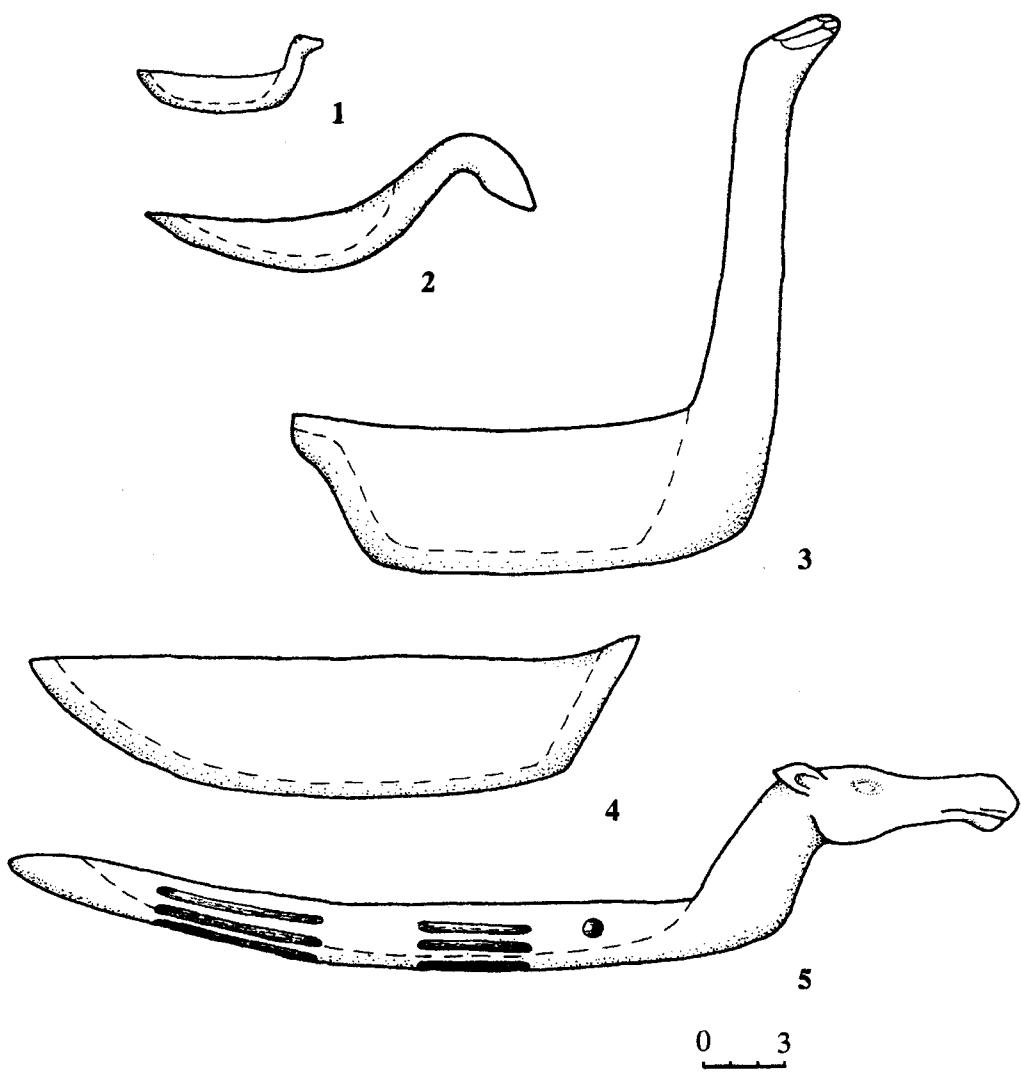
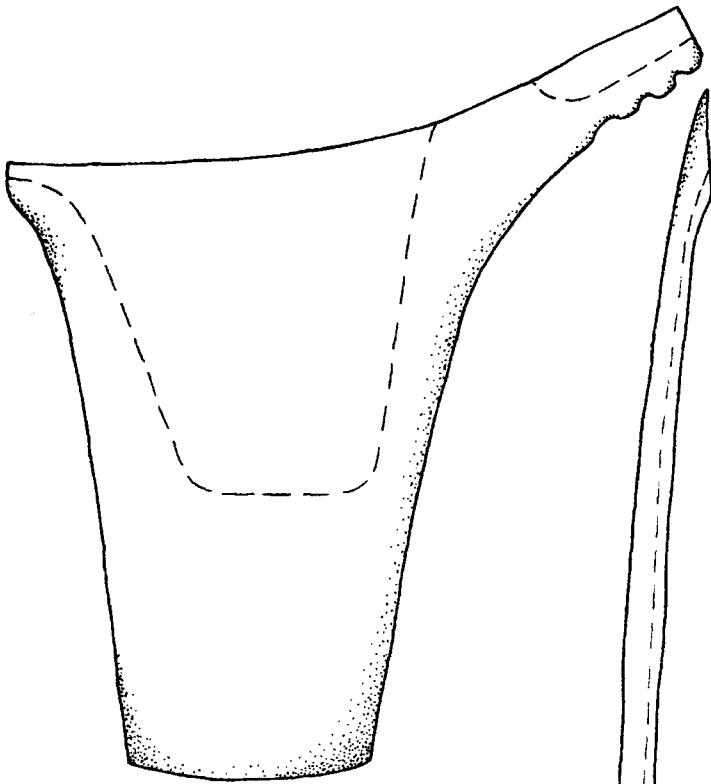
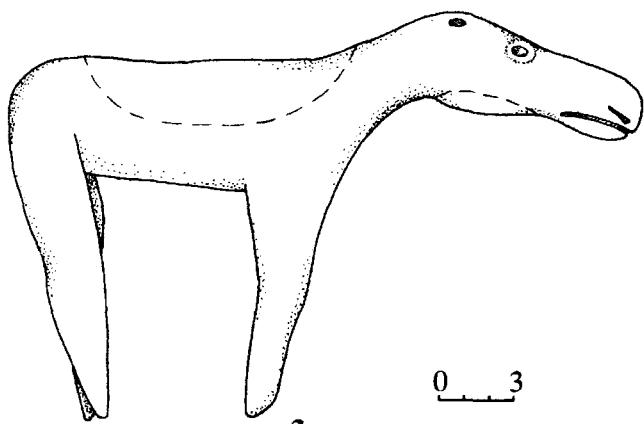

Рис. 1. Типы деревянной посуды:

1 — ложка со стоянки Стрелка Горбуновского торфяника (1 тип); 2 — ложка-ковш с VI-го разреза Горбуновского торфяника (2 тип); 3 — ковш-черпак с VI-го разреза Горбуновского торфяника (3 тип); 4 — ковш-блюдо с Шигирского прииска (4 тип); 5 — черпак-дуршлаг с Шигирского прииска (6 тип).

2

3

0 3

1

Рис. 2. Типы деревянной посуды:

1 — поднос с VI-го разреза Горбуновского торфяника (5 тип); 2 — черпак-отстойник с р.Аянь (7 тип); 3 — «Лосиний сосуд» с VI-го разреза Горбуновского торфяника (8 тип).

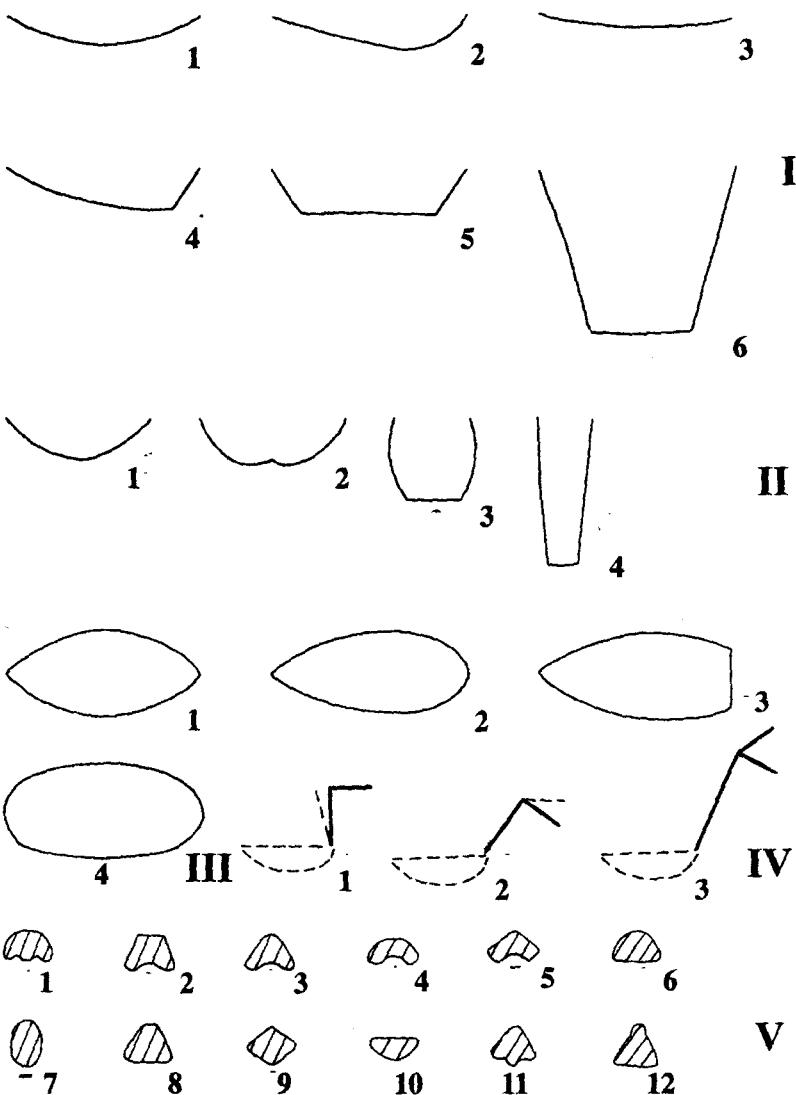
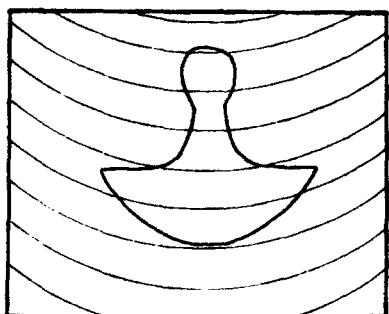
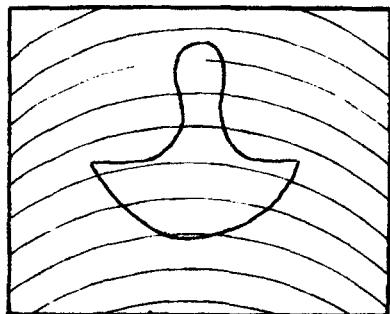

Рис. 3. Дополнительные характеристики сосудов (схемы).

I. Виды продольных сечений полостей: симметричные I-1, асимметричные с крутым передним бортом I-2, плоские I-3, асимметричные с плоским передним бортом I-4, трапециевидные с низким бортом I-5, трапециевидные с высоким бортом I-6; II. Виды поперечных сечений полостей: овальный II-1, овальный с ребром II-2, бочковидный II-3, трапециевидный II-4; III. Виды горизонтальных сечений полостей: эллипсовидный III-1, эллипсовидный с округлым передним бортом III-2, эллипсовидный с плоским передним бортом III-3, овальный III-4; IV. Виды профилей ручек сосудов: вертикальная короткая с горизонтально расположенной головкой IV-1; наклоненная вперед короткая с опущенной головкой IV-2; незначительно наклоненная вперед, длинная с приподнятой или опущенной головкой IV-3. V. Виды сечений ручек сосудов в месте соединения с полостью: овальная с двумя выемками V-1, трапециевидная с выемкой V-2, подтреугольная с выемкой V-3, подовальная с выемкой V-4, ромбическая с выемкой V-5, поперечно-овальная V-6, продольно-овальная V-7, треугольная V-8, ромбическая V-9, усеченно-овальная V-10, подтреугольная с внутренним выступом V-11, подтреугольная с внешним выступом V-12.

1

2

Рис. 4. Расположение заготовки сосуда по отношению к направлению годовых колец в стволе дерева:

- 1 — дуга годовых колец идет вниз, головка-ручка направлена к центру ствола;
- 2 — дуга годовых колец идет вверх, головка-ручка направлена от центра ствола.

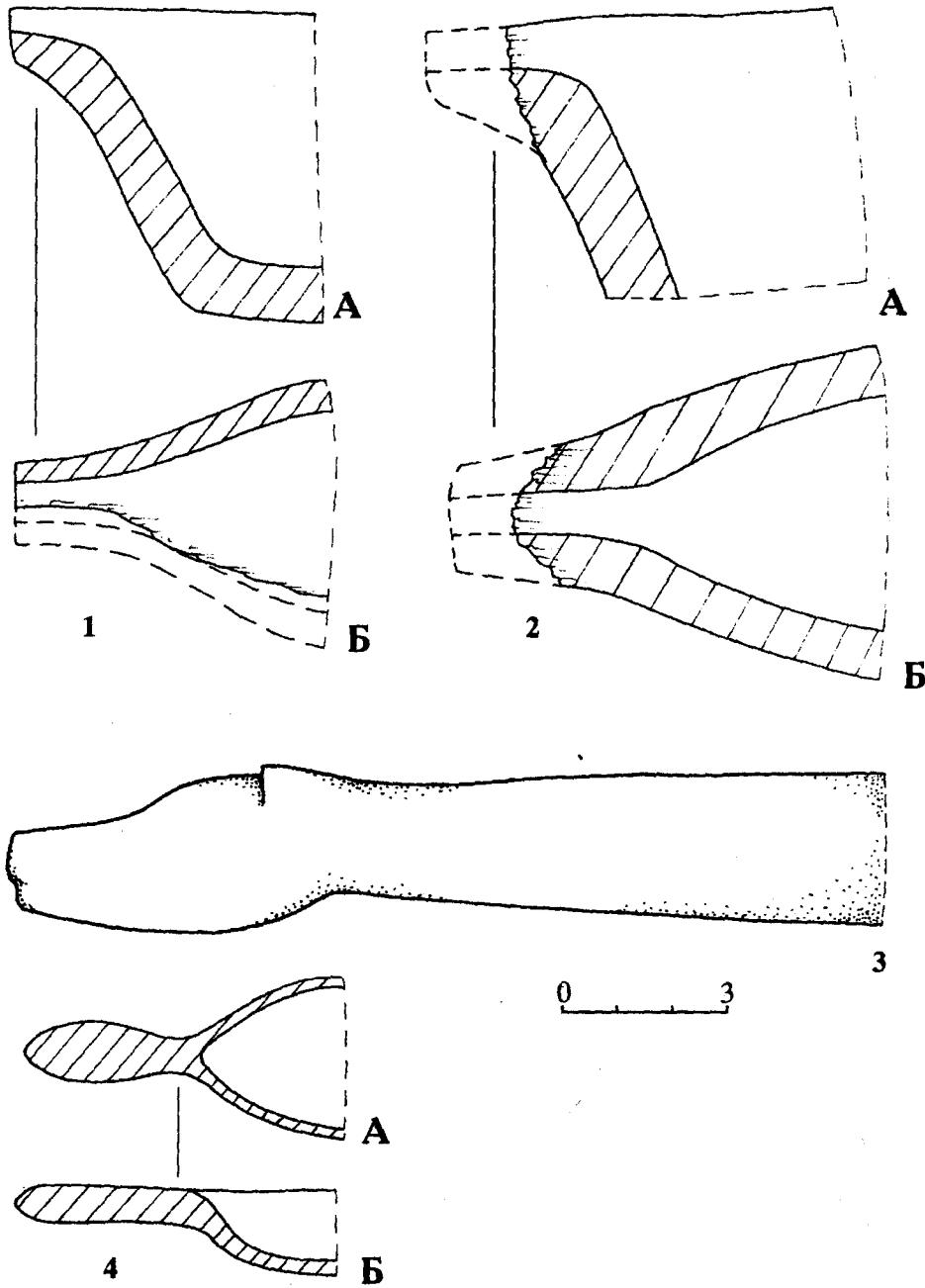

Рис. 5. Некоторые особенности оформления сосудов:

1 — фрагмент ковша-чертака с VI-го разреза Горбуновского торфяника. А — разрез по вертикали, Б — разрез по горизонтали; 2 — фрагмент чертака-отстойника из р. Аятъ. А — разрез по вертикали, Б — разрез по горизонтали; 3 — рукоять сосуда с Шигирского приставка; 4 — фрагмент ложки со стоянки Стрелка Горбуновского торфяника. А — разрез по горизонтали, Б — разрез по вертикали.

ИТКУЛЬСКИЙ ОЧАГ МЕТАЛЛУРГИИ: ОРИЕНТАЦИЯ, СВЯЗИ

Иткульский очаг функционировал в VII-III вв. до н.э. на восточных склонах Урала [1]. Локализация в пограничной зоне — на стыке европейского и азиатского лесного, лесостепного и степного круга культур определило его синтетический характер. Производство очага впитывало традиции и оказывало влияние главным образом на культуры скифо-сибирского круга, расположенные в Камско-Обском междуречье, в зоне лесостепи и южной кромки леса (ананьинская, гамаюнская, носиловская, байтовская, воробьевская, гороховская, большереченская, тагарская), а также в степной полупустынной зоне (савромато-сарматы, саки, тасмолинцы).

Связи иткульского очага фиксируются по четырем пунктам. 1 — сходство металлов по рецептурному и химическому составу. 2 — общие технологические приемы изготовления металлических вещей. 3 — морфологическое подобие металлических вещей. 4 — взаимовстречаемость в одном слое или сооружении разнокультурной керамики. По поводу морфологического сходства следует оговориться, что в данной ситуации не все вещи-аналоги будут указывать на прямые контакты, т.к. между очагами скифо-сибирского мира, начиная уже с VIII—VII вв. до н.э., устанавливаются широкие связи с широким кругом заимствований, вследствие чего рано вырабатываются и широко распространяются общие типы вещей, особенно оружия. Более надежным индикатором связей может быть небольшой круг изделий местного происхождения. При установлении связей делается попытка определить типологическое своеобразие и приоритет той или иной культуры в формообразовании вещей. Здесь используется метод сравнения разнокультурных вещей по количеству и условиям залегания (см. табл.).

Логика количественного сравнения заключается в том, что территорию монопольного или преимущественного распространения определенной формы можно считать местом ее формирования или массового производства. Отсюда эта форма или готовое изделие могли распространяться по другим культурным образованиям. Существенные корректиры в эти выводы вносит сравнение условий залегания вещей-аналогов. Выводы будут объективными, если эти условия одинаковые, и, напротив, на это нельзя расчитывать, если сравниваются группы вещей, разные условия залегания которых обеспечили им неодинаковую степень сохранности.

Из западных культур по ряду показателей наиболее близка иткульской соседней ананьинская. Система доказательств этому построена на следующих аргументах.

I. Установлено некоторое совпадение образцов химических и металлургических групп металла. Так, сравнение рецептурного состава показало, что у иткульцев, как и у ананьинского населения, наиболее распространенными были три металлургические группы: чистая медь, оловянная и оловянно-сурьмяно-мышьяковая бронзы. Правда, соотношение их в Прикамье и Зауралье было разным: у ананьинцев доминировала оловянная бронза (63%), а у иткульцев — чистая медь (88,46%). Определенное сходство наблюдается при сравнении химического состава металла обеих коллекций. Здесь, однако, следует оговориться, что это сравнение не будет строгим, поскольку для иткульской коллекции нет однозначных опреде-

лений. И тем не менее исследования показали, что химический состав иткульского металла укладывается в две известные группы: МП и ЗаУ [2]. В ананьинской коллекции из металла группы МП отлито 5% вещей. Эта цифра значительно — 15% — среди ананьинских вещей, имеющих аналогии в иткульском собрании.

II. Фиксируются общие технологические приемы металлообработки. В частности, при отливке кельтов в обоих очагах применялся одинаковый способ фиксации сердечника в литейной форме — с помощью верхней шейки сердечника.

III. Отмечено морфологическое подобие вещей. Оно настолько очевидно, что в свое время П.А. Дмитриев определил иткульскую культуру «зауральским ананьино». Общий список иткульско-ананьинских аналогий содержит примерно 12 категорий, включающих 60 конечных типологических разрядов. Сюда входят: 1. Наконечники копий с гладким сплошным пером (НК¹ 4, 6), а также с прорезным орнаментированным пером и втулкой (НК 8, 12). Подобие последних двух КТР не совсем точное. В одном случае (НК 2) иткульские и ананьинские слегка отличаются формой пера. В другой (НК 8) — направлением орнаментальных линий на втулке или на пере. 2. Наконечники стрел. Большая часть иткульских КТР (БС/2–12, 16–22, 24–36) подобны ананьинским. Отличия редки и незначительны. 3. Кинжалы. Единственный, случайно найденный, иткульский кинжал в основных деталях подобен ананьинскому К20. Различия в орнаменте держака и материале: ананьинский — биметаллический, иткульский — медный. К этому следует добавить, что формы наверший и перекрестий, фиксируемые на негативах иткульских литейных форм, встречаются в ананьинских металлических изделиях. 4. Кельты. 13 разрядов иткульских кельтов из 23 подобны ананьинским. При этом у 6 КТР тождество полное (К/2, 8, 18, 20, 22, 24), для 7 КТР отмечено несовпадение в деталях орнамента и конструкции. Аналогии в прикамской коллекции находят иткульские втульчатые долота, зеркала с бортником и петлей (З/4), фигурки птиц, свернувшегося хищника, а также иглы с пробитым ушком, шилья, медные и железные ножи (МН 2, 4, 8; ЖН 4, 6, 14, 16).

Количественное сравнение вещей-аналогов показало, что в целом ананьинская коллекция значительно превосходит иткульскую. Сравнение по КТР дало более дифференциированную картину. Численный перевес ананьинских металлоизделий отмечен для многих КТР наконечников стрел, копий, кельтов, шильев, игл, железных ножей. Равное или примерно равное соотношение характерно для медных ножей, плоских широких тесел, зеркал, втульчатых долот, бляшек с изображением свернувшегося хищника, кельтов (К 2, 8, 28), наконечников стрел (МС 2, 29, 34), копий (НК 10), железных ножей (ЖН 16), наверший кинжалов в форме когтя и глаза. В отдельных случаях доминируют иткульские вещи. Это фигурки птиц, кельты, орнаментированные взаимно-перпендикулярными непересекающимися валиками (К 4), медные ножи (МН 2), наконечники стрел (МС 18, 19, 22, 25, 26, 30).

Условия находок иткульских и ананьинских вещей в основном не совпадают: основная масса ананьинских найдена в закрытых комплексах (могильниках), а

¹ Здесь и далее дано обозначение конечных типологических разрядов (КТР) в классификационной схеме автора.

иткульские — в открытых (на поселениях и как случайные находки). Это обстоятельство не позволяет объективно решить вопрос о типологическом своеобразии очагов в случаях численного превосходства ананьинских вещей, т.к. условия залегания обеспечили им лучшую сохранность и морфологическое разнообразие по сравнению с иткульскими. Кроме того, общая исследованная площадь на ананьинских памятниках больше, чем на иткульских. В этой ситуации определенный шанс для диагностики дает устойчивое различие деталей морфологии (например, разное направление орнаментальных линий на втулке прорезных наконечников копий), а также многократное количественное превосходство вещей в той или иной коллекции. Так, учитывая многократное (в 5–21 раз) количественное превосходство, к собственно ананьинским можно отнести встреченные в иткульской коллекции кельты с шестигранным сечением тулона, прямоугольно-трапециевидной фаской, без орнамента и с орнаментом из валиков вокруг втулки и опущенных от них крупных треугольников (К 18, 22, 24).

При этих же условиях залегания численное преимущество иткульских вещей, а возможно и равенство с ананьинскими, может свидетельствовать в пользу иткульского приоритета в формообразовании и изготовлении фигурок птиц; втульчатых долот; кельтов, орнаментированных горизонтальными валиками вокруг втулки и взаимно-перпендикулярными, непересекающимися валиками (К 4, 8, 28); наконечников копий с прорезным, орнаментированным пером и втулкой, украшенной поднятыми вверх рельефами (НК 8). При этом данная модель вполне могла быть иткульской модификацией подобных ананьинских копий. В этот ряд не поставлены иткульские вещи, превосходящие числом ананьинские или равные с ними, но широко распространенные в скифо-сарматском мире (наконечники стрел, копий, зеркала с петлей и бортиком, кинжалы, фигурки свернувшегося хищника), т.к. проблема иткульского или ананьинского приоритета в их формообразовании здесь снята, как, очевидно, и вопрос их преимущественного изготовления в одном из очагов, потому что обмен с сарматами мог исказить объективную картину.

Существование иткульско-ананьинских связей, кроме всего прочего, подтверждается еще находками на иткульских памятниках (Палатки, Иртяшское городище I) ананьинской керамики.

Итак, приведенные выше факты фиксируют такую иткульско-ананьинскую общность, которая предполагает регулярные связи между очагами. Судя по датам вещей-аналогов, контакты имели место на протяжении VIII–III вв. до н.э., т.е. с ранних этапов формирования культур и до распада их как целостных систем. Контакты, вероятнее всего, реализовались в форме заимствования идей технологии и формообразования, а также обмена продукцией, включая, очевидно, руду и металлическую медь, поскольку на ананьинских памятниках, изученных в целом лучше иткульских, явных следов выплавки металла не обнаружено. Судя по всему, ананьинское производство прикамских центров в определенной степени зависело от зауральского металла. Хорошим аргументом здесь служит тот факт, что часть ананьинских вещей отлита из металла группы ЗаУ и трудно отличимой от нее группы ЕУ.

Наряду с фактами, свидетельствующими о связях, есть явления противоположного толка, которые ставят под сомнение по крайней мере масштабы контактов. Так, вещи отдельных КТР не проникают или слабо проникают в

инородную среду и не приживаются там. Например, типичные для Зауралья кельты с перегородкой и валиковым орнаментом в виде решетки не становятся моделью для собственного производства у ананынцев. Такая же участь в иткульской среде ананынских кельтов с орнаментацией фаски шестиугольниками, т.е. не исключен тот вариант, когда наблюдаемая общность в определенной степени является результатом конвергентного развития металлических форм, имеющих общую сеймо-турбинскую основу (для кельтов, наконечников стрел) или испытывающих мощное влияние традиций скифо-сарматского мира (наконечники стрел, кинжалы, предметы туалета, культа, украшения).

Особые отношения связывали иткульских металлургов с носителями лесных и лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири: гамаюнской, носиловской, байтовской, гороховской и саргатской первого этапа (V-III вв. до н.э.), жившими рядом, или чересполосно с иткульскими племенами на территории от восточных склонов Урала до р. Тобол. Часть этих образований, а именно: носиловские, байтовские, воробьевские, судя по обличью керамики, имели один генетический корень с иткульским населением. Специализирующаяся на производстве металла иткульская община снабжала родственные и соседние ей коллективы необходимым сырьем и изделиями. Такой характер связей фиксируется по ряду пунктов. Первый. По остаткам металлургического производства из всех вышеобозначенных культур в массе остатки металлургии встречаются на иткульских памятниках и единично на гамаюнских и гороховско-саргатских. Второй. По данным спектрального анализа металла для сопоставления мы располагаем результатами, полученными С.В. Кузьминых: около 700 анализов с иткульских памятников, 135 — с саргатских, 41 — с гороховских и единицы с гамаюнских [3] и В.А. Галибины: 20 анализов с памятников со смешанным воробьевско-гороховско-саргатским комплексом [3]. Было установлено, что основная часть иткульских вещей, все гамаюнские и большая часть гороховско-саргатских (особенно орудия труда и оружие) отлиты из меди. Анализируя химический состав меди, авторы единодушно пришли к выводу, что металлообработка иткульских соседей базировалась на зауральском сырье: медь, готовые изделия, руду они получали от иткульского населения. Третий. По морфологическому подобию металлических изделий в коллекциях рассматриваемых культур, наличию общих технологических приемов их изготовления. Коллекции, собранные в зоне жизнедеятельности культур, смежных с иткульской, включая случайные находки, оказались малочисленными, близкими друг другу и иткульскому собранию по набору категорий и морфологии вещей. Несколько выделяются в этом отношении коллекции гороховской и саргатской культур. Они больше трех других (воробьевской, байтовской, гамаюнской) и содержат оригинальные, не встреченные в иткульском собрании, формы.

Основную часть металлических вещей, собранных вне иткульских памятников (на поселениях обозначенных культур, плюс случайные находки), составляют наконечники стрел и кельты². Первая категория по численности — это наконеч-

² Сравнение дается по категориям, т.к. многие вещи этой зоны не имеют достоверной культурной привязки (случайные находки и вещи из слабо расчлененных комплексов — гороховско-саргатских, байтовско — носиловских).

ники стрел, найденные на гороховско-саргатских и воробьевском (1 экз.) поселениях. Большая часть их подобна иткульским. При этом сравнение по количеству и условиям залегания дает основание утверждать приоритет иткульского очага в производстве и распределении в данной зоне втульчатых трехлопастных наконечников. Относительно же втульчатых трехгранных утверждать чье-либо преимущество нельзя. Некоторые формы наконечников с гороховских и саргатских памятников не имеют иткульских аналогий. Это втульчатые трехгранные лопастные с внутренней втулкой (VI, X, XII типы по К.Ф. Смирнову) и черешковые с четырехгранный головкой.

Вторая по численности категория сравниваемых вещей — кельты. Сопоставление разнокультурных типов этих изделий весьма проблематично, поскольку кельты, найденные между Уралом и Тоболом, редко в бассейнах Ишими и Иртыша, как правило, являются случайными находками. Единичные экземпляры, связанные с памятниками иткульской, байтовской, воробьевской, саргатской культур, имеют аналогии только среди случайных находок. Поэтому, прежде чем говорить о влияниях и связях, необходимо сделать попытку развести отдельные разряды если не по культурам, то хотя бы по регионам.

Коллекция кельтов всего указанного региона по конструкции и морфологии выглядит достаточно единой, и основания для размежевания могут дать отдельные детали конструкции и орнамент. В этой зоне наиболее распространен орнамент из валиков: горизонтальных или вертикальных, но чаще их сочетания в двух вариантах — взаимно-перпендикулярные, но не пересекающиеся и пересекающиеся, под втулкой в виде «решетки» (так называемые западносибирские). Картирование и учет условий находок кельтов этого региона обозначили три позиции. 1 — далее предгорной полосы Зауралья не распространяются кельты с вертикальными валиками, опущенными сразу от втулки. При этом все они — случайные находки. 2 — ближе к Тоболу, на гороховских, саргатских, байтовских памятниках и как случайные находки встречаются орудия со взаимно-перпендикулярными непересекающимися валиками. 3 — по всей территории, только на иткульских памятниках и как случайные находки встречаются кельты, орнаментированные «решеткой».

Некоторое размежевание дает такая деталь конструкции, как внутренняя перегородка. Все кельты, найденные на территории Западной Сибири, имеют перегородки. В восточных предгорьях Урала встречаются орудия с перегородкой и без нее. При этом на иткульских памятниках отмечены кельты только без перегородки. Однако отрицать вероятность отливки городчатых кельтов иткульскими металлургами нельзя, т.к. эти орудия часто встречаются в окрестностях их поселений и, кроме того, на одном из иткульских памятников найдена литейная форма, в которой, меняя сердечники (цельные и со щелью), можно отливать обе конструкции. Трудно сказать сколь принципиальна была для конструкции кельтов такая деталь, как перегородка, но технология отливки этих вариантов орудия была разная.

Таким образом, проведенный анализ допускает производство валиковых кельтов в двух, вероятно, разнокультурных очагах или двух центрах одного очага: зауральском (иткульском) и западносибирском со своими, несколько своеобразными формообразующими и технологическими канонами. В зауральском могли отливать кельты без перегородки и, возможно, с ней, а из валиковых

орнаментов предпочитали «решетку» и валики, опущенные от втулки. В западно-сибирском центре кельты отливались с перегородкой и орнаментировались главным образом, взаимно-перпендикулярными непересекающимися валиками возможно, «решеткой». Если размежевание морфологических признаков фиксирует существование двух производственных центров, то общая форма кельто отсутствие строгой локализации вариантов, т.е. их взаимопроникновение, утверждает тесную связь этих центров.

Находят аналогии в иткульской коллекции и другие категории металлических вещей зауральских и западносибирских культур: ножи, котлы, петельчатые бляхи с плоским и полусферическим щитком, а также крестовидные с умбоном, проволочные украшения (подвески, серьги, кольца, браслеты), фигурки свернувшегося хищника, росомахи, птиц.

Заключая сравнительный анализ металлических вещей данного региона, подчеркнем, что полные аналогии в иткульском собрании находят небольшая воробьевская коллекция, байтовско-носиловская (исключая фигурки грифона), гамаюнская. Что касается гороховской и саргатской коллекций, то они представительнее других и содержат больше оригинальных форм, не имеющих иткульских аналогов. В гороховском собрании — это четырехлепестковые бляхи, зеркала с овальным ободком и штырем для насада, петельчатые серповидные бляшки, витые пронизки, а также упомянутые втульчатые и черешковые трехгранные наконечники стрел. В саргатской коллекции оригинальных вещей больше.

Как оговаривалось выше, наиболее верным индикатором прямых контактов могут служить формы, выработанные в местной среде. К числу металлических изделий, распространенных преимущественно в среде зауральских и западносибирских лесных и лесостепных культур и определенно являющихся предметом их взаимного обмена, следует отнести кельты, крестовидные бляхи с умбоном, фигурки росомахи, птиц. При этом, если исходить из численного соотношения и условий находок этих вещей, мы вправе предположить, что кельты, орнаментированные «решеткой», фигурки птиц и, возможно, росомахи относятся к характерным изделиям иткульского очага и в среде соседних культур появились как импорт или результат иткульского влияния.

Существование непосредственных контактов между носителями иткульской и других культур доказывается еще и совместным залеганием их керамики в стратиграфически неделимом слое на памятниках: поселение Мыс Толстик, городища Дальнее Багарякское, Андреевское VII, Красный Камень, Зотинское II (иткульская и гамаюнская), Шайдуриха, Иртяшское I (иткульская и гороховская), Носиловское II, площадка на г. Петрогром (иткульская и воробьевская).

Итак, согласно приведенным данным, культуры Зауралья и Западной Сибири VII—III вв. до н.э. — иткульская, носиловская, воробьевская, гороховская и ранняя саргатская — были тесно связаны, имели одну рудно-металлургическую и производственную базу, одни принципы технологии и формообразования металлоинвентаря. В этом регионе, очевидно, существовало некое сообщество, основу которого составляли генетически близкие иткульские, носиловские, воробьевские, байтовские племена. Внутри сообщества существовало разделение труда. Иткульские общины специализировались на металлургическом производстве и обеспечивали все сообщество необходимо-

димым сырьем и продукцией, что, впрочем, не исключало, а, вероятно, стимулировало появление на памятниках культур, смежных с иткульской, пунктов металлообработки. Например, примитивные формы металлообработки появились на гамаюнских поселениях (отливка в глиняных формах круглых накладок, бляшек). Несколько иначе обстояло дело на гороховских поселениях: сложившись позднее прочих на территории с развитой металлургией, со значительным участием южных компонентов, гороховские племена обладали большей самостоятельностью в производстве металлоизделий, чем другие соседи иткульских металлургов. Это особенно заметно в восточной части региона — в Притоболье, на памятниках с нерасчлененным саргатско-гороховским слоем. Присутствие на гороховских, особенно притобольских памятниках, остатков производства металла и металлических вещей, не имеющих иткульских аналогий, а также определенное своеобразие кельтов восточной части региона позволяет предположить, что в Притоболье функционировал очаг металлургии или только металлообработки. В настоящее время больше данных за второе. Очаг мог появиться в V—IV вв. до н.э. на базе гороховских гнезд металлообработки, которые будучи удалены от иткульского центра, были относительно автономны. Эта самостоятельность усилилась с проникновением в V в. до н.э. в Притоболье саргатского населения, имеющего свои связи и традиции. Учитывая слабую расчлененность саргатско-гороховских древностей, восточный центр можно определить как гороховско-саргатский. Оба очага — иткульский и притобольский — были связаны в единую систему, что придавало всему образованию особую стабильность. До IV—III вв. до н.э. доминирующее положение в этой связке занимал иткульский очаг, как поставщик руды, металла и, очевидно, значительной доли металлоизделий.

Связи иткульского очага с культурами южной зоны скифо-сибирского мира (скифами, савроматами, сарматами, кочевниками Южного Урала³ саками, тасмалинцами, большереченцами, тагарцами) фиксируются по ряду пунктов. Во-первых, это сходство металла. Для сравнения химико-металлургических групп мы располагаем данными по нескольким культурам: иткульской (700 анализов), ранних кочевников Урала (432), большереченской [3], левобережных скифов [5], тасмалинской [6]. Помимо того, в литературе есть упоминания о результатах анализов металла саков [6, 7], населения Алтая [6]. Хотя анализы выполнены одной методикой, но по разным причинам результаты их неравноценны. В частности, металл двух культур (кочевников Урала и большереченской) проанализирован с определением лишь металлургических групп. Для металла трех культур (скифской, тасмалинской, иткульской) определены химические и металлургические группы. Правда, для иткульской коллекции сделано лишь предварительное определение химических групп. При этом установлено, что подавляющая часть иткульских вещей отлита из металла группы ЗаУ, трудно отличимой от группы ЕУ. Поэтому выводы о химических группах иткульского металла, хотя и используются здесь, но неокончательны и требуют дополнительной переработки.

³ В тех случаях, когда используются работы К.Ф. Смирнова и ряда других исследователей населения Урала и Поволжья, в настоящей статье употребляется термин «савроматы». В остальных случаях используется термин кочевники Южного Урала.

Разная степень изученности материалов вообще делает результаты сравнительного анализа предварительными, носящими самый общий характер.

Сравнение иткульского и скифского металла показало, что по рецептуре они резко различаются: если 88,4% иткульских проб — из чистой меди, то у скифов этот показатель равен 4%, и одновременно на долю оловянистых и оловянисто-свинцовых бронз у скифов приходится по 46%; у иткульцев, соответственно, 4,1 и 1,9%. Иная картина складывается при сопоставлении химических групп. Установлено, что одним из трех источников скифского металла была Восточная группа месторождений. Наиболее близкая аналогия им — Еленовско-Ушкатинская (ЕУ) и, соответственно, трудно отличимые от них Зауральские (ЗаУ) месторождения. Группа ЗаУ является основной и для иткульского металла. На долю Восточной группы источников в скифской коллекции приходится от 24% в VI в. до н.э. до 36% в V в. до н.э. и 28% в VI в. до н.э.

Сравнение иткульской и южно-уральской коллекций можно проводить лишь по металлургическим группам. Наиболее диагностичными и обнадеживающими являются данные по группе чистой меди. На ее долю приходится 49,5% у Южно-Уральских кочевников и 88,4% у иткульцев. Показатели по остальным группам металла значительно различаются. Так, у южно-уральцев помимо чистой меди значительными были группы оловянистых (19,2%) и мышьяково-сурьмяных (22,9%) бронз, а в иткульской коллекции эти группы отсутствуют или доля их незначительна.

Из всех проанализированных коллекций юго-восточного региона скифо-сибирского мира наиболее полноценными и интересными для сравнения с иткульским металлом являются данные о коллекции тасмолинской культуры V—III вв. до н.э. При сопоставлении оказалось, что иткульский и тасмолинский металл близок по рецептурным и химическим группам: из чистой меди в тасмолинской коллекции отлито 87% вещей, из оловянистой бронзы — 3%; в иткульской коллекции эти цифры равны 88,4 и 4,1%. По химическому составу тасмолинский металл сопоставим с группой ЕУ, а следовательно и ЗаУ. Такое сходство позволило Н.Б. Барцевой сделать вывод о том, что производство оружия (90% тасмолинской коллекции — наконечники стрел скифо-савроматского типа) в этот период осуществлялось на городищах лесостепного Зауралья, типа Дальнего Багарякского городища, т.е. на памятниках иткульского металлургического очага.

Сопоставление иткульского металла с другими, спектрально изученными коллекциями этого региона — большереченской, сакской, алтайской — возможно лишь по рецептуре. Проведенное сравнение не дает серьезных оснований для сходства, если не считать таковыми тот факт, что в большереченской малочисленной коллекции на долю чисто медных приходится 9,3% вещей.

Таким образом, сравнение металла по химическим и металлургическим группам показало, что вполне доказательной и реальной является связь иткульского металлургического очага со скифами и кочевниками Южного Урала в VI—IV и особенно в V вв. до н.э., а также с тасмолинскими центрами Северного Казахстана в V—III вв. до н.э.

Вторым моментом, фиксирующим связи населения названных культур, является морфологическое подобие многих форм металлических изделий. Сравнение разнокультурных вещей-аналогов по количеству и условиям залегания показало, что

большая часть категорий сформировалась за пределами иткульского очага и появилась на его территории как импорт, а вернее, как заимствование формы. Примерно 10 категорий из этого корпуса не указывают на конкретные связи, т.к. будучи распространены по всей степной зоне, они могли попасть на территорию очага из любого его региона. К их числу отнесены: аккинаки или кинжалы с почковидным перекрестием, а также с овальным навершием и перекрестием в форме бабочки, медные наконечники стрел втульчатые трехлопастные и трехгранные с выступающей и внутренней втулкой; наконечники копий с гладким и эллипсоидным пером; плоские однолезвийные ножи без выделенного и с выделенным черенком; петельчатые зеркала с бортиком по краю; проволочные украшения в 1–1,5 оборота (кольца, серьги, подвески); браслеты из круглого стержня с разомкнутыми концами; фигурки свернувшегося хищника кошачьей породы, перстни с овальным пластинчатым щитком, котлы бокаловидные с полуovalными ручками.

Несколько категорий указывают на более конкретные источники образцов для иткульского производства. У скифов, савромат иткульские металлурги могли перенять форму аккинаков с навершием в виде когтя и глаза, у скифов — однолезвийные мечи и булавки с гладким и витым стержнем. Из юго-восточных очагов (саки, тасмолинцы Казахстана и Средней Азии, большереченцы, тагарцы Верхней Оби и Енисея) иткульские мастера могли позаимствовать форму черешковых трехлопастных наконечников стрел, петельчатых зеркал-блях без бортиков, гвоздевидных шильев, чеканов⁴.

Однако, в иткульском очаге не только копировали образцы скифо-сибирского сортамента. Несколько широко бытовавших категорий сформировались или могли сформироваться в результате конвергентного развития на территории очага и производиться здесь для внутреннего рынка и внешнего обмена. Это формы, имевшие прототипы в местных культурах, генетически предшествующих иткульской (межовской, бархатовской): наконечники копий, однолезвийные пластинчатые ножи, черешковые двуперые и втульчатые двулопастные наконечники стрел, петельчатые бляшки. К собственно иткульским, по результатам сравнения коллекций, отнесены фигурки птиц, ставшие предметом обмена со скифами и, возможно, колесики-подвески, получившие распространение у савромат.

Приведенные факты достаточно убедительно свидетельствуют о широких и разнообразных связях иткульских металлургов со степным населением. Судя по обилию и точности аналогий, а также сходству химических и рецептурных групп металла, иткульский очаг был источником сырья и готовых металлоизделий для кочевников Южного Урала, тасмолинцев Северного Казахстана, скифов, савромато-сарматов. Иные отношения связывали иткульский очаг с удаленными — тагарским, большереченским, сакскими — центрами в Казахстане, Средней Азии, верховьях Оби, Енисея. Морфологическую близость металлических вещей здесь логичнее объяснить определенным влиянием этих центров на иткульский очаг. Отсутствие непосредственных тесных контактов как будто подтверждает сравнение металла по рецептуре: у сакского, алтайского, большереченского она иная,

⁴ Металлических чеканов в иткульской коллекции нет, но есть фрагмент литейной формы предположительно для отливки этих орудий.

чем у зауральского. Однако нельзя исключить и прямые контакты иткульского населения с этой зоной, причем уже на этапе формирования иткульского очага; хотя бы уже потому, что ранняя иткульская керамика была найдена в Среднем Прииртышье, на памятниках красноозерской культуры, датированной IX–VII вв. до н.э. — Инберень VI, Усть-Логатское, Новотроицкое I [8, 9], а также на Верхней Оби, в культурном слое Большереченского могильника, бытовавшего в VII–VI вв. до н.э. [10, табл. XIX, 24, 32]. Прямые контакты или опосредованное влияние могли быть обусловлены общей олово-рудной базой в Восточном Казахстане, Алтае, Саянах. Иткульские металлурги, хотя и в ограниченном количестве, но все же получали от населения этих районов рудное сырье, легированный металл или бронзовые изделия на переплав.

Оценивая роль очага в целом, следует подчеркнуть следующее. При хорошей рудной базе, удобном географическом положении и удачной исторической конъюнктуре иткульский очаг, продолжая развивать местные традиции, синтезировал технико-технологические навыки и формообразующие идеи сопредельных лесостепных и степных культур. Универсальный потенциал очага соответствовал его роли в жизнедеятельности окружающего мира. Для большого круга скифо-сибирских культур, в разной степени для каждой, он играл роль сырьевой и производственно-технической базы. Так, для сообщества родственных и смежных культур на территории лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири (до р. Тобол) в период с VII по первую половину V в. до н.э. очаг был почти монопольным поставщиком меди и изделий из нее. При этом его деятельность стимулировала развитие металлообработки на этой территории, а в конечном итоге, возможно, и возникновение в V в. до н.э. металлообрабатывающего очага в Притоболье. В этом же качестве, но уже не монопольно, он выступает для населения Южного Урала, Северного Казахстана, савромат, аланоинцев и в какой-то степени для скифов. Для двух последних роль очага сводилась, главным образом, к поставкам металла, руды. Иные отношения связывали иткульский очаг с удаленными юго-восточными центрами. Саяно-Алтайский регион интересует иткульских металлургов как источник лигатуры. Однако по ряду причин (удаленность, отсутствие у иткульского населения эквивалента для обмена и др.) связи были нерегулярными, неустойчивыми. Отсюда скучность лигатуры и бронзовых изделий в иткульском очаге. С северными, хорошо исследованными таежными культурами, в частности, с кулайской иткульский очаг имеет мало общего. Аналогии вещам весьма приблизительные, различается и сам металл. По данным спектрального анализа основная часть кулайских металлических изделий во всех культурных вариантах отлита из бронзы — оловянно-мышьяковой и оловянно-мышьяково-сурьмяной. Иткульская же коллекция на 90% состоит из медных изделий.

Таким образом, можно констатировать, что иткульский очаг, имея ярко выраженную лесостепную и степную ориентацию, принадлежал кругу скифо-сибирского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дисс....канд. ист. наук. М., 1997.

2. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
3. Бельтикова Г.В., Кузьминых С.В. Цветная металлургия Урала в I тыс. до н.э. Архив лаборатории естественно-научных методов ИА РАН.
4. Галибин В.А., Матвеева Н.П. Спектральный анализ цветного металла из Среднего Притоболья // Актуальные проблемы западносибирской археологии. Новосибирск, 1989.
5. Барцева Н.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.
6. Барцева Н.Б. Цветной металл из Среднего Приишмия // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.
7. Куэнцева Э.Ф. Состав металла наконечников стрел Казахстана сако-савроматского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
8. Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Памятники инберенского типа: О своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.
9. Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.
10. Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48.
11. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М., 1967.
12. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.

ITKUL CENTER OF METALLURGY: ORIENTATION AND TIES

The paper presents analysis of the ties of the East-Ural (Itkul) center of copper metallurgy with a wide range of cultures located in the area between the rivers Kama and Ob, in the forest, forest-steppe and the steppe zones. The ties were registered by the technological, morphological and stratigraphic characteristics. After establishing the existence of contacts attempts were made to define the typological features and the role of each culture in the formation of the types of the pieces.

G.V. Beltikova

Таблица

Сравнение разнокультурных вещей — аналогов по количеству и условиям залегания

САВРОМАТЫ		СКИФЫ		НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ		АНАНЬИНСКАЯ							
ТРЕХЛОНГАСТНЫЕ													
ПРИБОРЫ /													
БСЕРО	Мортильники Ктулхи	Мортильники Ктулхи	Мортильники Ктулхи	Мортильники Ктулхи	Мортильники Ктулхи	Мортильники Ктулхи	БСЕРО						
MC2,4/V	2/0	0/3	0	0/2	3/5	MC2,4/T4	2/0						
MC6/IB(2,3,6)	1/1	0/7	0	1/8	MC6/II,1,в2	1/2	0/129						
MC8,10/VIA,В,Г	2/4	0/29	0	0/18	28/851	MC8,10/II,3,в1-3,6	28/3						
MC12/IXA	2/0	0/295	0	0/4	2/299	MC12/II,3,в7,8	2/0						
MC14/VIB	1/0	0/13	0	0/1	1/14	MC14/II,10,в1-3	1/1						
MC15/XI	1/0	0/28	0	0/1	1/29	MC15/*	1/2						
MC16/XII	2/20	0/372	0	0	22/372	MC16/II,6,в2	22/1						
MC18/XIII	6/0	0/114	0	0	6/114	MC18/II,6,в1	6/0						
MC19/III	2/0	0/26	0	0	2/26	0	0						
MC20/VII	1/0	0/5	0	0	1/5	MC20/II,1,в3	1/0						
ПРЕХИРАННЫЕ													
ПРИБОРЫ /													
MC21/IV	1/0	0/19	0	0	1/19	0	0						
MC22/VБ	2/0	0/40	0	0	2/40	0	0						
MC24/IV	2/0	0/5	0	0	2/5	0	0						
Мортильники Ктулхи													
ПРИБОРЫ /													
MC21/C56	1/1	0	0	0	0	MC21/C56	1/1						
MC22/C70	2/0	0	0	0	0	MC22/C70	2/0						
MC24/C66	2/1	0	0	0	0	MC24/C66	2/1						

Примечание: * — сравниваются неклассифицированные вещи; ** — литейные формы

Таблица (продолжение)

САВРОМАТЫ		СКИФЫ		АНАНЬИНСКАЯ	
		НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ			
		ТРЕХГРАННЫЕ			
иткульская /савроматы	Поселения	Могильники	Клады	Случайные находки	
MC25/ХХ	8/0	0/21	0	8/21	0
MC26/ХVIII	6/0	0/161	0	6/161	MC26/III, 7 в. 2
MC27/ХV	2/0	0/41	0	2/41	0
MC28/ХV	2/0	0/17	0	2/17	MC28/III, 7, в. 21
29/ХVI	1/0	0/3	0	1/3	MC29/*
MC30/ХV	7/0	0/3	0	7/3	MC30/III, 9, в. 7
ЧЕРЕНЧКОВЫЕ					
	0	0	0	0	MC34/CII12
	0	0	0	0	MC36/CII12
ИТОГ	97/5	0/2002	0	97/2033	ИТОГ
				80/11	0/2532
				0/3	80/2546
				ИТОГ	96/29
				0/515	0/1
				0/11	96/555

Таблица (продолжение)

ГОРОХОВСКАЯ		САРГАТСКАЯ		ВОРОБЬЕВСКАЯ		КАЗАХСТАН	
				НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ			
		ТРЕХЛЛОПАСТНЫЕ					
иткульская / гороховская	Поселения	Могильники	всего	иткульская / саргатская	Поселения	Могильники	всего
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
MC8/*	25/0	0/1	25/1	0	0	0	0
MC12/*	2/0	0/7	27	MC12/C7	2/0	0/2	22
0	0	0	0	0	0	0	0
MC16/C3	22/0	0/11	22/11	0	0	0	0
MC18/*	6/0	0/3	6/3	0	0	0	0
ТРЕХГРАННЫЕ							
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
MC26/*	6/7	0/17	6/24	MC25,26/C5	14/0	0/144	14/144
0	0	0	0	MC27,29/C4	3/0	0/16	3/16
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
ЧЕРЕПШКОВЫЕ							
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
MC36/*	1/0	0/1	1/1	0	0	0	0
ИТОГ	56/7	0/37	56/44	ИТОГ	48/0	0/174	48/174
					ИТОГ	6/1	6/1
						ИТОГ	36/1
						всего	0/69
						Случайные находки	0/19
							36/89

Таблица (продолжение)

СРЕДНЯЯ АЗИЯ		БОЛЬШЕРЧЕНСКАЯ		ТАГАРСКАЯ	
		НАКОНЕЧНИКИ СТЕКЛ		ТРЕХЛОПАСТНЫЕ	
и́ткульская / Средняя Азия	Поселения	Могильники	Случайные находки	и́ткульская / большереченская	Поселения
			всего		всего
				и́ткульская / тагарская	Поселения
					всего
					Могильники
					Случайные находки
					всего
MC24/*	3/15	0/18	0	3/33	0
MC6/*	1/9			1/9	0
MC8,10/*	28/35	0/12	0/9	28/56	MC8/*
MC 12/*	2/2	0/11	0/12	2/25	0
MC 16/*	22/43	0/5	0/8	22/56	MC16/*
MC18/*	6/7	0/5	0/5	6/17	0
MC20/*	1/14	0/1	0/7	1/22	0
ТРЕХГРАННЫЕ					
MC22/*	2/4	0	0	2/4	0
MC25/*	8/0	0	0/1	8/1	0
MC26/*	6/1	0/1	0/3	6/5	0
MC27/*	2/6	0/1	0	2/7	MC27/*
MC28/*	2/4	0	0	2/4	MC28/*
MC30/*	7/1	0	0	7/1	0
ЧЕРЕПШКОВЫЕ					
MC32/*	1/3	0/1	0	1/4	MC32/*
MC34/*	1/0	0/3	0	1/3	MC34,36/*
MC36/*	1/0	0/3	0	1/3	0
ИТОГ	93/144	0/61	0/45	93/250	ИТОГ
					ИТОГ
					58/0
					0/7
					0/30
					58/37

Таблица (продолжение)

Таблица (продолжение)

КАЗАХСТАН		СРЕДНИЯ АЗИЯ		БОЛЬШЕРЕЧЕНСКАЯ		ТАГАРСКАЯ	
иткульская / Казахстан		Поселения		Могильники		НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ	
		Случайные находки		всего			
иткульская / Средняя Азия	Поселения	Могильники	Случайные находки	иткульская / Средняя Азия	Поселения	Могильники	Случайные находки
			всего				всего
0	0	0	0	HK2/*	0/1	0/1	1/1
0	0	0	0	Итог	0/1	0/1	1/1
МЕЧИ, КИНЖАЛЫ, АКИНАКИ							
*	1/0	0	0/3	1/3	0	0	0
*	0	0	1/1	1/1	*	0/1	1/0
Итог	1/0	0	1/4	2/4	Итог	0/1	0
КЕЛЬТЫ							
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
MH2/*	4/0	0/3?	0	4/3	MH2/*	4/1	0/4
MH4/*	0	0/3	0	0/3	0	0	0
MH6/*	0	0/3	1/0	1/3	MH6/*	0/1	0/1
MH8/*	1/0	0/1	0	1/1	MH8/*	1/0	0/2
MH18/*	0	0/1	0	0/1	MH18/*	15/1	0
Итог	5/0	0/11	1/0	6/11	Итог	20/4	0/3
НОЖИ							
MH2/*	4/0	0/3?	0	4/3	MH2/*	4/1	0/4
MH4/*	0	0/3	0	0/3	0	0	0
MH6/*	0	0/3	1/0	1/3	MH6/*	0/1	0/1
MH8/*	1/0	0/1	0	1/1	MH8/*	1/0	0/2
MH18/*	0	0/1	0	0/1	MH18/*	15/1	0
Итог	5/0	0/11	1/0	6/11	Итог	20/4	0/3
Итог							
иткульская / большереченская	Поселения	Могильники	Случайные находки	иткульская / тагарская	Поселения	Могильники	Случайные находки
			всего				всего

Таблица (продолжение)

АНДЫНСКАЯ		ГОРОХОВСКАЯ		САРЛАТСКАЯ		БАЙТОВО, НОСИЛОВО	
				КЕЛЬЫ			
иткульская / ананьинская		Поселения		Могильники		Случайные находки	
						всего	
K2/КАН12	0/1	1/0	1/1	0	0	0	0
K4/КАН10	2/0	0/1	0	2/1	0	0	0
K8/КАН42	0	0/1	2/1	K8/*	0	0/1	2
0	0	0	0	K10/*	0/1	0	(0/2)+1
0	0	0	0	0	0	2	(0/1)+1
0	0	0	0	0	0	0	0
K18/КАН26,60	0/1	0/32	2/6	2/39	0	0	0
K22/КАН72, 82, 84	1/4	0/7	3/11	4/22	0	0	0
K24/КАН8	0	0/1	1/2	1/3	0	0	0
K28/КАН10	0	0/1	1/0	1/1	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
K36,38/КАН4	1/0	0/5	1/0	2/5	0	0	0
K20, 40/КАН 22, 76	3/0	0/8	2/2	5/10	0	0	0
K44/КАН 92, 94, 100	0/3	0/18	1/0	1/21	0	0	0
Итог	7/8	0/75	14/22	2/1/105	Итог	0/1	0/1
					Итог	0/2	2
						(0/2)+2	Итог
						2/1	0/1
						9	(29)+2

Примечание: 1 — Здесь и далее целым числом обозначены вещи без определенной культурной привязки

Таблица (продолжение)

ИТКУЛЬСКАЯ / ГАМАЮНСКАЯ		ГАМАЮНСКАЯ		КАЗАХСТАН		ЗЕРКАЛА		СРЕДНИЙ АЗИЯ									
Поселения	Могильники	Клады	Случайные находки	всего		Поселения	Могильники	Клады	Случайные находки	всего		Поселения	Могильники	Клады	Случайные находки	всего	
				иткульская / Казахстан	иткульская / Средняя Азия					иткульская / Казахстан	иткульская / Средняя Азия					иткульская / Казахстан	иткульская / Средняя Азия
3/2*	10/2	1/0	1/0	15	(12/2)+15	3/2*	10/0	1/13	1/0	15/0	27/0	3/2*	10/0	1/2	1/0	15/0	27/2
0	0	0	0	0	0	3/4*	0	0/2	0	1/0	1/2	3/4*	0	0/4	0	1/0	1/4
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3/6*	0/1	0/6	1/0	0/1	1/8	
Итого	10/2	1/0	1/0	15	(12/2)+15	Итог	10/0	1/5	1/0	16/0	28/5	Итог	10/1	1/12	2/0	16/1	29/14
МЕДНЫЕ ШИЛЫ																	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	МШ4*	1/2	0	0	0
0	0	0	0	0	*	1/0	0	0	0/2	1/2	*	1/0	0	0	0	0	1/2
КОТЛЫ БОКАЛОВИДНЫЕ																	
0	0	0	0	0	0	*	0/2	1/0	1/0	2/2	*	0	0/2	1/0	1/0	1/0	2/2
ХИЩНИК, СВЕРНУВШИЙСЯ В КОЛЬЦО																	
0	0	0	0	0	0	*	0/2	1/0	1/0	2/2	*	0	0/2	1/0	1/0	1/0	2/2
ПРОВОЛОЧНЫЕ, В 1-1,5 ОБОРОТА СЕРЬГИ, КОЛЫЦА, ВЫСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ																	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	*	2/3	0/4	0	0	0	2/7
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	*	1/0	0/6	0	0	0	1/6
БРАСЛЕТЫ																	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	*	1/0	0/1	0	0	0	1/1
ПЕРСТИНИ																	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	*	1/0	0/1	0	0	0	1/1

Таблица (продолжение)

БОЛЬШЕРЕЧЕНСКАЯ				ТАГАРСКАЯ			
иткульская / большереченская		иткульская / тагарская		иткульская / тагарская		иткульская / тагарская	
Поселения		Поселения		Могильники		Могильники	
Клады		Клады		Случайные находки		Случайные находки	
всего		всего		всего		всего	
ЗЕРКАЛА				ЗЕРКАЛА			
3/2/*	10/12	1/15	1/0	15/0	27/27	3/2/*	10/0
0	0	0	0	0	0	3/4/*	0
0	0	0	0	0	0	3/2, 3/4/*	0
0	0	0	0	0	0	итог	0/158
0	0	0	0	0	100	1/158	1/5
0	0	0	0	0	0	3/2/*	0/300
0	0	0	0	0	0	0/5	0/1
итог	10/12	1/15	1/0	15/0	27/27	итог	0/305
МЕДНЫЕ ШИЛЫ				МЕДНЫЕ ШИЛЫ			
МИ 4/*	1/2	0	0	0	1/2	МИ 4/*	1/0
0	1/3	0	0	0	1/3	0/3	0
КОТЛЫ БОКАЛОВИДНЫЕ	0	1/3	0	0	1/3	0/3	1/3
ЧЕКАНЫ				ЧЕКАНЫ			
0	0	0	0	0	0	1 **/0	0/20
0	0	0	0	0	0	0/57	1/77
ФИЛУРКА ХИЩНИКА, СВЕРНУВШЕСЯ В КОЛЬЦО				ФИЛУРКА ХИЩНИКА, СВЕРНУВШЕСЯ В КОЛЬЦО			
0	0/2	0	1/0	1/0	2/2	0	0/3
0	0	0	0	0	0	1/0	1/13
0	0	0	0	0	13/0	0/2	10/0
ПРОВОЛОЧНЫЕ В 1-1,5 ОБОРОТА СЕРЬГИ, КОЛЬЦА, ВЫСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ	0	2/0	0/14	0	2/14	0	0
БУЛАВКИ С ВИННЫМ СТЕРЖНЕМ				БУЛАВКИ С ВИННЫМ СТЕРЖНЕМ			
0	0	0	0	0	0	1/0	0
0	0	0	0	0	0	0/1	1/1

Примечание: 1 — по Н.В. Членовой [11]; 2 — по А. Мартынову [12].

Таблица (продолжение)

САВРОМАТЫ			СКИФЫ			АНДЫНСКАЯ			ВОРОБЬЕВСКАЯ			
									НОЖИ			
иткульская / савроматы			Могильники			иткульская / скифы			Могильники			
всего	иткульская / ананинская	Поселения	всего	иткульская / воробьевская	Могильники	всего	иткульская / воробьевская	Поселения	всего	иткульская / воробьевская	Поселения	
всего	иткульская / ананинская	Поселения	всего	иткульская / воробьевская	Могильники	всего	иткульская / воробьевская	Поселения	всего	иткульская / воробьевская	Поселения	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	4/1	0/2	0	
MH4/**	1/0	0/1	0	0	1/1	0	0	0	MH2/H14	0/1	1/0	
MH6/**	5/0	0/2	0	0	5/2	0	0	0	MH4/H8	0/1	1/2	
MH8/**	1/0	0/1	0	0	1/1	0	0	0	0	0	0	
Итог	7/0	0/4	0	0	7/4	0	0	0	MH8/H6	1/0	0/2	
									Итог	5/2	0/3	
ЗЕРКАЛА												
3/4/**	0	0/3	0	1/0	1/3	3/4/**	0/6	1/2	1/8	3/4/*	0/4	
3/6/**	0	0/5	1/0	0	1/5	0	0	0	0	0	0	
Итог	0	0/8	1/0	1/0	2/8	Итог	0/6	1/2	1/8	Итог	0	0/4
*	1/0	0/1	0	1/1	0	0	0	0	1/0	1/4	0	
ПЛОСКИЕ ШИРОКИЕ ТЕСЛА												
0	0	0	0	0	0	0	0	0	?Г4	4/0	0/4	
										4/4	0	
ВТУЛЬЧАТЫЕ ДОЛОПА												
0	0	0	0	0	0	0	0	0	?Г2	2/1	0/1	
										2/2	0	
КОЛЕСИКИ-ПОДВЕСКИ												
Y22/*	0/1	0/6	0	0	7/7	0	0	0	0	0	0	
Y26/28/*	5/0	0/2	0	0	5/2	0	0	0	0	0	0	

Таблица (окончание)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ШУВАКИШСКОГО ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ЗАВОДА НАЧАЛА XVIII в.¹

Следы Шувакишского завода были обнаружены на северо-западной окраине г. Екатеринбурга, на правом берегу ручья, вытекающего из озера Шувакиш и впадающего в р. Пышму. Берега ручья сближаются здесь до 30 м и достигают высоты 4–5 м, представляя единственное удобное для постройки плотины место. От плотины по обоим берегам сохранились слабовыраженные участки насыпи шириной 10–15 м. На левом берегу земляная насыпь более заметна, достигая длины 8 м. Выше плотины — следы небольшого заводского пруда шириной 50 м и длиной 100–150 м. Ниже по течению на правом берегу ручья находилась производственная площадка. В настоящее время — это залесенный участок с заметными на поверхности возвышениями и неглубокими впадинами (рис. 1). В 1991 г. на береговом склоне были обнаружены характерные остатки сыродутного железоделательного производства.

Раскопки, проведенные в 1992–1993 гг. (раскоп I), в 1999 г. (раскоп II) и в 2000 г. (раскоп III), вскрыли большую часть заводской площади — 624 кв. м.² Все раскопы имели единую буквенно-цифровую сетку координат и нивелировку.

Раскоп I площадью 420 кв. м, состоящий из 105 участков 2 × 2 м (A–Y/6–16), был разбит в восточной части памятника наиболее удаленной от плотины. Он закладывался на участке, где в обнажении берега были обнаружены следы металлургического производства, а в 40 м к югу на поверхности прослеживалась впадина глубиной около 0,7 м (рис. 2). Первоначально раскопки начались в этой части памятника и в дальнейшем перемещались в западном направлении к плотине, поэтому двухметровые участки раскопа марковались с юга на север буквами арабского алфавита, а с востока на запад арабскими цифрами. Линии квадратов 1–5 раскопа не вскрывались, но были размечены до предполагаемого восточного края заводской площадки — проселочной дороги. В раскопе обнаружены следы жилого и производственного сооружений, двух рвов, скопления руды и шлака.

Стратиграфия проста: 10–15 см слой дерна, ниже слой темно-серого суглинка такой же мощности, насыщенный вкраплениями угля и металлургическими остатками, под ним 5–10 см слой темно-коричневой глины с находками керамики раннего железного века, который покоялся на материковой глине желто-коричневого цвета.

Жилище 1 отмечено на участках A–B/6–8 на месте впадины, послужившей одним из ориентиров при разбивке раскопа (рис. 2). Во время раскопок удалось

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 00-06-80315.

² Кроме следов производства начала XVIII в. здесь был открыт комплекс находок, относящихся к раннему железному веку, и изделия середины — второй половины XX в. Современные остатки не исследовались, а древним находкам будет посвящена отдельная публикация.

зарегистрировать только северную часть сооружения. Южная сторона осталась нетронутой из-за лежащего на этом месте штабеля бревен. Вскрытая часть сооружения представляла собой котлован землянки, вытянутый по линии север — юг. При углублении он сужался и на глубине -1,60 м принял довольно четкие прямоугольные очертания. Длина вскрытой части котлована достигала здесь 5,6 м, ширина около 2 м, а предельная глубина -1,95 м. Севернее контуров землянки сохранился выброс коричневой материковой глины, образовавшийся при рытье котлована. На глубине 1,2 м в восточной части зафиксированы контуры бокового ответвления (входа), достигавших ширины 0,8—1 м. Котлован сооружения был заполнен темным суглинком, обильно насыщенным остатками человеческой деятельности. Здесь найдены гончарная керамика, металлические изделия, гвозди, оплавленные обломки стеклянной посуды зеленого и синего цвета. В северной части у пола обнаружено скопление досок разных размеров, а в южной — скопления камней и мелких фрагментов дерева. Наиболее крупная из досок имела размеры 115 х 14 х 2 см. Хаотичное расположение предметов не позволило пока определить их принадлежность к какой-либо части конструкции постройки.

Сооружение 1. Центральным местом раскопок стало исследование сооружения 1 на участках Р—У/6, определенного нами как остатки плавильного амбара (домницы). От стен амбара, который находился в наиболее удаленной от плотины восточной части заводской площадки на краю откоса, осталось только обгоревшее бревно нижнего венца южной боковой стенки. Во внутреннем пространстве домницы, в южной ее части, сохранилось основание сыродутной печи с выплавленной, но так и не извлеченной крицей. В северной части разрушенного помещения зафиксировано обширное пятно прокаленного грунта (120 x 80 см), указывающее, скорее всего, на существование здесь ранее второй печи, чем на следы пожара, уничтожившего домницу (рис. 2).

Контуры и размеры амбара прослеживаются с трудом. Если от южной боковой стенки сохранилось обгоревшее бревно, то противоположный край определялся по границе прокала, кучкам шлака с внешней стороны стены и пятну истлевшего опорного столба. Очевидно, постройка не являлась бревенчатым срубом, а была построена «в заплот». Каких-либо следов деревянных конструкций в передней и задней частях сооружения не обнаружено, возможно, их и не было. Тем не менее, ширину домницы можно примерно определить по размерам печи и длине бревна боковой стенки. Размеры плавильного амбара составляли около 6 м в длину и 2—2,2 м в ширину. Сохранился и один фрагмент доски (плахи), вероятно, являвшейся элементом перекрытия домницы. С наружной части (сверху) плаха истлела, но изнутри (снизу) она была сильно обуглена. Это указывает на то, что постройка сгорела изнутри.

При вскрытии этого участка после снятия дерна открылся слой обожженной глиняной обмазки мощностью до 30 см, образовавшийся после разрушения горна. Печь имела округлую форму. От нее остались контуры северной части стенки толщиной 60 см и нескольких разрушенных кирпичей высотой в два ряда. Кирпичи находились на плоском камне размером 42 x 27 x 4 см, используемом в качестве фундамента. На грунте с обеих сторон стенки фиксировалась глиняная обмазка печи толщиной до 5 см, содержащая измельченный огнеупорный тальк.

Оплавленные кирпичи размером 27 x 16 x 6 см лежали вдоль направления стенки в два ряда. У лицевой части горна, где осуществлялось извлечение крицы, находился камень, через который с помощью лома поддевали и извлекали слиток. Задняя часть печи была глиновитной без признаков кирпичной кладки. Контуры стенки здесь не выявлены, но они, очевидно, проходили по границе откоса. В центре печного развала сохранилась выплавленная, но не извлеченная крица. Среди остатков были обнаружены обломки верхней кромки печи (рис. 4, 58), а также кусок обмазки внутренней полости горна, имевшей грушевидную форму.

Скопления руды 1–3. Вблизи сооружения 1 в квадратах М–О/6 и в квадратах П–Р/7–8 открыты 2 подготовленных для плавки скопления железной руды. Скопление 1 находилось у края раскопа и вскрыто частично. Оно округлой формы, диаметром около 3 м. Скопление 2 округлой формы, диаметром более 4 м. Толщина слоя рудных куч, состоящих из кусков бурого железняка размером 5–15 см, около 30 см. Еще одно небольшое рудное скопление размером 2 x 1,5 м обнаружено в квадратах П/13–14.

Скопление шлака. В 6 м к западу от домницы в квадратах Р–С/10–11 расчищено значительное скопление производственных остатков, насыщенное обломками фурм, криц, шлака, диаметром более 4 м и мощностью до 45 см.

Ров 1. К югу от домницы в квадратах К–Л/7–8 на поверхности просматривалось углубление шириной более 3,5 м, которое заканчивалось в середине раскопа и внешне напоминало оборонительный ров. При вскрытии до его нижней точки (-160 см) было выявлено, что вся поверхность углубления подвергалась сильному воздействию огня. На отдельных участках «рва» сохранились обугленные остатки выстилающей его конструкции, состоящей из продольно лежащих бревен. Судя по стратиграфии, данный «ров» прорезал слой раннего железного века и вряд ли мог относиться к древнему периоду.

Ров 2. Углубление, вытянутое с северо-востока на юго-запад шириной до 180 см, напоминающее ров, четко просматривалось на поверхности в квадратах С–У/10–13. В раскоп попала его южная часть длиной около 7 м. В плане не обнаружено следов каких-либо конструкций, а в профиле представлена стратиграфия, сравнимая с межжилицкой. Слой раннего железного века не потревожен.

Сооружение 2. Его следы зафиксированы в квадрате С/14. На этом месте сохранилось прямоугольное пятно размером 2,1 x 1,2 м, толщиной 7 см, насыщенное углем и сгоревшими деревянными фрагментами. Принадлежность и назначение сооружения установить не удалось.

Раскоп II площадью 100 кв. м (участки Р–Ф/30–34), заложен на месте оплавившей впадины (диаметром около 4 м и глубиной 0,8 м), обнаруженной в 30 м к юго-востоку от остатков плотины. При ее раскопках открыты остатки жилой постройки (жилище 2).

Стратиграфия жилища 2 следующая: 20 см слой дерна, ниже которого обнаружен 35–40 см слой темного рыхлого суглинка, заполнившего котлован и насыщенного остатками человеческой деятельности (угли, доски, кости, куски кирпича и шлака). Под ними находился 40–50 см слой обломков кирпича и камней, а еще ниже 10–15 см

прослойка коричневой глины. Все эти культурные напластования образовались на материке — дресве с линзами желто-коричневой глины (гл.-170—180 см).

В процессе раскопок на глубине -105 см котлован жилища принял форму близкую к квадрату со стороной около 6,5 м, сохранявшуюся до гл.-135—150 см. В его восточной части сохранились участки обгоревшей горизонтальной бревенчатой обкладки стенок. В центральной части ямы (гл. -120—145 см) отмечено скопление битого кирпича, а в квадратах Т—У/32—33 — крупные камни, выложенные на протяжении 3 м в линию, параллельную стенке котлована. Очевидно, это все, что осталось от русской печи, где камни являлись ее фундаментом. В печном развале среди прямоугольных кирпичей встречались и обломки кирпичей нетрадиционной формы (рис. 6, 14). Следует отметить, что у жилищного котлована практически отсутствовали отвалы. Это натолкнуло на мысль о засыпке извлеченной дресвы в клети плотины.

Раскоп III площадью 104 кв. м (участки Ф—Ш/35—40), разбит вблизи плотины на крутом склоне берега, у северо-западного края раскопа II. В этом месте сохранились слабые очертания дороги, когда-то проходившей через плотину. При раскопках никаких следов сооружений, кроме отвалов бытового мусора с жилой площадки, не обнаружено. Поэтому в статье продемонстрированы только вещественные находки.

Описание материала

К наиболее массовым находкам из раскопа I, где находилась производственная площадка, можно отнести остатки сыродутного производства: фрагменты шлака, криц, руды, технической керамики (фурм, обмазки), бытовой керамики из землянки, а также куски железа не установленного назначения. Категория массовых находок из раскопов II и III, где находилось жилое помещение, несколько отлична. В ней практически исчезают предметы металлургического производства, но преобладают кости животных, обломки кирпичей, посуды.

Техническая керамика

Для подачи воздуха в печь использовались глиняные одноразовые фурмы, которые в документах XVII в. называли «трубками». Они вмуровывались в стенки печи, и воздух через них подавался только в процессе одной плавки. При выемке крицы обломки фурм выбрасывались, и поэтому они — частые находки в культурном слое. Та часть, которая выступала с внешней стороны печи, имела широкое конусовидное отверстие под сопло мехов и лучшую сохранность. Противоположная сторона трубок, находившаяся внутри печи, как правило, сильно оплавлена. Судя по сохранившимся фрагментам, длина фурм достигала 35 см, толщина стенок — 3 см, внешний диаметр — 12 см. На рис. 4, 60—64 представлены фрагменты различных участков фурм круглой, овальной и квадратной форм. В большинстве же обломки имели квадратные или прямоугольные внешние контуры с закругленными углами. Выходящее в печь отверстие имело диаметр около 3 см. Такой же размер был у застывшего в форме шлака (рис. 4, 67).

Это единственная на Шувакицком заводе находка куска шлака в виде стержня в отличие от немалого их количества в культурном слое Невьянского рудного железного дела. Возможно, это явление — один из показателей качества сырья и режима плавки.

Среди скопления шлаков (уч. Р/12, гл. -65 см) хорошо сохранился образец из трех фурм, объединенных вместе (рис. 4, 57). Такая конструкция указывает на особенности подачи воздуха, применявшейся в печах довольно крупного размера. Фурмы прямоугольной формы с закругленными углами, размером 9 x 12 см. Длина сохранившейся части 21 см. Внешняя часть отверстия, куда вставлялось сопло, обколото. Оно овальной формы, 4 x 5 см. Толщина стенок из-за прямоугольной формы образца неоднородная — 2 см и 3 см.

В развале печи встретились два фрагмента верхней кромки печи шириной 5—6 см (рис. 4, 58—59). Измерение их изгиба дало возможность определить внутренний диаметр загрузочного отверстия (колошника), достигавшего 36 см. С учетом толщины кромок внешний диаметр верхней части печи был около 46 см.

Обломки кирпичей, использовавшихся при строительстве бытовых и производственных печей, — одни из наиболее массовых находок. Их обычные габариты — 27 x 16 x 6 см, хотя встречались и единичные экземпляры других размеров и форм. Вот некоторые из них. Оплавленный фрагмент кирпича, обнаруженный в скоплении шлаков. Размеры сохранившейся длинной части — 12 см, торца — 10 x 9 см (рис. 3, 1). Обломок кирпича с выступом. Размер сохранившейся части — 13 x 9 см при толщине 5 см (рис. 4, 54). Кирпич необычной формы и размеров из развода русской печи: длина сохранившейся части — 47 см, ширина более 17 см, высота — 11 см (рис. 6, 14).

Бытовая керамика

Является одной из массовых категорий находок. Она представлена более чем 170 фрагментами, найденными, главным образом, в заполнении землянки (постройка 1). Посуда изготовлена на гончарном круге, плоскодонная, мореная, темного цвета. Основной ее тип — горшок или корчага с диаметром горльшка 16—20 см и толщиной стенок 7—10 мм. Профили венчиков разнообразны (рис. 4, 22—48). Наряду с обломками типовых керамических сосудов в заполнении землянки открыты единичные образцы фрагментов ручек (рис. 4, 51—52), донышка стакана с волнообразными стенками (рис. 4, 53). В раскопе III обнаружены отличающиеся экземпляры посуды: тарелка красновато-коричневого цвета, покрытая поливой, высотой 4 см и размером дна 14 см (рис. 7, 6), чашка из серой глины с отогнутыми внутрь стенками высотой 5,5 см и диаметром дна 13 см (рис. 7, 7), часть глиняного стакана красно-коричневого цвета с размером дна 7,5 см (рис. 7, 8).

Изделия из металла

К наиболее массовым находкам из железа можно отнести различные куски металла неопределенного назначения (рис. 4, 9—11, 17—18; 6, 13), гвозди различных размеров (рис. 4, 3—8; 6, 9—12). На месте домницы обнаружены две

крицы. Одна из них окружной формы диаметром 42–44 см, толщиной 14 см и весом 29 кг выявлена в центре основания печи (уч. Р/6, гл. -78 см) (рис. 3, 2). Другая крица такого же размера находилась неподалеку — с внешней стороны сгоревшей стенки плавильного амбара. При раскопках также найдены:

— три кайла, использовавшихся при добыче руды. Первое — длиной 29 см (уч. Р/11, гл. -75 см) (рис. 1, 1), второе — длиной 30,5 см (уч. Х/38 гл. -185 см) (рис. 1, 2), третье — длиной 27 см (уч. Х/39, гл. -205 см) (рис. 1, 3). Все они внешне несколько отличаются друг на друга, а последнее, кроме того, имеет лопнувший обух;

- топор (рис. 7, 3);
- железное изделие (лемех?) длиной 47 см ножевидной формы с загнутым нерабочим концом и двумя крепежными отверстиями на лезвии (уч. Х/38 гл. -185 см). На рабочей кромке имеются зазубрины (рис. 7, 1);
- зубило длиной 16 см (рис. 4, 21);
- два ножа (рис. 4, 14; 6, 7);
- фрагменты чугунного котелка с ножками из землянки. На стенке нанесено клеймо «СПБ» (рис. 2, 3);
- 2 сапожные (рис. 6, 3–4), 3 лошадиные подковы (рис. 4, 20; 6, 1–2) и прочие металлические изделия.

Изделия из стекла

Два обломка стеклянной посуды с нанесенным на поверхности рифленым узором обнаружены в землянке. Один из них — зеленого цвета (рис. 4, 55), другой — бесцветный (рис. 4, 56). В «жилой части» заводской площадки выявлены еще два стеклянных изделия. Это — осколок венчика сосуда с прочерченным узором на поверхности, найденный на дне жилища 2 (рис. 7, 5), и фрагменты ограненного тонкостенного стакана высотой 10 см, встреченные в раскопе III (рис. 7, 4).

Следует заметить, что при датировке находок нельзя уверенно отнести все найденные предметы ко времени деятельности завода, за исключением остатков, относящихся к металлургическому производству. В большей степени эти сомнения относится к находкам из землянки в раскопе I и бытовым отвалам в раскопе III, т.к. пока не выявлялись сведения о существовании здесь населения с момента остановки предприятия до начала XX в. Не обнаружено аналогичных вещей в музейных коллекциях и редких публикациях, посвященных археологическому исследованию памятников поздних эпох.

Историческая справка

Одновременно с археологическим исследованием памятника проводился поиск сведений о заводе в письменных источниках.

Факт существования Шувакишского частного железоделательного завода отмечали известные исследователи истории металлургии Н.К. Чупин, Е.И. Заозерская, П.Г. Любомиров, А.А. Преображенский [1, с. 290; 2, с. 185; 3, с. 76; 4, с. 287]. Отрывочные сведения о работе этого предприятия удалось обнаружить лишь в выписках Н.К. Чупина, взятые им из утраченных ныне стол-

бцов Уктусского завода, а так же в некоторых делах фонда Уктусского завода и Уральского Горного правления, хранящихся в ГАСО [5].

Из документов удалось установить, что постройка завода «своим коштом» и последующая работа на нем сопровождались значительными трудностями и риском. За короткий срок сменилось несколько владельцев. Впервые о предприятии мы узнаем из указа тобольского губернатора Матвея Гагарина от 11 марта 1706 г. управляющему Уктусского завода Ивану Воинову. В нем говорится, что в 1704 г. «по указу Великого Государя и по указанной тобольской памяти московитин, тяглец Новомещанской слободы Ларион Игнатьев сын Мясников» построил малые «рукодутные» печки для плавки железной руды на ручье, который вытекал из Шувакишского озера и впадал в р. Пышму. И «велено было у Лариона с того железа брать десятый пуд в казну Великого Государя» [6]. В 1706 г. Л.И. Мясников сумел выплавить только 70 пудов кричного железа, но еще не начал его обработку. На момент указа завод не был достроен: «колесо водяное не навешено, ларь не построен и молот на топорице не насажен» [7]. Поэтому в тобольской администрации решили: пока не закончено строительство молотовой, брать с заводчика в качестве налога десятый пуд кричным, а не «чистым» железом.

В этом же году, не рассчитав силы, Ларион вместе с женой и заводом был отдан «в зажив головой» за долг в 300 рублей своему кредитору «московитину гостиной сотни» Степану Болотову [8]. С 1707 по 1709 гг. С. Болотов находился в Москве, в то время как Мясников (Игнатьев) [9] продолжал плавить по договоренности с ним руду на заводе. В 1708 г., в отсутствие С. Болотова, строитель и основатель завода Л.И. Мясников был убит «неведомыми людьми». Его жена Анна вышла замуж за арамильского крестьянином Терентия Данилова и все пожитки взяла себе, по ее словам, не ведая о сделке с С. Болотовым. Завод же она передала в аренду арамильскому крестьянину Алексею Чебыкину и кузнецу Ивану Чусовитину. Вернувшись из Москвы, С. Болотов подал жалобу в Тобольск из-за того, что на его Шувакишском заводе и из его руды плавят железо арамильские крестьяне. Возможно, тяжба с новыми арендаторами продолжалась до 1 июня 1710 г., когда на Уктусский завод прибежал А. Чебыкин и сообщил, что «набежали к заводу башкиры человек с 10 и больше и убили работников арамильских крестьян 7 человек, а коней и рогатый скот согнали без остатку» [10].

После нападения предприятие было восстановлено, им продолжал владеть С. Болотов, пока в 1712 г. не продал нижегородцу Ивану Леонтьевичу Маслянице. В период владения заводом И.Л. Маслянице, приказчиком у него был Ларион Болотов, очевидно, родственник С. Болотова. Не повезло и И.Л. Маслянице. Летом 1715 г. его убили беглые с Уктусского завода, среди которых оказался и пленный швед, а деньги и имущество разграбили. В конце 1715 г. Шувакишский завод, уже изрядно обветшавший, отдали плавильщикам-тулякам Андрею Мингалеву и Ермилову за 51 руб. [11]. Последним годом работы предприятия, скорее всего, стал 1716 г., когда последний владелец Михаил Пастухов привез на Уктусский завод кричное железо. Стоит обратить внимание на тот факт, что работавшие на заводе А. Мингалев, М. Пастухов и А. Чебыкин в различные периоды были молотовыми мастерами Уктусского завода [12].

Как отмечалось выше, на заводе организовали производство железа прямо из руды в малых печах. Для обработки криц с помощью гидроэнергии строились плотина и молотовая. Тем не менее, пока нет прямых указаний на то, что молотовая заработала. В 1706 г. колесо, ларь и молот еще не доделали, а к 1715 г. ларь отсутствовал и плотина была уже ветхой. Гик активности на предприятии, очевидно, был до башкирского нападения в 1708–1709 гг. В это время здесь упоминалось 4 молота больших, 2 молота малых и 4 мехов ручных. Н.К. Чупин и А.А. Преображенский считали, что упомянутые большие молоты были вододействующими [1, с. 291; 4]. Обследование местности не подтверждает эту гипотезу. Заводской пруд имел очень незначительную площадь поверхности — не более 1500 кв. м. Для сравнения, на Уктусском заводе, который строился большим числом людей и на средства государства, в 1720 г. от энергии воды действовали 4 молота, но плотина была в 5 раз длиннее и в 1,5 раза выше. Она образовывала несравненно больший пруд, и при этом каждый год ощущалась острыя нехватка воды. На этом заводе молоты находились в двух молотовых размерами 15 x 7 саженей и 12 x 8 саженей, в каждой из которых имелось еще и по 6 горнов для разогрева чугуна. Такие молотовые попросту не уместились бы в пойме ручья. Скорее всего, на Шувакишском заводе предполагалось установить только один молот, что сравнимо с мощностью крестьянских вододействующих заводов первых десятилетий XVIII в. в Кунгурском уезде.

Значительная часть кричного железа продавалась по установленной цене на Уктусский завод, где из него делали уклад, необходимый для производства инструмента. Сдача железа на заводы с Шувакиша упоминается в 1709 г., а из «Ведомости Уктусского завода» следует, что, начиная с 1704 г., кричное железо поступало на завод непрерывно, но в разных количествах. Но лишь о 1715 и 1716 гг. можно с уверенностью говорить, что оно поступало с Шувакишского завода. В 1715 г. 152 пуда сдал И. Л. Масляница, а в 1716 г. 94 пуда 20 фунтов поступило от М. Пастухова [13].

Сохранилось краткое описание заводского устройства 1715 г., которое может помочь при археологическом исследовании памятника. Из описания следует, что при заводе была «плотина, вышиною в 21 ряд, мерою три сажени поперек, вдоль 15 сажень, у которой стойки и столбы ветхи, одрябли, ларей нет, 6 клеток, а в клетках земли нет. Изба белая, под ней амбар и погреб, да изба черная, промеж ними сени и два чулана; еще две черные избы отдельные; амбар низменный, баня белая». Из заводских запасов имелось 20 пуд желеznой руды на пожоге, и 20 сажень дров на угольное жжение [14]. По описи 1709 г. при заводе упомянуты 3 быка и две коровы ценою в 6 руб, 20 пудов железных криц стоимостью 4 руб и 2 пуда сала на 1 руб [15]. На этом сведения из письменных источников исчерпываются.

Обобщив имеющиеся сведения из документов и данные археологических раскопок, можно с уверенностью утверждать, что обнаружены и исследованы остатки Шувакишского железоделательного завода. Это подтверждают: выбор места на единственном подходящем для строительства плотины участке ручья, наличие самой плотины, длина которой (31 м) совпадает с размерами (15 саж.) из письменных источников, а также характерные для сырорудного железоделатель-

ного производства остатки. Из упомянутых в описании завода построек раскопом II, очевидно, была обнаружена «изба белая, под ней амбар и погреб», вернее, оставшиеся от них котлован $6,5 \times 6,5$ м (3×3 саж.), и основание русской печи. После остановки завода все постройки были сожжены или разрушены естественным образом, производство здесь больше не возобновлялось, поэтому в земле неплохо сохранились заводские остатки начала XVIII в. В первую очередь, важно реконструировать устройство домницы и особенности производственного процесса, т.к. в России сыродутные заводы этого времени исследуются впервые.

Немного о старейшей технологии производства железа. До строительства домен в 40-х гг. XVII в. железо в России получали исключительно сыродутным (прямым) способом. Он существовал одновременно с доменным процессом до середины XIX в. В XVII в. способ получения железа прямо из руды назывался не плавкой, а «варкой» железа в «малых рукодутных печах». В XIX в. этот же процесс получил название кричного и сыродутного, как разновидность сварочного способа получения железа, в отличие от литья и горячего дутья, распространенного в то время в доменном производстве.

Археологические исследования последних десятилетий зафиксировали на территории страны немало древних и средневековых металлургических печей, принадлежавших различным народам и эпохам [16–19; 20, с. 196–215; 21–24].

Остановимся на эволюции русской сыродутной печи. В Древней Руси переход от ямных к наземным печам произошел около VIII–X вв. К этому времени печь сводчатой формы делалась из глины прямо на грунте. Верх имел широкое отверстие, через которое засыпалась уголь, руда и извлекалась крица. В стенке печи внизу имелось горизонтальное отверстие для пары фурм [22, с. 128]. Для новой плавки необходимо было вновь достраивать верхнюю часть, а иногда заново создавать все сооружение.

Более совершенная печь XII–XIII вв. обнаружена Б.А. Колчиным в Ленинградской области. Она больших размеров, а объем рабочей камеры составлял около 0,45 куб. м. При извлечении крицы разбиралась всего лишь часть стены. По письменным источникам в этот период в близлежащих районах продавались крицы весом до 3 кг. Этот же исследователь провел опытные плавки в экспериментальной печи, построенной по образцу древнерусской X–XIII вв., с внутренним объемом 0,13 куб. м. и имевшей отверстие для выпуска шлака. Из такой печи выходила крица не более 1,5 кг. На этом периоде сведения о древнерусских печах исчерпывались.

Следует отметить, что в изучении сыродутного процесса в России предпочтение отдавалось древней эпохе, а эволюция технологии в XV–XIX вв. практически не изучалась. В исторической литературе отражен закат этого производства в XIX в., когда наряду с внедрением доменного процесса в отдельных районах России продолжалось и производство кричного железа. Работа таких печей отмечалась в окрестностях Новгорода еще в 1861 г. Рост производительности труда осуществлялся за счет увеличения количества горнов (число их на некоторых заводах достигало 8, 12 и более), размера и внутреннего объема печей (вес выплавляемых криц в 1722–1725 гг. иногда достигал 4–5 пудов), продолжительности плавки. В 1803 г. в новгородских горнах непрерывность

плавки исчислялась сутками, а в 1861 г. — уже целыми неделями, что вело к удешевлению единицы продукции [25, с. 74]. Помимо этих нововведений росту производительности содействовали механизация дутья конной и водяной тягой.

Известный исследователь истории металлургии академик С.Г. Струмилин дал экономическую оценку длительному существованию сырорудных печей, которое объяснялось лишь незначительными техническими преимуществами первых доменных печей над лучшими ручными, например, каталонскими горнами. Старейшие немецкие и шведские домны XVII в. выплавляли 600—900 кг чугуна в сутки; лучшие каталонские горны Франции давали до 500 кг железа сырца. Лучшие тульские ручные домницы в 1720-х гг. давали до 60 пудов из 8 горнов в сутки, в то время как старейшая вододействующая домна на заводе боярина Л.К. Нарышкина плавила около 105 пудов, а липецкие домны в 2,5 м высотой давали не более 52 пудов в сутки [там же, с. 72]. Кроме того, при переплавке чугуна в железо потери достигали 30%. Решающим новшеством в появлении доменного производства являлись его более крупные масштабы и возможность любого расширения, что было успешно воплощено в XVIII в. на полноводных уральских реках. Чугуноглавильные заводы были очень дорогими и маловыгодными предприятиями для мелких заводчиков в Центральных районах России, и особенно дорогим её элементом была плотина.

Вместе с оценкой экономических возможностей сырорудного производства железа предпринимались попытки понять технические и технологические приемы повышения производительности. На протяжении многих веков этот способ получения железа принципиально не менялся, но в совершенствовании конструкции печей имелись общие тенденции повышения производительности труда. Это — увеличение рабочего объема камеры, переход от одноразовых рабочих камер к многоразовым, от ямных горнов к наземным, к принудительному дутью и выпуску шлака. По мнению академика Б.А. Рыбакова « дальнейшая эволюция сырорудной печи-домницы продолжалась по пути вытягивания её вверх для улучшения тяги, увеличения количества сопел и нахождения наиболее выгодного профиля внутренней части печи» [22, с. 131]. Остается добавить, что возрастили также размеры и объем печи, величина выплавленных криц, длительность и непрерывность варки железа, частота и количество плавок, число совместно работающих горнов. Эти тенденции сложно проследить из-за отсутствия данных о сырорудных печах в России в XV—XIX вв. Однако можно попытаться провести сравнительный анализ с характеристиками железоделательных печей других народов, населявших территорию современной России.

На Алтае в VI—X вв. рабочий объем плавильных камер достигал 1 куб. м (что сравнимо с уральскими сырорудными печами XVII — начала XVIII вв.), в то время как у древнерусских в XIII в. он был не более 0,45 куб. м. Это достигалось за счет принципиально нового устройства подачи воздуха, позволявшего строить значительно большие по объему печи. Новизна воздуходувного устройства состояла в том, что сопла устанавливались не внизу, а на высоте около 100 см. Количество сопел было доведено до 22, что позволяло поддерживать равномерный процесс горения на всех уровнях рабочей камеры [17, с. 64].

Подобные печи, датируемые XIV в., были обнаружены на городище Великие Болгары. Цилиндрической формы сыродутные горны были сложены из сырцового кирпича. Диаметр основания их составлял 80–110 см, высота 130–150 см, но в отдельных случаях она достигала 2–2,5 м. В стенках было обнаружено большое количество воздуходувных отверстий (от 2 до 26), расположенных без особой системы по окружности на разной высоте [16, с. 306]. Применение подобной разновидности воздуходувного устройства на городище Великие Болгары, приводило, по мнению авторов, к тем же результатам, что и на Алтае: получению железа, а не чугуна [17, с. 73].

Аналогичным изменениям, по нашему мнению, подвергались конструкции печей и в России. Материалы с Шувакишского завода заполняют пробел XVII–XVIII вв. в исследовании сыродутного производства в России. Увеличение внутреннего объема и высоты горна закономерно вело к тому, что конечным продуктом сыродутного процесса было не железо, а чугун, который при отсутствии навыка его обработки не мог применяться в кузнечной технике и по этой причине долгое время считался производственным браком. Выход из ситуации заключался в изменении конструкции воздуходувного устройства и увеличении количества сопел. На Невьянском рудном железном деле и Шувакишском заводе при раскопках обнаружены фурмы, объединенные пакетом по 3–4 сопла вместе (рис. 4, 57). В уральских печах середины XVII в. на Невьянском рудном железном деле и Тумашевском заводе крица весила около 1 пуда (т.е. была тяжелее средневековой новгородской крицы в 11 раз), а на Шувакишском заводе достигала 29 кг (больше в 20,7 раза).

На материалах раскопок Шувакишского завода можно представить общую производственную планировку, устройство сыродутной печи и плавильного амбара (домницы), в котором она находилась. На месте завода удалось выявить остатки двух жилых построек и домницы со следами 1 или 2 горнов. Размеры плавильного амбара, построенного «в заплот», достигали 6 м в длину и 2,2 м в ширину (примерно 3 х 1 саж.). Эти данные вполне сопоставимы с размерами домниц крестьянских заводов, действовавших в начале XVIII в. в Кунгурском уезде. Так, у крестьянина села Троицкого Якова Босунова имелся «плавильный амбар забран в заплот жердями к плавке железа», а у крестьянина деревни Опалихиной Микиты Связева «амбар еловый трех сажен, в нем для плавки железа печка, а снастей: 1 мехи, 1 клещи, 1 поварешка да туница железная» [26].

Сохранившиеся контуры плавильной печи определяют ее внешние размеры у основания около 1,7–2 м, при толщине кирпичных участков стены в 60 см. Внутреннее пространство горна, исходя из размера крицы, составляло не менее 0,5 м в диаметре и 0,75 куб. м рабочего объема. Высоту печи мы определили не менее 3 м по аналогии с печами Мазуевского завода, где в 1707 г. упоминались «два горна плавильных кирпичных высотой до уступа 4 аршина (2,88 м — Е.К.)...» [27]. Диаметр верхней части колошника составлял около 46 см. При раскопках был обнаружен только один участок стены, где использовалась кирпичная кладка с небольшим плоским камнем в основании. Большая часть печи была глинобитной. Снаружи и изнутри стены обмазывались 5–8 см слоем глины с оgneупорным наполнителем — примесью измельченного талька. Перед печью

сохранились три подготовленных для очередной плавки кучи руды, а чуть поодаль скопление производственных отходов.

Шувакишский завод просуществовал недолго, сгорел, был заброшен и забыт. В то время на небольших крестьянских предприятиях еще продолжали «варить» железо древним сыродутным способом. Из металла делали уклад и изготавливали высококачественный инструмент и сельскохозяйственные орудия. Недаром в начале XVIII в. при Уктуусском и Каменском доменных мануфактурах действовали небольшие сыродутные заводики — Шувакишский и другой, не имевший названия, которые поставляли на крупные предприятия кричное железо исключительно для производства уклада. Шувакишский завод стал первым сыродутным вододействующим заводом на территории Урала и Сибири. Его исследование дает возможность представить технический уровень предприятия за короткий отрезок времени, что окажет неоценимую услугу при археологических раскопках других промышленных памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

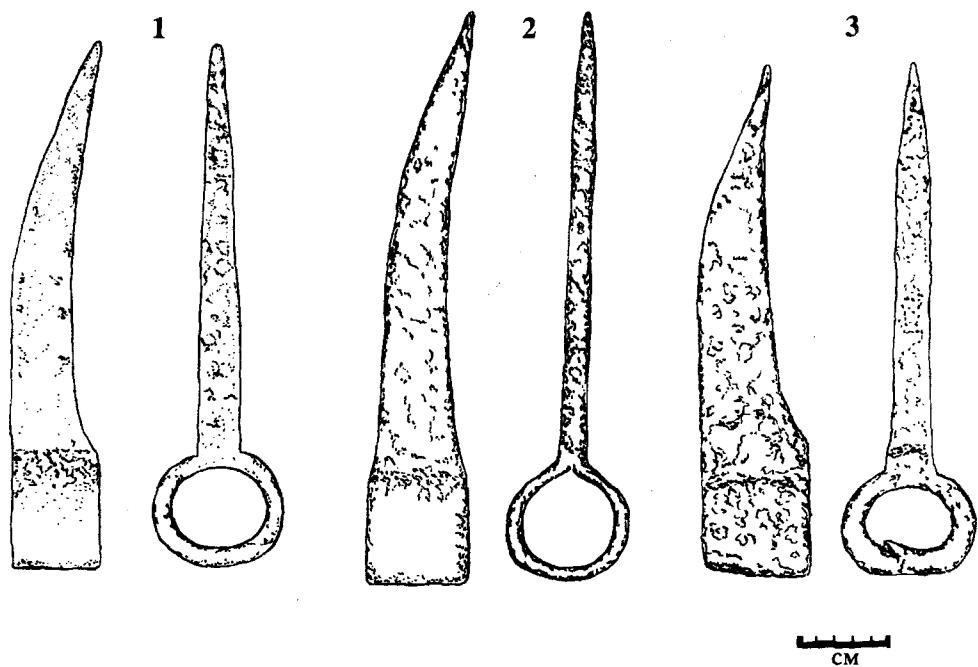
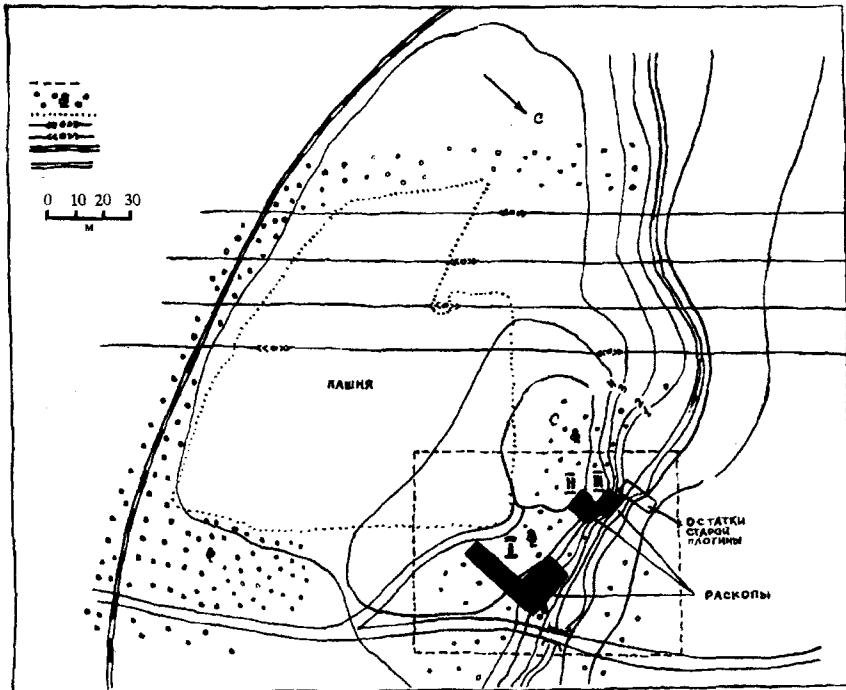
1. Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т.1. 1873.
2. Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.-Л., 1947.
3. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности в XVII — начале XIX века. Л., 1947.
4. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972.
5. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 154, 155. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 345—358.
6. Там же, Ф. 129. Оп. 1. Д. 154. Л. 11.
7. Там же, Ф. 129. Оп. 1. Д. 152. Л. 7.
8. Там же, л. 12.
9. Н.К Чупин, воспользовавшись столбцами Уктуусского завода, один раз приводит полные имена владельцев: Ларион Игнатьевич Мясников и Иван Леонтьевич Масляница, но в остальных списках мы встречаем владельцев, как Лариона Игнатьева и Ивана Леонтьева, где отчество употреблено в качестве фамилий.
10. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 152. Л. 13.
11. Там же. Л. 20.
12. Там же, Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 340 об.
13. ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 358.
14. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 154. Л.7.
15. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 152. Л. 35.
16. Ефимова А.И. Черная металлургия города Болгары. // МИА. 1956. № 61.
17. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнецкого ремесла древнего Алтая. Томск, 1988.
18. Колмогоров И.И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1965.
19. Колчин Б.А. Техника обработки металла в Древней Руси. М., 1953.
20. Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 196—215.
21. Ламан Н.К. Развитие техники обработки металлов давлением с древнейших времен до наших дней. М., 1990.

22. Рыбаков Б.А. *Ремесло Древней Руси*. М., 1948.
23. Сунчугашев Я.И. *Древняя металлургия Хакасии*. Новосибирск, 1979.
24. Яковлев В.Б. *Развитие способов производства сварочного железа в России*.
М., 1960.
25. Струмилин С.Г. *Очерки экономической истории России*. М., 1960.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 120, 121.
27. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Стб. 1065. Л. 69 об.

ARCHEOLOGICAL STUDY OF SHUVAKISH IRON WORKS OF THE EARLY 18th CENTURY

The paper gives an overview of the historical and archeological studies of the Shuvakish private iron works (1705–1716), the remains of which were found not far from Ekaterinburg. This was the first puddling works that operated water driven machines. The process development trends and technological modifications of smelting furnaces in the 17th-19th centuries are analyzed on the basis of new historical and archeological material.

E.A. Kurlaev

*Рис. 1. Схема местонахождения Шувакишского завода и расположения раскопов:
1–3 — железные кайла (1 — раскоп I, 2–3 — раскоп III).*

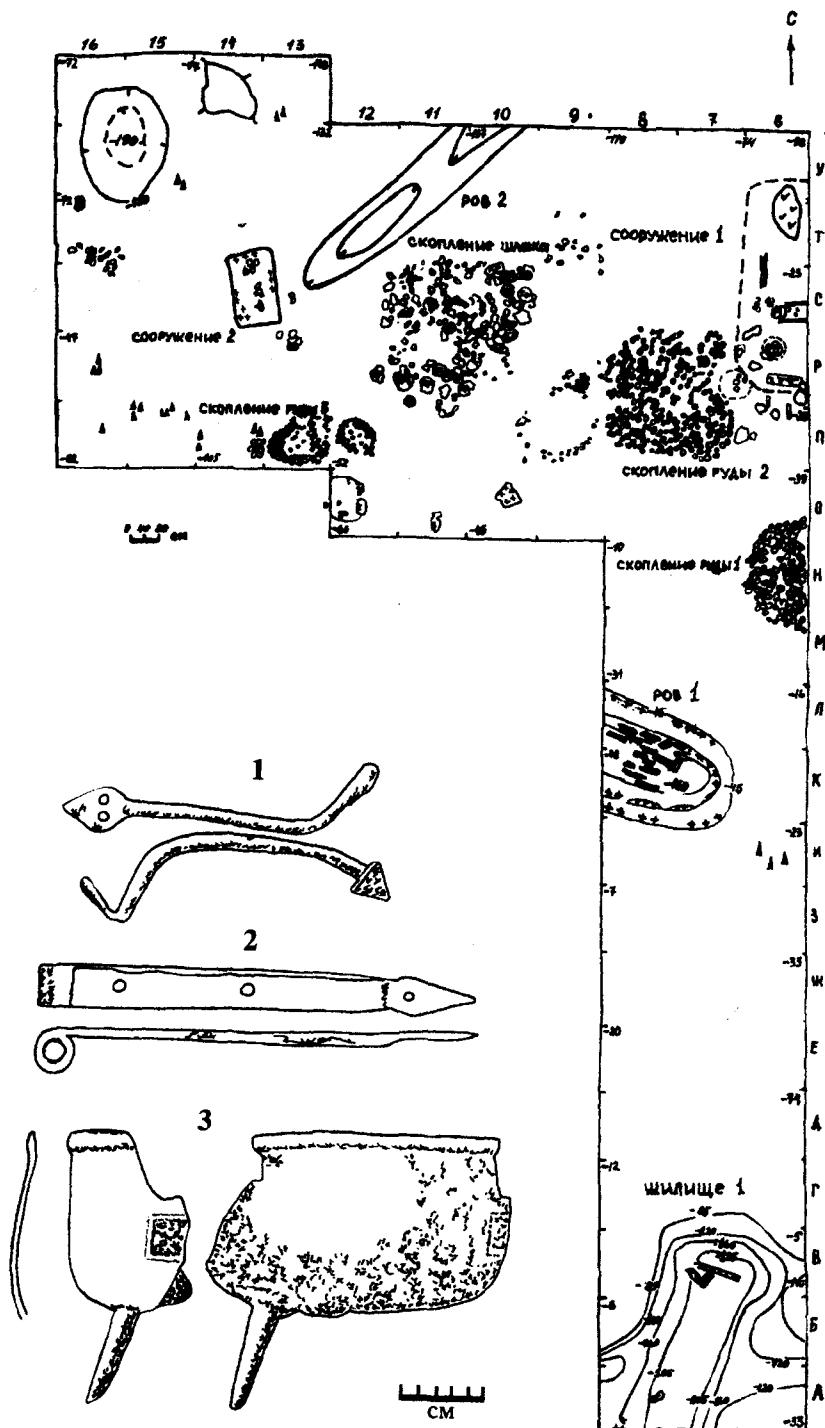
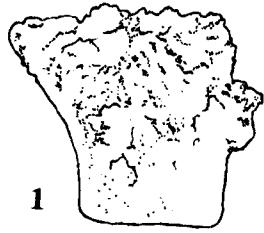
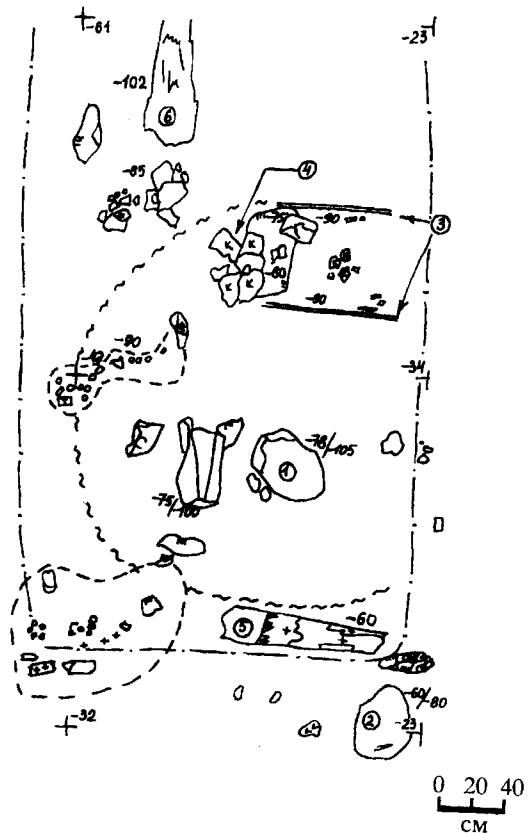

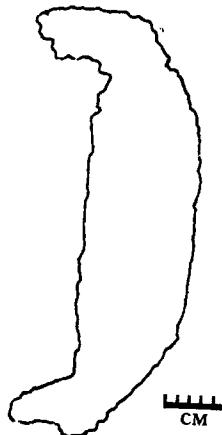
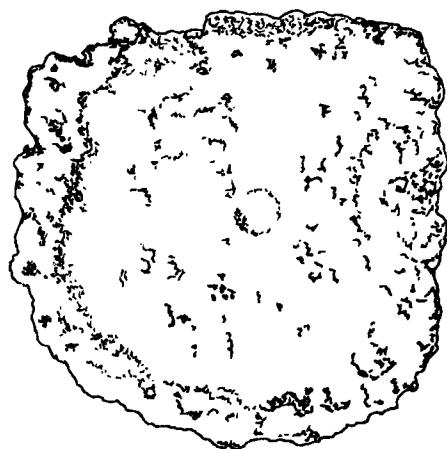
Рис. 2. Схема раскопа I и изделия из железа, найденные в раскопе:
1 — дверная ручка; 2 — дверной навес; 3 — фрагмент котла (землянка).

СМ

2

СМ

Рис. 3. Раскоп I. Остатки домницы и сыродутной печи:
1 — кирпич (скопление шлака); 2 — железная крица.

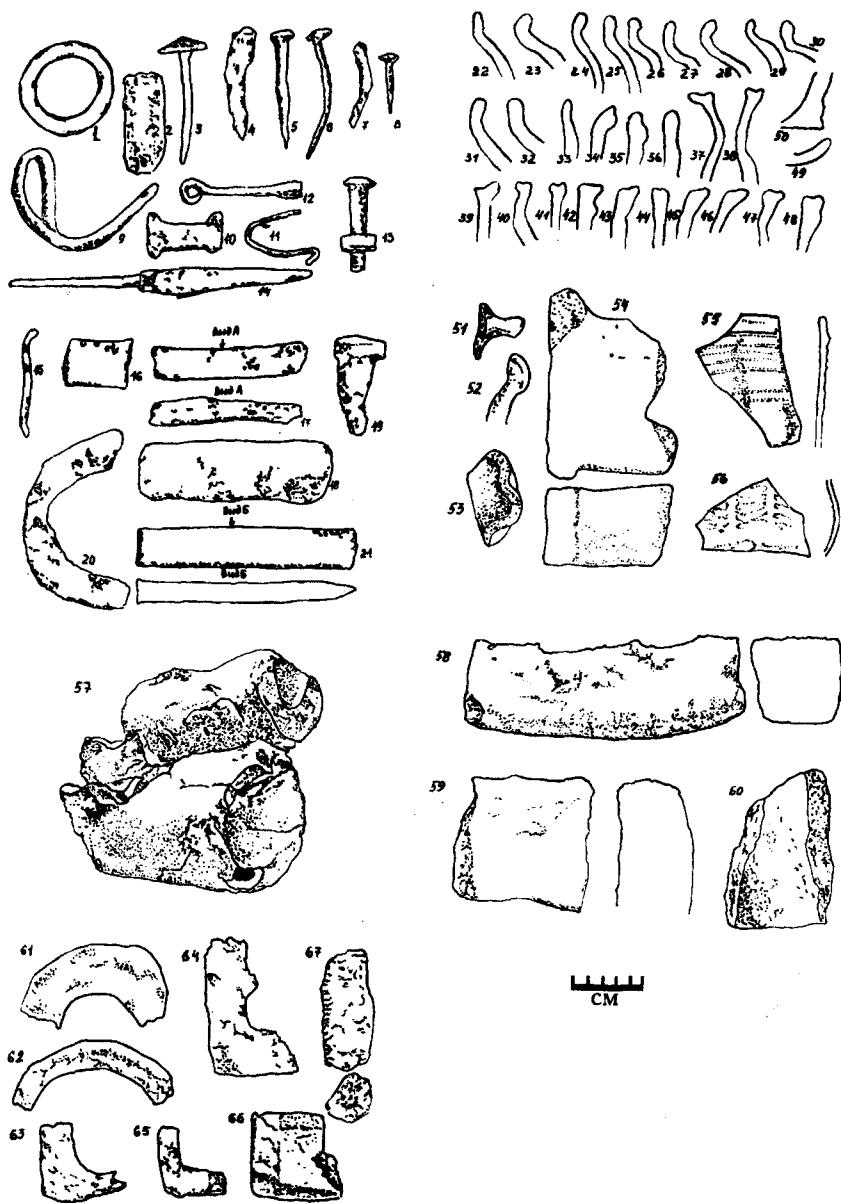

Рис. 4. Находки из раскопа I:

- 1 — кольцо; 2 — обломок клинка; 3—8 — гвозди; 9 — прут; 10 — изделие;
 11 — проволока; 12 — язык колокольчика; 13 — болт с гайкой; 14 — нож; 15 — скоба
 для скрепления досок; 16 — обломок клинка; 17 — заготовка; 18 — обрезок;
 19 — шляпка болта; 20 — подкова; 21 — зубило; 22—49 — профили венчиков гончарной
 посуды; 50 — профиль dna гончарной посуды; 51—52 — фрагменты ручек;
 53 — фрагмент dna чашки; 54 — обломок кирпича; 55—56 — фрагменты посуды;
 57 — фурмы; 58—59 — обломки кромки печи; 60—65 — фрагменты печных фурм;
 67 — шлак. (1, 3, 5, 7, 9—11, 15, 16, 18, 22—53, 55—56 — землянка; 20, 57 — скопление
 шлака; 58—65 — печь; 1—21 — железо, 22—54, 57—66 — керамика, 55—56 — стекло,
 67 — шлак).

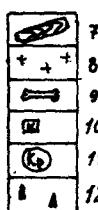
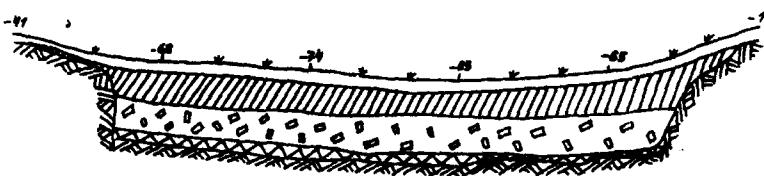
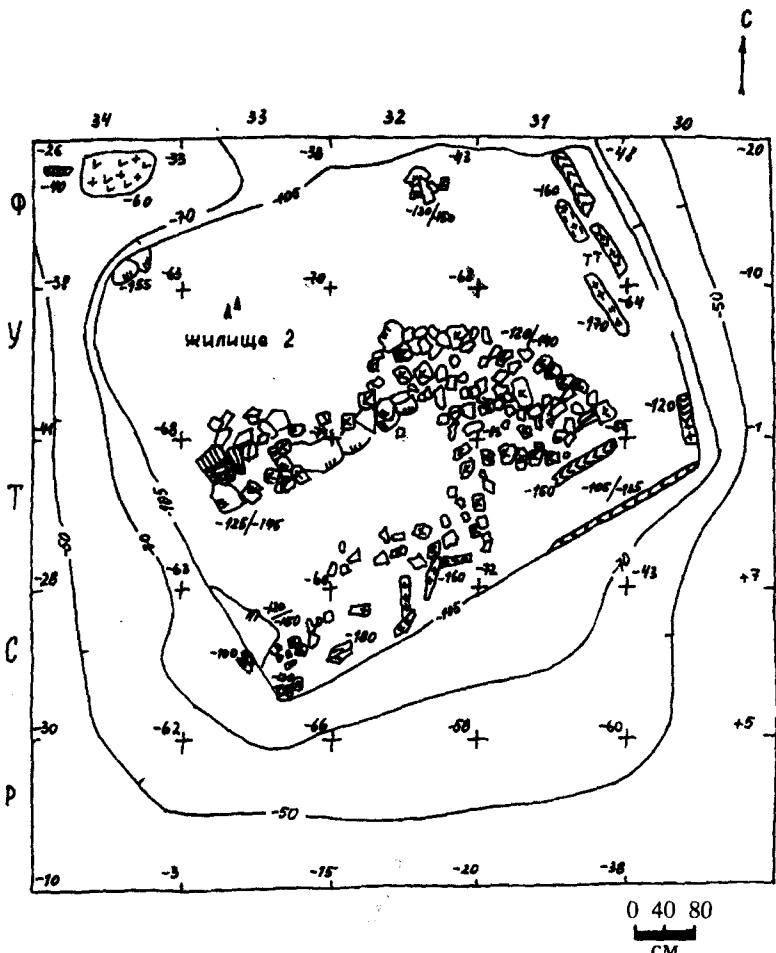

Рис. 5. План и профиль раскопа II.

Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — темно-коричневый суглинок; 3 — слой строительного мусора; 4 — коричневый суглинок; 5 — материк; 6 — прокал; 7 — доски; 8 — уголь; 9 — кости; 10 — кирпич; 11 — крица; 12 — керамика.

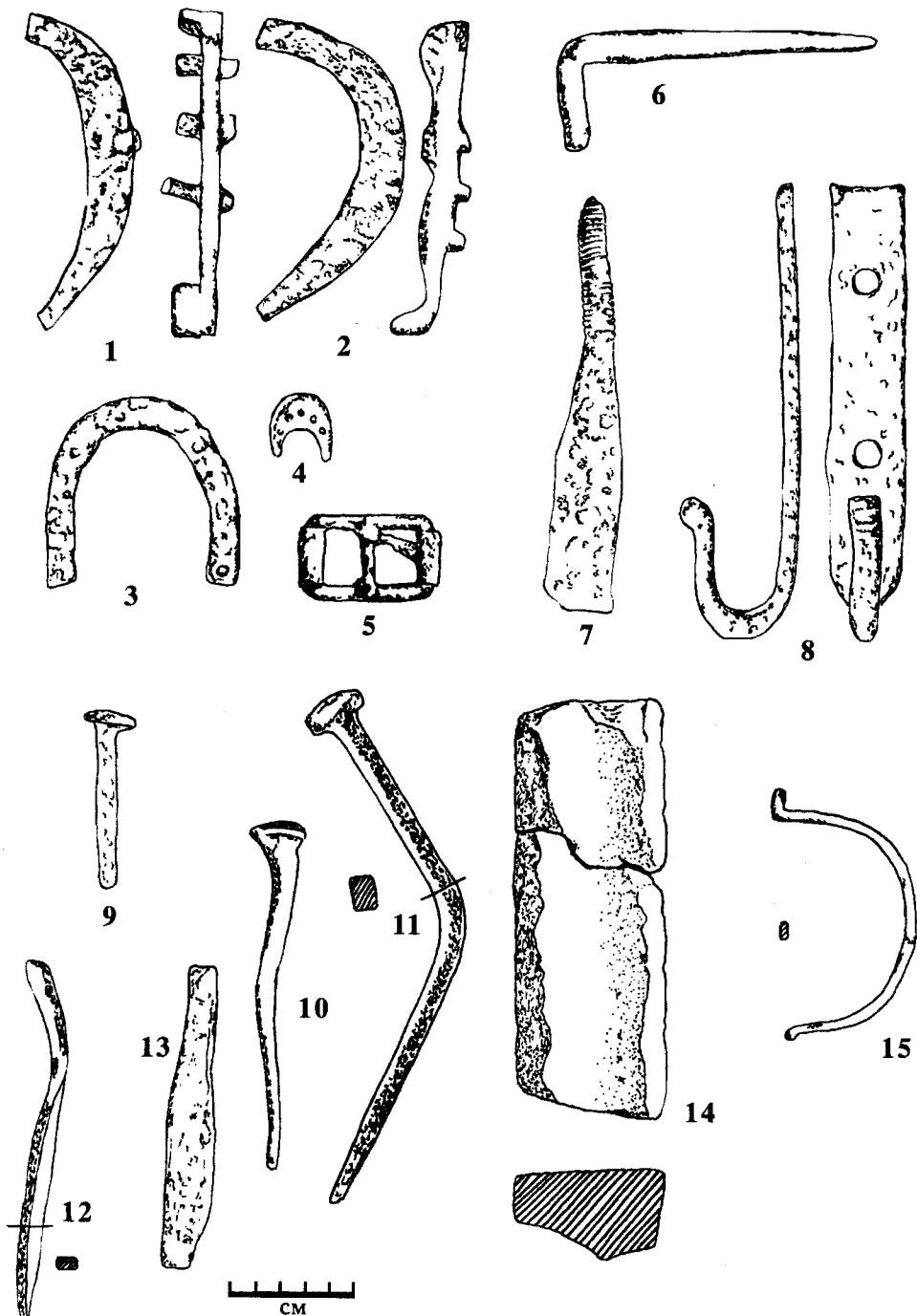

Рис. 6. Найдены из раскопа II:
1—4 — подковы; 5 — пряжка; 6 — навес; 7 — нож; 8 — крючок; 9—12 — гвозди;
13 — изделие; 14 — печной кирпич; 15 — скоба (1—3, 5—11, 15 — железо; 4 — медь;
14 — керамика).

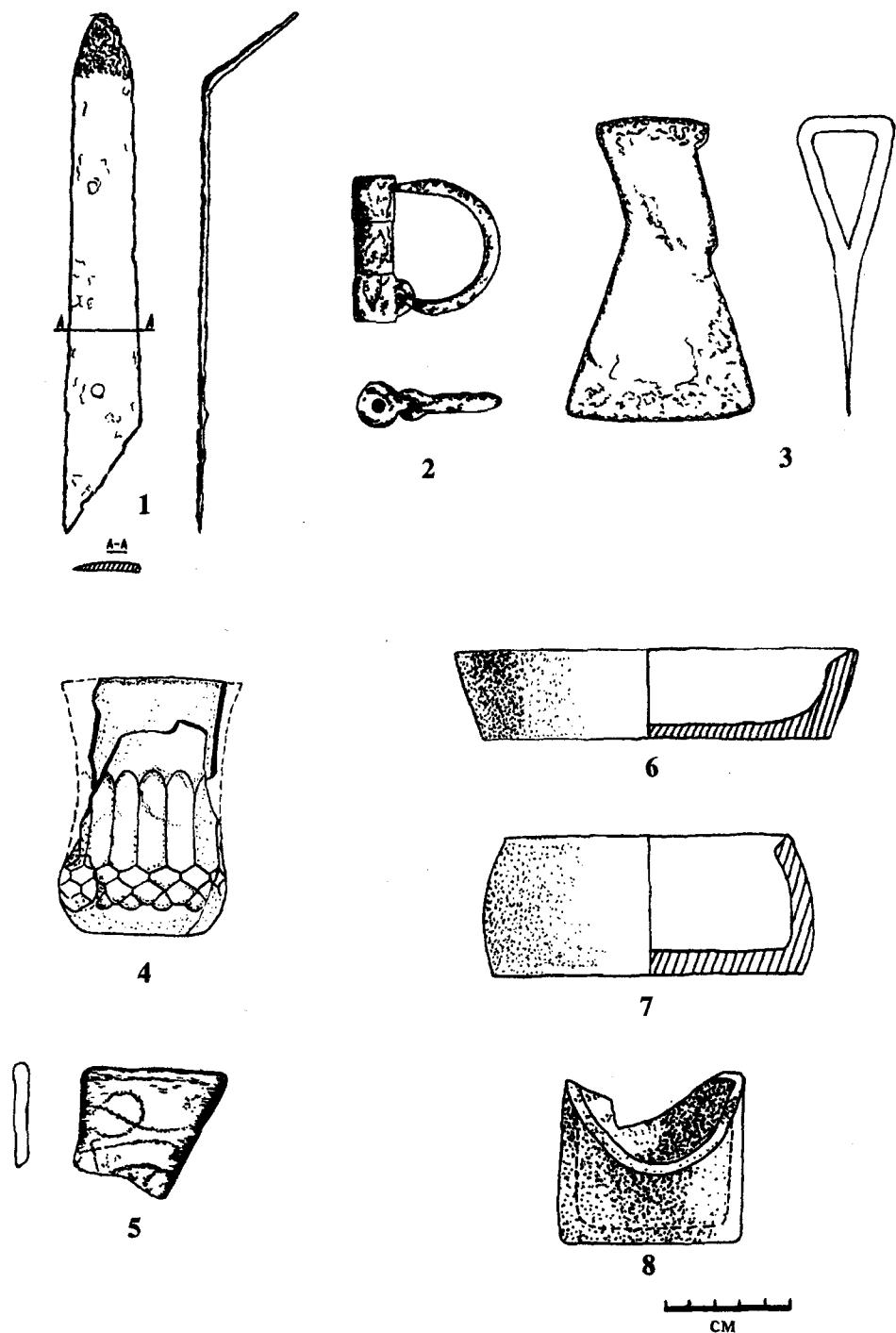

Рис. 7. Находки из раскопа III:

1 — лемех; 2 — навесной замок; 3 — топор; 4 — стакан; 5 — стекло с узором;
6 — тарелка; 7 — чашка; 8 — стакан (1—3 — желево, 4—5 — стекло,
6—8 — керамика).

ПУБЛИКАЦИИ

Н.А. Алексашенко

КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ЯМАЛЕ (археология и этнография)*

Значение кожевенного производства. Человек очень давно стал выделять шкуры животных, чтобы сделать их мягкими и теплыми. Инструменты со следами от скобления мездры обнаружены на мустьевских памятниках [1, с. 135]. Кожевенное производство, возникнув в раннем каменном веке, и сейчас поставляет материал для пошива одежды, обуви, утвари, предметов бытования. Для археологов интересны архаичные приемы обработки мехового сырья в традиционных культурах, сведения о которых можно использовать при изучении более древних технологических процессов. Ямalo-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) представляет собой уникальную территорию, где археологические (находки орудий, ремешков, одежды и обуви из кожи и меха) и этнографические (сохранение орудий и традиций в обработке кожи, коллекции предметов XIX–XX вв.) факты «соприкасаются».

Методика. Для того, чтобы применить этнографические данные для реконструкции древнего кожевенного производства, необходима методика их сопоставления. Внешнее сходство орудий (по форме, размерам) не всегда отражает совпадение их функций. Перспективным является сравнение тех и других по следам изнашивания, выявленных с помощью трасологического анализа. Только одинаковые микроследы (риски, царапины, изменение рельефа поверхности, блеск) на лезвиях подтверждают предположение о сходстве технологических процессов в прошлом и настоящем. Реконструкция приемов работы археологическим орудием не будет полной, если отсутствуют сведения о способах использования этнографического аналога. Была составлена специальная программа археолого-этнографических исследований, нацеленная на изучение приемов обработки дерева, кости, кожи, бересты и т.д. Ее осуществление стало возможным только в сотрудничестве с профессиональным этнографом Е.В. Переваловой. Эффективность сравнительного трасологического анализа археологических и этнографических предметов проявилась при изучении деталей оленьей упряжи, рыбных ножей, инструментов для плетения, обработки крапивы, гребней [2, 3].

Археологические источники. Самые ранние инструменты для обработки шкур на п-ове Ямал датируются мезолитическим временем. Скребки невелики по размерам и сделаны из кремня, халцедона, кварца или кварцита. Рабочий край оформлен кругой притупливающей ретушью. Вероятно тогда существовали и костяные скребки, аналогичные найденным в торфяниках Севера Европы, но пока на Ямале не обнаружены памятники каменного и бронзового веков с хорошей сохранностью кости.

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 01-01-00412а и РФФИ № 02-06-96421.

Орудия для обработки кожевенного сырья представлены на памятниках железного века: городище (жертвеннное место) Усть-Полуй (I в. до н.э. — I в.), поселение Тиутей-Сале I (имел два периода обитания — в VI—VIII вв. и XII—XIV вв.), городище Ярте VI (XI—XII вв.). Ремешки, кусочки кожи и меха найдены на двух последних памятниках, а одежда и обувь в погребениях могильника Зеленый Яр (XIII в.).

Скребки из камня и кости составляют одну из самых многочисленных категорий находок на городище (жертвеннном месте) Усть-Полуй [4—6]. Наиболее архаичным из них можно считать орудие из длинной пястной кости оленя, у которого двойное лезвие образовано сторонами продольного выреза. Рабочие кромки сильно сработаны, на них видны перекрещающиеся линейные следы, далеко заходящие на плоскости. Аналогичный скребок с р. Оленек (северо-запад Якутии) был описан С.А. Семеновым, который установил, что инструмент изготовлен с помощью металлического ножа, и назвал его двуручным двулезийным стругом для выделки кож [7, с. 161]. Такое же орудие найдено в жилище 1 поселения Баранов мыс. «Скребки с двумя рукоятками (two-handed scrapers), служившие для обработки шкур (главным образом для снятия волосяного покрова), которые первоначально рассматривались как нетипичные для эскимосов, теперь найдены по всей эскимосской территории, начиная с поселений древнеберингоморского времени вплоть до современности» [8, с. 66]. Нганасаны называли подобное орудие «скребком неолитического типа» [9, с. 75, рис. 31], что свидетельствует о его древнем происхождении. Такие скребки известны на мезолитических (Веретье 1) и энеолитических (Имерка-8 — материалы А.И. Королева, просмотренные под микроскопом Н.А. Алексашенко) памятниках Восточной Европы [10, с. 88—89, табл. XXIX]. Это пример возникновения технологической традиции на удаленных друг от друга территориях и ее сохранения в течение очень длительного времени.

Больше всего скребков в форме лопаточки с округлым лезвием и рукояткой. Следы сработанности в виде поперечных рисок, заполировки и скругленности лезвия располагались на кромке, иногда распространяясь на прилегающие плоскости. Предметы часто украшены орнаментом, в том числе знаком креста, свастики (рис. 1, 6). Подобные знаки в архивных материалах о кодских и обдорских хантах называны «скребницы» [3, с. 196—197]. С обработкой шкур и выделкой кож связаны серповидные, Т-образные и Г-образные костяные скребки. На вогнутом экземпляре первого типа из раскопок В.С. Адрианова видны пересекающиеся короткие и длинные линейные следы. Интенсивный матовый блеск покрывал всю поверхность орудия для снятия волоса. Два предмета Г-образной формы имеют следы от разминания ремней.

Для пошива одежды и обуви использовали железные ножи и шилья, костяные проколки и иглы. На остриях видны продольные и концентрические следы и заполировка. Часто можно установить глубину проникновения инструмента в кожу или шкуру. Среди проколок есть экземпляры, рукоять которых оформлена скульптурными изображениями голов животных или птиц (рис. 1, 2). На костяных иглах, на ушке от отверстия к краю, хорошо заметны линейные следы с резко очерченными границами. Они образовались от натяжения жестких тонких

сухожильных нитей. Вся поверхность игл сильно заполирована, а на остриях видны тонкие продольные, иногда поперечные, линейные следы. Для хранения игл были предназначены полые коробочки — игольники. Их наружная поверхность заполирована от длительного соприкосновения с одеждой и кожей рук (рис. 1, 4).

Совокупная коллекция с поселения Тиутей-Сале I (из непотревоженных и разрушенных слоев) включает: два крупных скребка из черного сланца, небольшой каменный скребок, 13 костяных скребков, 4 проколки, инструмент для разглаживания швов, и два кинжала из кости моржа, иглу из кости оленя и одно металлическое шило с рукоятью из рога оленя [11, с. 75–85]. Этот набор не отражает реальных масштабов кожевенного производства на поселении, т.к. часть памятника разрушена.

Кинжалы из клыка моржа сильно сработаны. Размеры одного, со слегка выделенной рукоятью, составляют 13 x 2,5 x 0,5 см, второго 9,7 x 3 x 0,5 см. Следы работы в виде мелкой выкрошенности и заполировки располагаются на острие и боковых гранях. Рукояти заполированы от соприкосновения с рукой.

Крупных орудий для снятия мездры всего два. Они изготовлены из черного сланца. Одно подчетырехугольной формы размерами 10 x 6,3 x 1,45 см с грубой нерегулярной ударной обработкой рабочего края имеет четкие следы изнашивания по всему периметру орудия. Второй скребок полуциркульной формы (10,7 x 9,7 x 0,8 см) с легкой оббивкой по краю (2/3 периметра) также сильно сработан. Для скобления мездры использовались разнообразные по форме и размерам отщепы и обломки костей моржа. На кромке видны поперечные следы, иногда они плохо заметны, что отражает эпизодичность использования инструмента. Поперечные тонкие следы зафиксированы на торце удлиненного орудия из клыка моржа. Такое изнашивание происходит при разглаживании швов при шитье одежды.

В коллекции есть костяные проколки и иглы. Игла (7,7 x 0,35 x 0,2 см) была в работе долгое время, у нее выкрошен конец, поверхность заполирована до блеска и на ней можно увидеть продольные тонкие царапины, ушко сломано. В кожевенном деле могло использоваться и металлическое шило с костяной заполированной рукоятью. Само металлическое острье изменено коррозией.

На поселении найдены кусочки кожи и ремешки. Два кусочка китового уса соединены ремешками с помощью сложных узлов. Сечение ремешков неправильно-округлое, толщина 4–4,5 мм. Поверхность кожи рыхлая — ремень был сырьемятый. Более тщательно выделана кожа для очень тонкого ремешка (ширина — 2,7 мм, толщина — менее 1 мм), которым обвязана деревянная вещь неизвестного назначения. Узел аккуратно выполнен, а концы тщательно завернуты под ремешок. Из пяти таких же тонких полосок (1,5–2,5 мм) сплетена веревочка, представленная в коллекции Тиутей-Сале I тремя обрывками. Ширина веревочки — 5 мм, толщина 2,2 мм. Кожа хорошо выделана. В культурном слое стоянки фиксировалось много кусков шкур и кож, собрать и сохранить которые не удалось.

Интересные источники по рассматриваемому вопросу предоставляет поселение Ярте VI. Инструменты, занятые в кожевенном деле, самые многочисленные. Так, только каменных скребков из плоских плиток — 103 штуки (рис. 1, 1). Крупных (не менее 10 см в длину) экземпляров — 5. Все они интенсивно изношены. Для одного орудия взят кусок гнейса размерами 11,3 x 9,8 x 1,8 см. Лезвие располага-

лось на длинном крае. Поперечные следы заметны на кромке и на плоской стороне. Это означает, что орудием работали в позиции «от себя». Такое положение орудия более характерно при снятии волоса. Подобные орудия размером 12–16 см с неолитической стоянки Усть-Юрюзань С.А. Семенов определил как туники для сбивания волоса [7, с. 159]. Плитка полукруглой формы из гнейса размерами 10,3 x 6 x 2,2 см имела четкие поперечные и поперечно-диагональные следы на кромке рабочего лезвия. Третьему орудию из мелкозернистой породы была придана правильная овальная форма (12,5 x 7,5 x 1,75 см). Поперечные следы хорошо выражены на отдельных участках рабочего лезвия, расположенного по периметру инструмента. Четвертый скребок сделан на плитке амфиболового сланца овальной формы, размерами 10,2 x 10 x 0,95 см. Следы на кромке имеют поперечное и поперечно-диагональное направление. Скребок на плитке выпянутых пропорций (11,6 x 6,85 x 1,4 см) имел на одном конце лезвие, на кромке которого сохранились поперечные и поперечно-диагональные следы от работы. Все описанные орудия использовались без рукояти. Они сильно сработаны. Крупные орудия были эффективны в работе, особенно на начальной стадии снятия мездры, но на поселении преобладают скребки средних размеров: длина от 5,5 до 10 см, ширина от 3,5 до 6 см, толщина от 0,8 до 2 см. Всего их 69 экземпляров, в том числе 59 — сильно изношены. По форме преобладают овальные, а среди них с круговым лезвием (то есть расположенным по всему периметру). У остальных овальных предметов лезвие занимает 2/3 периметра. Довольно много орудий под четырехугольной формы. Положение орудий в работе было неустойчиво, что подтверждается направлением следов использования. Иногда на тыльной (аккомодационной) части видны затертость и залощенность от руки. Линейные следы различаются глубиной и «характером» царапин. Орудия для скобления подсохшей, загрязненной мездры имели резко очерченные глубокие следы. Часто они расположены не только на кромке, но и на обеих плоскостях. Абразивные свойства зернистых пород, использованных для изготовления скребков, увеличивали эффективность орудий при снятии мездры. Инstrumentов с мягко очерченными (как бы скругленными) следами в этой группе немного. Как и крупные экземпляры, скребки средних размеров использовались без рукояти и служили для снятия мездры с подсушенных шкур. Несмотря на большое количество деревянных предметов, на памятнике не найдены рукояти для скребков. Не обнаружены и железные скребки, видимо они стали широко применяться местным населением позднее.

Подобные скребки найдены на Таймыре [12, рис. 139–140] и Баарановом мысе [8, с. 116–118, табл. XXIII, XXIV]. Л.П. Хлобыстин упоминает о находках аналогичных орудий на ямальской стоянке Ярро-то, в одном слое с керамикой бичевницкого типа V–VII вв. н.э. [13, с. 148]. Скребки Бааранова мыса похожи размерами (5–10 см), но в отличие от предметов с Ярте VI, оббитых по рабочему краю, оформлены пришлифовкой. Функционально они определены как скобели для обработки шкур. Подобные орудия очень широко распространены у народов, населявших циркумполярную зону. Есть мнение о большой древности дисковидных скребков [14, с. 91].

Для скобления использовали и костяные скребки, но число их не так велико, как каменных. Один скребок сделан из длинной кости оленя. Как и на городище Усть-Полуй, оформлены два лезвия длиной 23 см каждое. Следы, направленные от кром-

ки под прямым или острым углом, распространялись на расстояние до 2,4 см от лезвия. Следы свидетельствуют о том, что орудие служило для снятия волоса.

В коллекции есть длинные скребки на пластинах из рога северного оленя длиной от 17,6 до 36,7 см, шириной от 2,1 до 3,2 см. На рабочей кромке вырезаны подтреугольные зубчики. По краям инструментов оформлены ручки (рис. 1, 5). Последствия интенсивного использования орудий проявилось в образовании блеска и линейных тонких следов, расположенных на выступах зубчиков и между ними, а также на боковых плоскостях, распространяясь на расстояние до 2,5 см от кромки. Аналогичные двуручные скребки с зубчатым, но железным лезвием, еще в XX в. были в обиходе у народов севера Западной Сибири. У шорцев и эвенков подобные орудия с зубцами назывались мялками или кожемялками и служили для разминания шкур, однако следы работы на вещах с Ярте VI не отражают кинематику их движения (круговое), описанную в литературе [15, с. 95–96, рис. 10, 4]. Не совпадают движения при использовании инструментов с Ярте VI с теми, что производят женщины Ямала при растягивании небольших шкурок на зубчатых, похожих по форме и размерам, инструментах. К числу кожевенных орудий относятся также некоторые лопаточки, две из которых были стамесками. Они также могли использоваться для волососогонки. Для уплотнения кожи и ее разглаживания служили лощила из камня (2 экз.).

Самую большую группу составляют инструменты из лопаток северного оленя (рис. 2). Орудия подготовлены для работы специальными приемами: ножом срезана ость, у основания прорезаны два округлых отверстия, центр плоской части вырезан ножом. При этом края отверстия являются рабочими. Часто они оформлены дополнительной фаской, и выглядят волнистыми или зубчатыми. Очень редко использовался край, параллельный основанию, из-за хрупкости этой части лопатки. В коллекции довольно много предметов, сломанных по основанию. Длина лезвия по боковому вырезанному краю зависела от естественного размера лопатки, и, чаще всего, была 10–12 см. Ее минимальная величина — 9 см, максимальная — 16 см. На рабочей кромке и обеих плоскостях лопатки хорошо заметны тонкие поперечные или диагональные по отношению к лезвию линейные следы с мягкими очертаниями, блеск, заполировка. Часто следы располагаются скоплениями, как бы «пучками». Направление пучков может не совпадать, а наоборот, одни группы следов могут перекрывать другие. Ширина пучков чаще всего составляет 0,4–0,8 см. В таком случае следы проникают в углубления зубчатого или волнистого края. При ширине пучков 1,8–2 см следы концентрируются преимущественно на ровных или выпуклых участках кромки и не фиксируются в углублениях. Следы видны не только на кромке, но и на обеих плоскостях. В основании лопатки в и углах сделаны отверстия, в которых видны следы привязывания тонкими кожаными ремешками. В единичных случаях они располагаются ближе к основанию, чаще у боковых краев лопатки. Есть экземпляры с одним изношенным отверстием, что позволяет говорить и об одностороннем креплении. Возможно, лопатку за это отверстие и шейку крепили к какой-то жесткой основе (колу, жерди, нарте). Следы трения на шейке лопатки фиксируются хуже, что свидетельствует об относительной жесткости крепления или варианте зажима ногами.

На орудиях из лопатки следы образовались от воздействия пластичного, достаточно мягкого материала. Они использовались для разминания и растягивания кожаных ремней разной ширины. Преобладали узкие ремешки шириной 0,4–0,6 см и 0,8–1,5 см. Длина рабочего лезвия позволяла растягивать и более широкие ремешки, но даже при обработке полосок кожи шириной 2–3 см инструмент выходил из строя. Именно в этой группе орудий наибольшее число составляют обломки [16, с. 131–132].

Совершенно точная копия яртинским предметам обнаружена на архивной фотографии материалов поселения Подчеваш, хранящейся в ТГИАМЗ. Самого предмета нам увидеть не удалось. Во многих археологических публикациях упоминаются орудия из лопаток лося или оленя, но нет их рисунков. На рисунке лопатки с V-образным вырезом из памятника Веретье I видна выпуклость кромки [10, с. 92, рис. 65, 6]. Орудия из лопаток лося, но с небольшим отверстием, найдены М.В. Талицким на Родановом городище [17, с. 54, рис. 20]. Они, как и разбильники другой формы (в виде стержня), служили для растягивания ремней [18, с. 223–225]. Следы на инструментах, изученных С.А. Семеновым и названных им «разбильниками», в публикации выглядят более грубыми, чем на ямальских лопатках. Возможно, эти различия обусловлены тем, что на прикамских предметах растягивали более широкие ремни. С.А. Семенов отмечает большое разнообразие приспособлений для разминания и растягивания ремней. «Ненцы пользовались роговыми отростками, а также прорезали овальные скважины в широкой части рога» [1, с. 115]. У чукчей существовало специальное приспособление овальной формы длиной 15,5 см для растягивания ремешков шириной 0,5–1 дюйм [19, рис. 161]. Современные ненцы перед плетением арканов из кожаных ремешков растягивают их, наматывая на наручу (устное свидетельство потомственного оленевода Х.М. Езынги). Лопатки с небольшими (диаметром до 1,5 см) отверстием приуральские ханты и сейчас используют для растягивания ремней при подготовке их к плетению арканов (устное сведение Э.И. Рандымовой — сотрудника Научного Центра гуманитарных исследований коренных народов Севера). У хантов для растягивания узких ремешков используются костяные пластинки с несколькими узкими прорезями длиной около 1,5 см (экспонат в экспозиции ТГИАМЗ, полевые материалы Е.В. Переваловой из стойбища Пяко-Пур).

В культурном слое Ярте VI зафиксировано много остатков шкур и кож, но собрать их было трудно из-за фрагментарности. Сохранившиеся на памятнике кусочки кожи, ремешки и один фрагмент меховой одежды или обуви подтверждают высокое качество обработки кожевенного сырья. Кожа хорошо выделана и уплотнена с обеих сторон, остатки волос не видны даже при увеличении. Толщина кожи от 0,5 до 1 мм. На многих образцах сохранились швы, иногда они распороты. Шитье производилось сухожильной нитью разной толщины: зафиксированы нити толщиной 0,3–0,4 мм, 1–1,2 мм, 1,7–2,3 мм. Сухожилия обычно скручены. Шов — «через край» — довольно аккуратный. Ширина стежка от 2,5 до 3,5 мм, а расстояние от края шва — 2–4 мм. Отверстия на распоровшихся швах имеют диаметр от 0,3–0,5 мм до 1 мм. Иглы имели тонкие острия (0,3–1 мм), но их диаметр в области ушка составлял около 5 мм. Видимо, не

всегда иглу протягивали сквозь кожу или шкуру. Иногда ею пользовались как проколкой (рис. 1, 3).

На могильнике Зеленый Яр обнаружено несколько погребений с остатками кожаных ремешков и меховой одежды. Наилучшей сохранностью меха отличались погребения № 23, 24, 27. Исследование памятника продолжается, поэтому здесь представлены только очевидные выводы. Для пошива взрослой и детской одежды и обуви преимущественно использовали шкуру оленя. В детских погребениях много меха пушных зверей (куница, соболь). Есть фрагменты хорошо обработанных шкурок бобра. Мех и кожа хорошо выделаны. Тонкие, мягкие ремешки на одежде были окрашены в красный или черный цвет. Из меха росомахи сшит мужской головной убор. Покрой одежды пока не реконструирован, т.к. разворачивать мех нельзя без предварительной консервации плохо сохранившейся мездры. Швы на одежде мелкие, аккуратные, за исключением тех, которыми пришито лицевое покрытие.

Этнографические источники. Этнографические источники представлены тремя видами. 1 — орудия и инструменты, собранные путешественниками и учеными с названием предмета и, реже, кратким описанием способа их использования. 2 — путевые записки, дневники исследователей традиционной культуры, включающие сведения о технологических процессах. 3 — непосредственные наблюдения трасолога за приемами обработки различных материалов ненцами, хантами, селькупами.

Орудия кожевенного производства есть во многих сибирских музеях. Мною просмотрены под микроскопом несколько предметов из ТГИАМЭ. Скребки для обработки шкур состоят из деревянной оправы-рукояти и вставленного в нее железного лезвия разной формы (в виде прямоугольника, трапеции или буквы S). Линейные следы хорошо заметны на кромке металлической рабочей части. Иногда следы от скобления шкуры распространяются на рукоять. Это происходит при малом угле наклона инструмента к обрабатываемому материалу. Есть также длинные (60–65 см) деревянные оправы с зубчатым железным лезвием. Концы оправы оформлены как рукояти, их ширина — 2,8–2,9 см. Центральная часть (ширина 3,3 см) с обеих сторон заглажена. На ней фиксируются поперечные и поперечно-диагональные следы от соприкосновения с кожей. На металлическом лезвии заполированы вершинки зубчиков. Поверхность между ними покрыта ржавчиной, что не позволяет увидеть следы использования. В этнографической коллекции есть и другие принадлежности кожевенного дела. Это иглы и игольники, палочки-мотовила для наматывания ниток из сухожилий оленя, пластинка для растягивания узких ремешков. На игле из ребра мелкого животного с помощью микроскопа зафиксированы продольные и диагональные линейные следы и интенсивная, почти зеркальная, заполировка.

Описание обработки шкур, одежды самоедов есть во многих средневековых источниках. Чаще в них отмечены какие-то особенности, поразившие автора. В Новгородском сказании «О человцах незнаемых в Восточной стране» упоминаются «соболье и оленье платье» [20]. О платье из шкур писал Плано Карпини [21]. Наиболее полное описание кожевенного производства самоедов сделал студент В.Ф. Зуев, прикомандированный к экспедиции П.С. Палласа [22, с. 8; 23].

При осуществлении совместной программы археолого-этнографических исследований в 2000–2001 гг. Е.В. Перевалова получила новые факты об обработке кожевенного сырья в стойбище Пяко-Пур Пуровского района. К.А. Ощепков собрал сведения о том, сколько кожаных ремней и веревок требуется семье оленеводов в Ямальском районе. Н.А. Алексашенко летом 2001 г. наблюдала за обработкой оленьей шкуры жительницей поселка Зеленый Яр Валентиной Атаман (Приуральский район). Она рассказала о том, что сама часто выделку такого материала производит только механическим способом (скоблением скребком) без применения дубильных веществ. В этом же поселке Зоя Серазхова показала способы изготовления ниток из сухожилий и раскрой и пошив обуви из меха олена.

Технология обработки кожи по этнографическим источникам. Современное кустарное кожевенное производство включает 6 циклов: консервирование (сушка, замораживание, засолка), отмока (промывка, грубое мездрение), подготовка голля — кожи без волос (волососогонка, мездрение), преддубильные операции (обеззоляивание, промывка,мягчение, обезжиривание), дубление растительными и животными веществами, последдубильные операции (промывка, крашенине, отбеливание, разводка, тяжка) [24]. При получении сыромята дубление не производят. «Сыромять представляет собой недубленую кожу, в которой волокна разделены посредством мятья... Сыромять применяют главным образом... для изготовления упряжи» [там же, с. 82].

Назначение всех перечисленных действий, за исключением первой, сделать шкуру податливой, эластичной, не затвердевающей на солнце или морозе. Шкура животного состоит из волосяного покрова, тонкого слоя эпидермиса, дермы и подкожной клетчатки-мездры и бахтармы. Необходимо снять мездру и волос (если нужна кожа), а также лишить дерму склеивающих свойств содержащегося в ней коллагена и разделить волокна.

Этнография дает большое количество описаний процесса обработки шкур у сибирских народов. Они обычно также включают перечисленные циклы, но иногда одним скребком, без дубления производится вся обработка оленьих шкур для пошива одежды (сведения, полученные от В. Атаман).

Особое место в жизни хантов и ненцев занимает выделка шкур олена, которые идут на покрышки чума, постель, одежду. Для получения хорошего сырья нужно снимать шкуру в определенное время года. Сейчас предпочитают брать осенние или раннезимние шкуры. Ненцы олена бьют понемногу круглый год, но массовый забой производят осенью [22, с. 57–58]. Европейские ненцы август называли «мальснынь-ийрй» — месяц малиц, потому что только та шкура идет на малицы, которая «снимается с олена в этом месяце» [25, с. 58]. В литературе существуют противоречивые сведения о качестве осенних шкур. По одним, в конце сентября-октябре на коже олена образуются свищи от личинок овода, что портит шкуру, по другим, они застают к октябрю [22, с. 57, 81]. Промысел дикого олена производился круглый год. «Шкура дикого олена почти не имеет свищей от оводов и обладает толстой и крепкой кожей, которая идет, в частности на изготовление арканов (тынзя') для ловли оленей» [там же, с. 61]. Она сохраняет свою ценность и в более позднее время. «За шкуру дикого оленя-самца здесь дают живого домашнего оленя, так как из нее выходит два тынзы-

на, весьма крепких по причине толстой мездры ...» [26, с. 89]. С другой стороны, на пошив одежды такая шкура используется ненцами реже. У нее быстрее вылезает шерсть. Другие сибирские народы, например, якуты, массовый забой оленей также производили осенью [27, с. 48, 58].

Способ выделки шкур у ненцев описан еще в XVIII в. В.Ф. Зуевым и, по мнению Л.В. Хомич, с тех пор в домашнем производстве не изменился. Самым простым способом консервирования кожевенного сырья была сушка. Она используется для сохранения шкур до начала выделки и у современных сибирских народов. Правила выполнения этой операции в разных этнографических источниках несколько различаются. Сушить шкуры необходимо, аккуратно расправив, в тени на ветру, а не на солнце. При высыхании на солнце шкуры затвердевают.

Ненцы зимой сушат шкуры в чуме, заткнув за шесты, а летом на улице. При растягивании, распрямлении шкур применяют палки. «Высохшую шкуру смазывают для размягчения содержимым оленьего желудка (оленей или рыбьей вареной печенью, рыбьим жиром или растертой икрой), после чего сворачивают мездровой частью внутрь сначала вдоль, а затем поперек... Полученный сверток перевязывают веревкой, чтобы он не разворачивался. Смазанная шкура лежит 1–2 дня, затем ее разворачивают и производят первичную обработку с помощью специального скребка яладабъ, есей (исий)» [22, с. 83]. В приведенном описании не отражен процесс отмоки. Видимо, он был необходим при пересушивании шкур при их длительном хранении. У других сибирских народов он входит в перечень необходимых приемов. Например, у камчадалов: «Все кожи, идущие на шитье шуб, например, оленьи, тюленьи, собачьи, бобровые, выделяются одним способом. Сперва моют мездру в воде, сдирают с помощью камня, укрепленного посередине палки, оставшиеся на содранной коже мясо и жилы, намазывают жеваной квашеной или свежей икрой и затем свернув кожу топчут ее ногами до тех пор, пока мездра не провялится, затем снова скоблят и вычищают, продолжая работу до тех пор, пока мездра не станет мягкой и чистой [28, с. 176]. Якуты-оленеводы снятую шкуру сушили на солнце или жердях внутри чума, дымили, скобили, смачивали мездру водой и намазывали вареной растертой или разжеванной оленей печенью, хранили в свернутом виде в теплом месте 10–12 часов. Затем снова скобили (скребком с зубцами), дымили, разминали железным скобелем — мягкой с двумя ручками [27, с. 80].

Наиболее распространенным орудием для снятия мездры у ненцев был каменный круглый или железный подпрямоугольный или S-образный скребок, вставленный в длинную деревянную оправу с двумя рукоятями. Таким двуручным скребком шкуру обрабатывали несколько раз после ее повторного смазывания и хранения в свернутом виде. Окончательная отделка шкуры производилась (и производится в настоящее время) с помощью особого снаряда, состоящего из куска косы, вставленной в деревянную оправу.

Для выделки шкуры, пригодной для пошива одежды или покрышки чума, ее после грубого мездрения промывали, а затем дубили веществами растительного или животного происхождения (разжеванной печенью, рыбьим жиром или икрой). Для выделки кожи на упряжь, ремни, веревки ненцы клади шкуру на несколько дней в воду. У других сибирских народов известны и такие способы подготовки шкуры

к снятию волоса, как копчение, смачивание, распаривание. Вряд ли технология обработки кожевенного сырья у населения Ямала в XI–XII вв. была более сложной, чем в XIX–XX вв. После ослабления связи волосяной луковицы с кожей волос либо выщипывали руками, либо сгonyли (сокребали) скребками.

Традиционная технология обработки шкур у хантов и ненцев сходна. Ханты смягчали шкуры «осадками от вытопленных рыбьих внутренностей, содержимым желудка убитого оленя либо жиром, вываренным из потрохов, разжеванной икрой» [22, с. 78]. Сходны и орудия для обработки кожевенного сырья: двуручный скребок с S-образным железным лезвием, инструмент для разминания в виде дуги.

В хозяйстве северных народов отмечается большая потребность в ремнях разной ширины, ременных веревках. Они нужны для проведения охоты и рыбной ловли, изготовления упряжи. Для ловли дикого оленя нганасаны использовали сети из веревок, которые плели из четырех ремней наподобие аркана. На изготовление сети требовалось 30–40 оленых шкур. Много сыромятных ремней (обычно из шкуры дикого оленя) требуется для оленьей сбруи. Для перевозки одного чума необходимо до 25 (а летом до 30) комплектов упряжи.

По информации, собранной К.А. Ощепковым в Ямальском р-не, сбруя на упряжку из 4-х оленей состоит из вожжи шириной около 2–2,5 см длиной около 6 м, потягов шириной около 3 см: двух длинных (на крайних оленей) длиной по 5 м, двух коротких — около 2–2,5 м каждый, ремней на оленей по 1,5 м на каждом, ремней для присоединения потягов к нарте до 1,5 м. Итого, общая длина ремней достигает 28,5–29 м.

Шкуры обрабатывают женщины, а выделкой ремней и плетением арканов занимаются мужчины. Лишенную волоса спинную часть шкуры оленя разрезают на полоски шириной 4–5 мм и из четырех таких полосок сплетают аркан длиной 21–24 м. При этом Л.В. Хомич уточняет, что на 1 аркан уходит шкура одного оленя, лучше дикого.

Обязательным атрибутом современного ненца-оленевода является аркан-тынзян. Его длина — 25 м. Его плетут из 4-х ремешков шириной около 1 см, длиной 30 м каждый (устное сообщение К.А. Ощепкова). В. Пяк и А. Пяк из Пяко-Пура рассказывали Е.В. Переваловой летом 2000 г., что из кожи дикого оленя плетут зимний аркан осенью, в сентябре, когда влажно и когда олень жиреет (после появления грибов, но до гона). Для тынзына шкуру выделяют мужчины: бросают шкуру в воду, затем волосы снимают руками, сушат, мажут рыбьими кишками, снова сушат и мнут, как обычную шкуру. На аркан идет целая шкура крупного дикого оленя: 4 ремня по 25–30 м. Иногда из одной шкуры дикого оленя можно сделать два аркана. Плетут из четырех полос, иногда вплетая еще одну в середину (если полосы тонкие). Полоски, из которых плетут тынзын, выравнивают ножом, перекидывают через нарту и растягивают, к концам привязывают палочки и затем плетут. Тынзян может служить 20–30 лет, если его не мочить, поэтому весной и летом кожаный аркан стараются не использовать, заменяя его сплетенным из корня кедра. Если при плетении аркан сильно стягивать, то на морозе он становится очень жестким. Готовый аркан пропускают через маленькое отверстие в березовом бруске. О таком же способе изготовления аркана писала и Л.В. Хомич. «Аркан вырезают из лишенной волоса спинной

части шкуры оленя. При этом шкура перерезается пополам и каждая часть режется по спирали на полосы шириной в 4–5 мм. Полученные ремни вытягивают, выбрасывая слишком тонкие и изрезанные куски. Сплетенный аркан протягивают через отверстие в деревянном бруске и мажут жиром или налимьем печенью» [там же, с. 80]. По мнению С.А. Семенова, производство крученых веревок из ремней развивается «... преимущественно у скотоводческих народов и у охотников на морского зверя. Первым ременные веревки были необходимы для арканов и упряжи, вторым — для гарпунного снаряжения и оснащения лодок... Веревки из ремней вырабатывались только северными якутами-оленеводами, а оседлые якуты их не изготавливали» [1, с. 11].

Ремни и веревки из ремешков или оленьих жил нужны не только для упряжи, но и для крепления покрышек чума. Современный ненецкий чум имеет четыре покрышки. На каждую покрышку требуется по 4 веревки по 10–15 м каждая, итого — 160 м на чум. На веревки идет шкура тощих летних быков (важенок обычно для этих целей не используют). Для плетения веревок полоски кожи не вытягивают.

Реконструкция кожевенного производства на археологических памятниках. Реконструировать процесс обработки шкур удается по материалам раннего железного века и средневековья (Усть-Полуй, Тиутей-Сале I, Ярте VI, Зеленый Яр). Разделка туш животных производилась железными, реже костяными, ножами или ножами-кинжалами. Затем шкуры расправляли и сушили. Большого разнообразия в способах консервирования шкур на археологических объектах не наблюдается. Скобление мездры производилось каменными плоскими дисковидными орудиями из плиток глинистого или амфиболового сланца. Следы сработанности на них доказывают, что обрабатывали подсушенные шкуры. На этой технологической стадии могли использовать и двулезвийные струги из трубчатой кости конечности оленя (Ярте VI). Дальнейшая обработка велась скребками-лопаточками или двуручными скребками с зубчатым краем из роговых пластин оленя. Зубчатые инструменты применялись также для снятия волоса со шкур, предварительно отмоченных в реке или озере. Для размягчения кожи использовали механические приемы и, возможно, некоторые природные вещества (печень, содержимое желудка оленя). Кожа, выделанная из шкур дикого оленя и морского зайца, была главным материалом для упряжи, плетения веревок и арканов. Для растягивания и уплотнения ремешков шириной 0,5–0,8 см служили специальные приспособления из оленьей лопатки с вырезом в центре (Ярте VI). Фрагменты узких ремешков и небольших, хорошо выделанных, кусочков кожи найдены на поселениях Тиутей-Сале I и Ярте VI. Иногда ремешки и кожу окрашивали охрой, собранной в горах Полярного Урала. Такие качественно выделанные и окрашенные ремешки найдены в могильнике Зеленый Яр. Для пошива одежды использовали шкуры северного оленя, росомахи, бобра, собаки. Детская погребальная одежда сшита из меха соболя, куницы, бобра, северного оленя. Швейные инструменты состояли из металлических ножа и шила с костяной рукоятью, костяных проколок и игл. Нити сделаны из сухожилий оленя, реже из крапивы. При пошиве одежды применялся шов «через край». На сохранившихся фрагментах одежды с поселений Ярте VI, Тиутей-Сале I и могильника Зеленый Яр стежки мелкие, аккуратные.

Изучив все имеющиеся по Тиутей-Сале I материалы, я пришла к выводу, что несмотря на сезонность и недолговременность стоянки, ее обитатели занимались не только охотничим промыслом, разделкой туш животных, но и кожевенным производством. Все необходимые инструменты для обработки шкур, а также для пошива и починки одежды и утвари у них были.

Имеющийся археологический материал дает основание говорить о хорошо налаженном в рамках одной-двух семей кожевенном кустарном (домашнем) производстве на городище Ярте VI. Прослеживаются следующие операции: сушка, снятие мездры, пущение бахтармы, снятие волоса, уплотнение и растягивание ремешков. В технологическом процессе были задействованы разнообразные скребки, «тупики» для сбивания шерсти, лощила. При пошиве использовались острия, шилья и иглы. Многочисленные олены лопатки свидетельствуют о большой доле выделки узких ремней в этом производстве. Ремней было значительно больше, чем требовалось обитателям городища для бытовых и хозяйственных нужд. Не исключено, что они являлись предметом обмена с другими коллективами. Особенностью кожевенного производства на Ярте VI было сочетание обработки шкур для пошива одежды, обуви и выделки большого количества ремней.

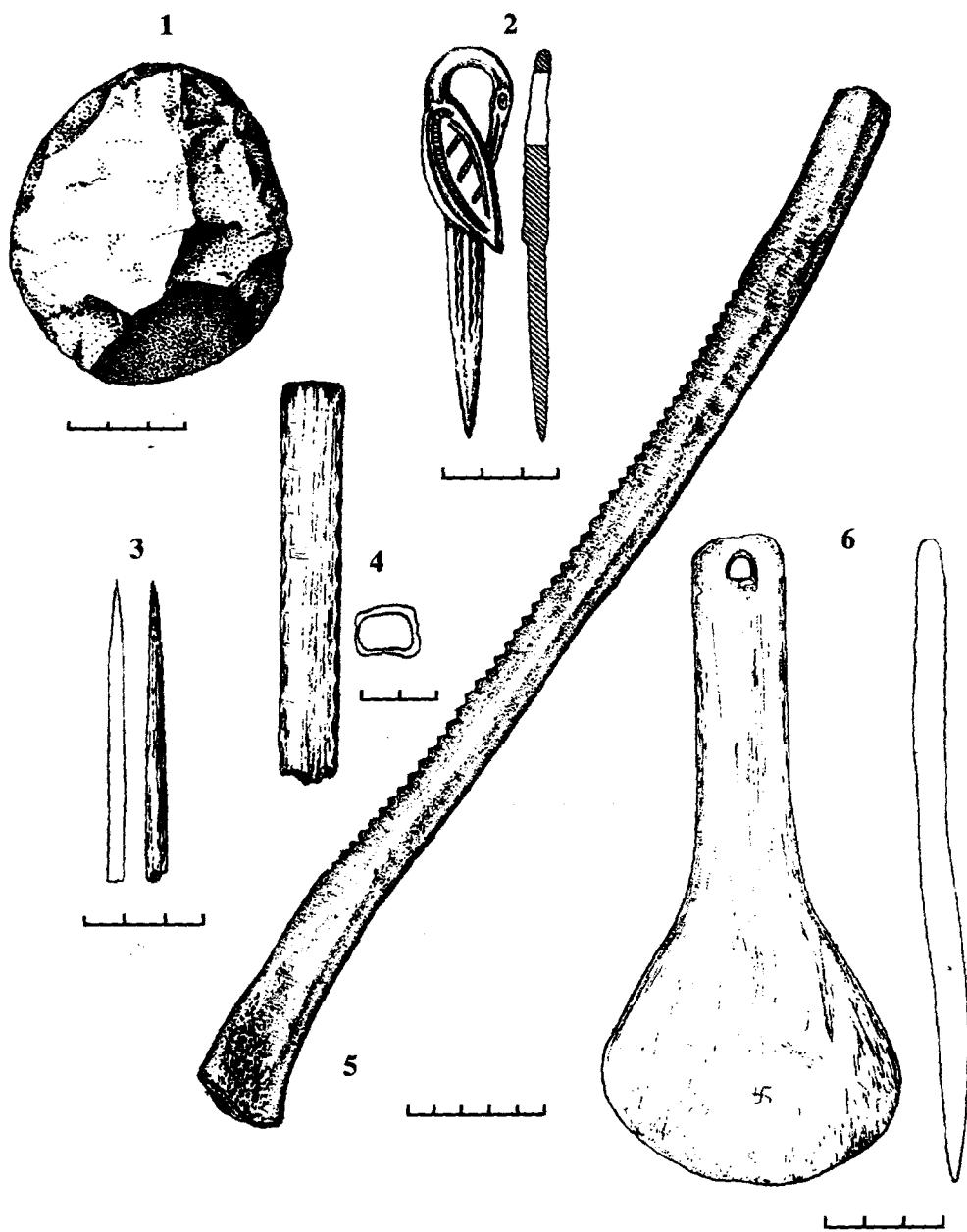
Изучение кожевенного дела на археологических памятниках Ямала приобретает особое значение как для развития трасологического метода, так и для реконструкции занятий населения. Именно в этом домашнем производстве, сохранившем свое место в жизни современных ненцев, хантов, селькупов, мы находим аналогии археологическим технологиям и орудиям.

Благодарности. Я искренне благодарна Н.В. Федоровой за предоставленные материалы из раскопок памятников Усть-Полуй, Тиутей-Сале I, Ярте VI, Зеленый Яр, П.А. Косинцеву за консультации и коллекции, собранные им. Т.А. Поповой за возможность трасологического изучения коллекции В.С. Адрианова (Усть-Полуй) в МАЭ, З.А. Тычинских за помощь в исследовании этнографической коллекции ТГИАМЗ, К.А. Ощепкову, Х.М. Езынги, З.И. Рандымовой за ценные сведения. Выполнение этой работы было бы невозможно без сотрудничества с Е.В. Переваловой.

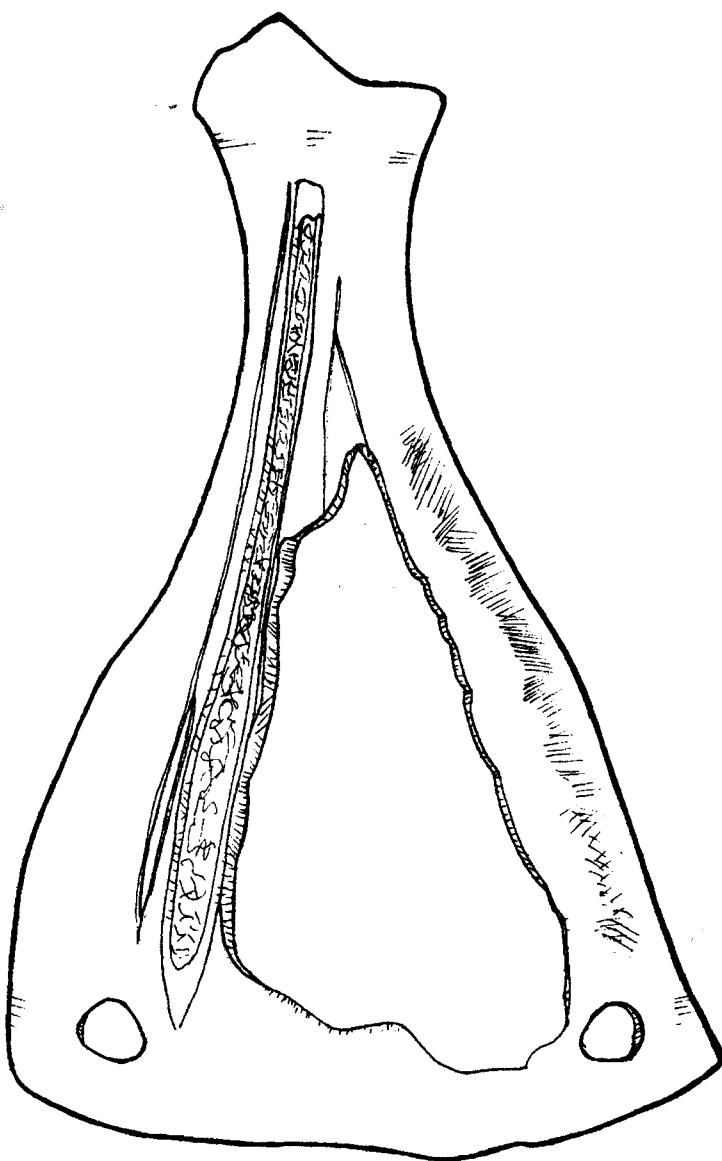
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
2. Алексашенко Н.А., Перевалова Е.В. Легенда о глупой женщине (трасологический метод в археолого-этнографических исследованиях: обработка кожи) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск. 2001.
3. Алексашенко Н.А., Перевалова Е.В. «Сон, падай, падай» (трасологический метод в археолого-этнографических исследованиях: гребни) // Самодийцы: Матер. IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (1–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск. 2001.
4. Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. 1953. №35.
5. Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. 1965. Вып. Д3–8.

6. Алексашенко Н.А. О назначении костяных изделий Усть-Полуя // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб., 1999.
7. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
8. Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.
9. Попов А.А. Нганасаны. М.; Л., 1948.
10. Ошибкина С.В. Веретье И. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
11. Алексашенко Н.А. Тиутей-Сале I. Результаты трасологического анализа // Федорова Н.В., Косинцев П.А., Фицхью В.В. Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала. Екатеринбург, 1998.
12. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998....
13. Хлобыстин Л.П. Исследования на севере Западной Сибири // АО — 1966. М., 1967.
14. Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947.
15. Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969.
16. Алексашенко Н.А. Оленья лопатка-орудие? // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб., 1999.
17. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. // МИА. 1951. № 22.
18. Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. 1957. № 54.
19. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991
20. Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890.
21. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XVII—XVIII вв. Иркутск, 1941.
22. Хомич Л.В. Ненцы. СПб., 1995.
23. Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.; Л., 1947.
24. Фридлянд А.А. Производство кожи. М., 1972.
25. Шренк А. Путешествие к Северо-Востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 году. СПб., 1855.
26. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992.
27. Гурвич И.С. Культура северных якутов — оленеводов. М., 1977.
28. Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М., 1948.

*Рис. 1. Кожевенный инструмент с Ямальских памятников.
1, 5, 6 — скребки; 2 — проколка; 3 — игла; 4 — игольник. 1, 3, 5 — Ярте VI;
2, 4, 6 — Усть-Полуй. 1 — камень; 2—6 — кость.*

0 3
cm

Рис. 2. Орудие из лопатки северного оленя. Ярте VI.

Д.А. Редин, С.В. Горшков

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО ИСТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

В конце 1996 г. по инициативе губернатора Ханты-Мансийского автономного округа А.Ф. Филипенко была начата работа по созданию уникального учебно-методического комплекса по истории возглавляемого им региона. Реализовать губернаторскую идею поручили научно-педагогической лаборатории «Волот», состоящей из специалистов, историков и археологов, много лет работающих в области изучения историко-культурного наследия автономного округа и, шире, Западной Сибири и Урала. Костяк авторского коллектива составили ученые из Уральского государственного университета (Н. Баранов, С. Горшков, Н. Миненко, Н. Попов, Д. Редин, А. Шашков) и Института истории и археологии Уральского отделения РАН (А. Зыков, С. Кокшаров) из Екатеринбурга, а также краеведы (В. Белобородов, Н. Патрикеев, Г. Черкашин) и учителя (Н. Мирошниченко, Л. Сенгепова) из Ханты-Мансийска.

Учебно-методический комплекс, состоящий из учебника, хрестоматии и программы учебного курса, представляет собой первый опыт систематического изложения истории заселения, освоения и развития территории, ныне занимаемой Ханты-Мансийским автономным округом, с древности до наших дней. Таких книг в нашей стране пока еще очень мало, потому что специальное изучение истории своего родного края началось в российских школах относительно недавно. Опытные, с большим стажем работы учителя могут, пожалуй, вспомнить, что раньше, лет двадцать-тридцать назад, в некоторых школах родная история изучалась, и курс этот назывался краеведением.

Таким образом, упомянутый комплекс посвящен региональной истории и существенно отличается от просто краеведческого, хотя в чем-то близок к нему.

В системе школьного образования краеведение рассчитано на младших школьников. Его задача — дать детям первоначальные представления о местной истории в рамках деревни, села, родного города, края; привить любовь и уважение к прошлому «малой» родины. Региональная история тоже преследует эти цели, но задачи ее шире. Во-первых, она призвана увязать представления о прошлом края с представлениями о прошлом страны и мира. Во-вторых, региональная история помогает понять, какое место и какая роль были отведены краю в мировом историческом процессе. Наконец, вместе с другими предметами, курс региональной истории призван дать школьнику качественную общегуманитарную подготовку, привить навыки научной работы, которые будут ему необходимы для дальнейшего обучения в высшей школе. Поэтому-то комплекс и предназначен для старших школьников.

Как уже говорилось, хронологические рамки изложенного учебного материала очень широки. Надо признаться, что в ходе работы авторам не раз приходилось сталкиваться с непониманием необходимости столь широкого освещения прошлого края.

Некоторые наши оппоненты настаивали на том, что было бы достаточно ограничиться периодом 1930—90-х годов, т. е. временем административного становления и развития округа. Такой подход к проблеме был и остается неприемлемым для коллектива авторов по нескольким принципиальным соображениям. Во-первых, потому, что, сознательно отказываясь от более глубокого проникновения в прошлое, мы сами себя обкрадываем. Многие наши современники помнят о попытке советских идеологов начать отсчет исторического развития страны с событий октября 1917 г. Другой пример такого рода находим в XVIII в., когда радикально настроенное крыло французских революционеров объявило началом новой эры, эры Свободы, 22 сентября 1792 г., расценив весь предшествующий этап развития человечества как время невежества и рабства, недостойное внимания. Но в обоих случаях жизнь все расставила по своим местам.

Историческое наследие нечленимо. Прошлое равноценно на всех своих этапах независимо от нашего отношения к тому или иному его периоду. Взаимосвязь эпох такова, что минувшее неизбежно влияет на сегодняшний день. И хотя, как известно, история не терпит сослагательного наклонения, в данном случае можно уверенно сказать, что нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа вместе с его экономической базой просто не было бы без той бесчисленной вереницы людей и событий, которая предшествовала образованию округа 10 декабря 1930 г. Отрицать это так же нелепо, как отрицать связь факта рождения и формирования в качестве конкретной личности каждого из нас с фактом существования наших пращуров. Необходимо понять также то, что без изучения истории своей родной земли с самого начала, «от Адама», мы обрекаем себя на историческую слепоту и в перспективе. Во-вторых, обращение к далекому прошлому края продиктовано и профессиональными соображениями. На сегодняшний день историческая наука накопила значительный материал в этой области, но он разбросан по научным монографиям и статьям, полевым отчетам и малотиражным тезисам конференций, а значит, широкому кругу читателей недоступен. Подробное и всестороннее изложение процессов развития края в школьном курсе восполняет этот недостаток.

Исходя из широких хронологических рамок, создатели учебно-методического комплекса по истории ХМАО вынуждены были особенно тщательно определить географические границы данного региона. До 1930 г. интересующие нас районы не были выделены в административное целое и даже не имели единого обобщающего названия. Наиболее корректным по отношению к ним мы сочли использование исторического наименования Югра и его производных Югорская земля, Югорское Обь-Иртышье. Причем нам приходилось постоянно помнить, что историко-географическое наполнение этих названий в течение веков изменялось. Так, например, в русских источниках XI—XIII вв. под Юграй понимались народ и земля, располагавшиеся в районах Северного Урала и Приуралья. Позже, с расширением и уточнением географических знаний, с переселением к северо-востоку некоторых финно-угорских народов (в частности, манси), с распространением на севере Западной Сибири русской колонизации, под Юграй стали понимать территории, большая часть которых локализовалась в рамках Пельмского, Березовского и Сургутского уездов. Однако Пельмский и часть Березовского уездов в разные времена охватывали, помимо прочих пространств, территории

Северного и Среднего Урала и низовьев Оби, выходящие за пределы современного Ханты-Мансийского автономного округа. Поэтому, руководствуясь принципами историзма, мы вынуждены были при описании древних и средневековых событий истории края выходить в той или иной степени за административные границы современного автономного округа.

Югорская земля рассматривалась авторами как органическая целостность, как системный элемент, входивший на разных этапах своего развития в более крупные системы: будь то экопространство древнейшей западносибирской тайги, или меридионально ориентированные политico-экономические и этнические союзы средневековых угров, или Российское государство XV–XX вв.

Одновременно было важно (насколько это представлялось возможным) не расширять географические рамки до масштабов Западной Сибири в целом.

Справиться с историко-географическими проблемами помогла система естественных природных координат, в первую очередь — речная система. Основной ареной событий, излагаемых на страницах учебника, стали бассейны Обь-Иртышского междуречья, Средней Оби и ее крупнейших притоков: Северной Сосьвы и Конды на западе, Казыма, Пима и Ваха на востоке и северо-востоке.

Отдельно следует сказать об особенностях учебника. Работая над ним, авторам хотелось, чтобы он получился насыщенным по содержанию и разнообразным по кругу затронутых в нем вопросов. Рискуя злоупотребить вниманием читателя, мы постарались на его страницах не только обобщить уже известный в научной литературе материал, но и дополнить его новыми, порой еще неопубликованными выводами и сведениями, полученными в результате собственной исследовательской работы.

Сам исторический материал располагался в учебнике по тематически-хронологическому принципу. Двенадцать глав учебника, отразившие основную периодизацию истории края и задавшие цельность и преемственность изложения, заключают в себе сорок восемь параграфов, которые группируют сквозные темы, посвященные экономике (хозяйству), политике, административной системе, культуре и быту края на разных этапах его развития. Подобная композиция позволила не только максимально равномерно (насколько позволяют источники) осветить богатое историческое наследие округа, но и с равной степенью уважения и объективности определить роль и место всех народов, как коренных, так и пришлых в историческом развитии края. Надеемся, что авторам удалось решить тем самым одну из труднейших задач: избежать евро- и русоцентризма,вольно или невольно присутствующего во многих работах по истории многонациональных регионов, отказаться от модели «истории колонизации», а с другой стороны — оценить тот вклад, который был внесен различными этносами в освоение и развитие территории, входившей в современные границы Ханты-Мансийского автономного округа.

Иллюстративный ряд учебника чрезвычайно насыщен и выполняет не только декоративно-оформительскую функцию, но и несет большой объем дополнительной информации, является неотъемлемой частью методического аппарата. В число более трехсот иллюстраций, свыше половины которых — цветные, входят оригинальные учебные карты, графики и диаграммы, значительное количество авторских реконструкций строительных объектов, вооружения, предметов быта и

обихода, характерных для северного Обь-Иртышья на разных стадиях его исторического развития. Особо следует обратить внимание на то, что в качестве иллюстраций были использованы репродукции картин известных местных художников. Они служат не только своеобразным дополнением и «комментарием» к тексту, но ценные сами по себе, ибо демонстрируют школьникам лучшие произведения изобразительного искусства автономного округа.

Неотъемлемой частью учебно-методического комплекса, помимо самого учебника, является хрестоматия (сборник материалов и документов). При отборе документов и материалов для хрестоматии авторы-составители попытались по возможности полно и сбалансированно осветить наиболее важные этапы и направления исторического развития края.

Используя материалы, опубликованные предшественниками, авторы-составители старались не дублировать сборники подобного типа, но также представили в этой книге и документы, которые либо не публиковались ранее, либо были опубликованы в изданиях, ныне малодоступных широкому кругу читателей. Документы в хрестоматии публикуются с учетом общепринятых правил, характерных для изданий учебного типа.

Совершенно очевидно, что тексты учебника и хрестоматии взаимодополняют друг друга. Это особенно отчетливо проявилось при апробации учебно-методического комплекса в школах округа.

Программа учебного курса, входящая в комплекс, создана с учетом авторского понимания региональной истории. Подробное и всестороннее рассмотрение процессов развития края и отражение его взаимосвязи с окружающим миром были двумя основными мотивами в отборе материала курса и в изложении содержания программы.

Предлагаемая программа может быть использована в рамках первого (6–9 классы) и второго (10–11 классы) концентров, в линейной схеме исторического образования, а также при составлении учителями планов спецкурсов, факультативов, семинаров.

В связи с этим учебно-методический план программы предлагается только как опорный, оставляя за педагогами право на определенный выбор материала и на собственную расстановку акцентов в нем в зависимости от целей и задач урока, возрастных особенностей аудитории, степени ее подготовленности и т.п.

Несомненно, учебно-методический комплекс по истории Ханты-Мансийского автономного округа станет достойным подарком всем жителям северного края к юбилейной дате — 70-летию со дня образования автономии. Ведь это труд многих людей, заинтересованных в том, чтобы у округа было достойное будущее. А оно достижимо только тогда, когда жители края, чувствуя за спиной поддержку тысяч ушедших поколений, гордились бы прошлым своей родной земли, бережно сохраняя в памяти все достойное и учитывая ошибки прежних лет.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.Ф. Косарев

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЮГРЫ

В 1999 г. в издательстве НПМП «Волот» вышла весьма объемная книга «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней»,* задуманная как учебное пособие для старших классов средней школы. Учебные издания, посвященные истории отдельных субъектов Российской Федерации, практикуются региональными издательствами уже не первый год и безусловно полезны, поскольку, помимо своей познавательной значимости, воспитывают у молодежи чувство сопричастности к истории родного края, вызывают уважение к своей малой родине, являющейся кровной частью нашей общей Родины — великой и многострадальной России.

Рецензируемая книга, как и другие вышедшие в последние годы региональные «Истории», наряду с достоинствами, имеет ряд недочетов и спорных моментов. Я хочу высказать свое мнение лишь о тех разделах книги, которые посвящены древним и раннесредневековому периодам истории Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), в основу которых положены археологические и археолого-этнографические источники (с. 16–93).

Сначала о безусловных достоинствах книги. В рецензируемых разделах увлекательно, доступным языком охарактеризована этапность древней истории ХМАО — от каменного века до раннесредневекового периода включительно, рассмотрены культурные и социально-экономические особенности историко-археологических эпох, общая и локальная специфика хозяйственно-бытовой и духовной жизни местного населения, характер и направление культурных и торговых связей, изложены важнейшие исторические события, в той или иной мере определявшие эпохальный колорит разных стадий культурно-исторического процесса на территории ХМАО и в сопредельных регионах.

Значительное место удалено причинам и социальным последствиям древних миграций в Западной Сибири, их роли в изменении этнической карты урало-сибирского суперрегиона и в корректировке традиционных систем жизнеобеспечения.

Авторы стараются излагать историю так, чтобы у читателя родилось чувство ответственности за родной край, за судьбу исконных народов Югорской земли, талантом и усилиями которых была создана в этой суровой таежно-болотной стране своя особая история, насыщенная героическими периодами и добром славой, а также оставлено богатейшее культурное наследие, сохранение и приумно-

* История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов // Отв. редактор Д.А. Редин. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 1999. 467 с.

жение которого способно сделать нынешние и будущие поколения обитателей Югории более сильными и более мудрыми.

В этой связи особенно значимы те разделы, где речь идет о взаимоотношении древнего человека и окружающей среды, об уважении ко всему живому, о почтительном отношении к Природе-Матери, которая в ответ на любовь и внимание наградила древних югров спасительным даром находить наиболее оптимальные пути выживания в условиях неоднократных исторических потрясений и экологических кризисов. Это несомненно поможет более глубокому сознанию тех бед, которыми чревато наше нынешнее, во многом хищническое отношение к Природе, и внесет вклад в приобщение молодежи к экологической культуре и экологической нравственности.

Весьма радует и обнадеживает то обстоятельство, что в издании рецензируемой книги принял доброе и полезное участие губернатор ХМАО А.В. Филипенко: он же предпослал книге очень содержательное вступление, обращенное к учащейся молодежи, с призывом в полной мере осознать особую историческую предназначность нынешнего молодого поколения и его ответственность за настоящее и будущее Югорского края.

Книга, насколько мне известно, пользуется вниманием в читательской среде; во всяком случае ее большой, по нынешним меркам, тираж (60 тыс. экз.) хорошо расходитя. Это свидетельствует о том, что российская читающая публика, буквально заваленная в последние годы дешевой массовой детективно-сексуальной и кликушеско-мистической книжной халтурой, активно ищет новые, более умные и более достойные пути овладения настоящим знанием.

Теперь о недочетах и спорных моментах. Большая их часть, наверное, объясняется неоправданно малой листажной долей, отведенной на изложение древней и раннесредневековой истории ХМАО (с. 16–93; примерно 1/6 часть всего объема книги). Если учсть, что едва ли не половина названных страниц занята рисунками вещей, репродукциями, фотографиями, картами и пр. (что само по себе весьма похвально), то оказывается, что текстовая часть, посвященная многотысячелетней дорусской истории ХМАО, уложена всего лишь в 40 с небольшим страниц. Это привело к определенной схематичности, даже тезисности изложения, а также к ряду упущений в конструировании общей историко-культурной концепции древней и раннесредневековой истории рассматриваемого региона.

Мне думается, что где-то вначале (во Введении?) следовало бы коротко оговорить место угроязычных (нынешние ханты, манси, венгры), финноязычных (нынешние финны, эстонцы, коми, мари, мордва, удмурты и др.) и самодийских (нынешние ненцы, энцы, ноганасаны, селькупы) народов в системе уральской языковой семьи, этапность ее распада по новейшим этнолингвистическим данным и т.д., чтобы читатель мог более зримо представлять себе, о предках каких «конкретных» финно-угро-самодийских народов на том или ином историческом этапе идет речь.

Не оправдано, на мой взгляд, рассмотрение древних народов ХМАО вне специфических историко-культурных (прежде всего орнаментальных, отступающе-накольчатой, печатно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и др.) традиций, вне археологических

культур, по крайней мере наиболее известных из них: сузунской (бронзовый век), усть-полуйской (период раннего железа), оронтурской, потчевашкой (раннее средневековые) и пр. Без таких этнокультурных привязок теряется этногенетическая ретроспектива, и древние народы перестают быть исторически осозаемыми.

Приходится сожалеть, что касаясь экологической культуры древних югров, их отношения к окружающему Миру, авторы не используют яркие фольклорные материалы (сказки, легенды, предания), повествующие о гибельности для человека нарушения законов Природы. Равным образом жаль, что остались без внимания шаманские песни, ритуалы и магические действия великого жизненного круговорота, категорий рождения и смерти, пространства и времени, добра и зла. Такие дословные фольклорные вставки помогли бы оживить текстовую часть книги, тем более что последняя рассчитана на учащуюся молодежь, чуткую к занимательным художественным отступлениям такого рода.

Наверное следовало бы уделить больше внимания так называемым «переходным» историко-археологическим периодам: между палеолитом и мезолитом, между мезолитом и неолитом, между неолитом и бронзовым веком, между эпохами бронзы и железа. Эти угловые исторические состояния совпадают с самыми крупными открытиями и достижениями человечества. Выявление особых климатических, экологических, демографических, социальных, мировоззренческих и иных обстоятельств, сопутствовавших этим «скачкам», изучение их соотношения и взаимосвязи чрезвычайно важно, т. к. вносит много нового в понимание содержания и динамики исторических процессов, позволяет глубже проникнуть в факторы и движущие силы социально-экономических «революций» древности.

Мне кажется, что авторы рецензируемых разделов несколько упростили историческую суть этих «переходных» ситуаций, зачастую сводя все: то к открытию обработки меди (начало энеолита: с. 24), то к освоению бронзолитейного дела (начало бронзового века: с. 24–27), то к изобретению железоделательного производства (начало железного века: с. 52). В действительности выше перечисленные новшества являются собой в каждом названном случае всего лишь один из многих показателей межэпохального всплеска развития производительных сил, наиболее археологических зримых (показателей), но далеко не всегда главных. К сожалению, археологи порою неоправданно отождествляют термины («энеолит», «бронзовый век», «эпоха железа») с одноименными научными понятиями, имеющими в отличие от термина (имени, обозначения) глубокое, многогранное и динамичное содержание.

Взяв на себя нелегкий труд написать древнюю и раннесредневековую историю ХМАО, авторы, с одной стороны, как бы обязались вести исследование в административных границах округа, а с другой стороны, оказались вынужденными все время выходить за рамки заданной территории, ибо многие югорские группы живут ныне и жили в прошлом далеко за пределами Ханты-Мансийского автономного округа. Поэтому в ряде разделов авторы, характеризуя древние и раннесредневековые историко-культурные и социально-экономические процессы, вообще «забывают» о ХМАО, акцентируя внимание на истории южно-таежного Обь-Иртышья, Приуралья, западносибирской лесостепи, восточноевропейских степей и т.д. (см. например, стр. 16–17, 60–66 и др.).

Поэтому не вызывает особого удивления, что за отсутствием в Ханты-Мансийском автономном округе палеолитических памятников, палеолит в книге представлен верхнепалеолитическими материалами южной зоны Урала и Западной Сибири, а знаменитый бронзовый нож с «лыжником», найденный в районе Омска (Ростовкинский могильник в низовьях Оми), изображен на археологической карте ХМАО (с. 29).

Получается, что по существу ни одна из археологически известных этно-культурных общностей не умещается на территории ХМАО; последняя обычно включает в себя лишь часть той или иной археологической культуры, уходящей другой частью своего ареала в Ямало-Ненецкий автономный округ или в более южные районы западносибирской тайги. Мне кажется, было бы рациональней писать (во всяком случае впредь) не «Историю Ханты-Мансийского автономного округа», а «Историю Югорской Земли» или «Историю югорских народов», где история ХМАО была бы подана не сама по себе, а как исходная, органическая часть великого югорского исторического целого.

Оценивая рецензируемую работу в целом, должен сказать: очень хорошо, что она вышла в свет, и весьма жаль, что книга не свободна от недостатков.

Т.И. Нохрина

НОВЫЕ КНИГИ ПО ЭНЕОЛИТУ УРАЛА *

Обсуждаемые работы посвящены кругу проблем древней истории Урала (Северного, Среднего и Южного) и частично примыкающих к нему территорий Восточно-Европейской (Камско-Вятское междуречье, междуречье рек Мезени, Вычегды, Печоры) и Западно-Сибирской (Тюменское, Курганское Притоболье, Нижнее Приобье) равнин, а также Туранской впадины (р. Тобол в этих пределах) и Казахской складчатой страны (р. Ишим). Уникальность Урала не только в том, что это естественная граница между Европой и Азией, это также одна из двух горных стран, имеющих меридиональную протяженность. В силу географического положения древнее население Урала было вовлечено в орбиту южных, западных и восточных связей.

Темой для исследования А.Ф. Шорин выбирает переходный период от неолита к эпохе бронзы (энеолит). Хронологические рамки, в пределах которых рассматриваются исторические явления, определяются А.Ф. Шориным концом IV — серединой II тыс. до н.э., т.е. собственно энеолит и период формирования андроновской культурно-исторической общности и андронионидных культур. Накопленная информация, рассредоточенная по сотням трудов, хотя и была

* Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: учебное пособие к спецкурсу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 92 с., 24 рис. Он же: Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 181 с., 43 рис.

неоднократно предметом обобщения, нуждается в дальнейшем анализе и более глубокой систематизации. Распространение или значительная близость энеолитических памятников Урала археологическим комплексам лесного и лесостепного Поволжья, Западной Сибири, лесостепного и степного Казахстана, а в ряде случаев более удаленных территорий требует рассмотрения уральских энеолитических культур в системе широких культурно-исторических образований. В связи с этим в рецензируемых научных трудах автор основной акцент делает на проблемах культурогенеза энеолитических культур Урала, их роли в формировании андроновской культурно-исторической общности и андроницких культур. Все эти обстоятельства подчеркивают актуальность работ А.Ф. Шорина.

А.Ф. Шорин опирается не только на информацию, содержащуюся в огромной научной литературе по предмету исследования, но и собственные введенные в науку материалы. При этом он не ограничивается сведением материалов из более частных региональных сводок, посвященных отдельным локальным областям, а доходит до первоисточников.

Каждая научная дисциплина оперирует специальными понятиями и концептуальными схемами. Применительно к теме исследования А.Ф. Шориным выстраивается следующая иерархическая система понятий — «культурно-историческая зона» — «культурно-историческая область (общность)» — «культурно-историческая провинция» — «археологическая культура (культурный тип памятника)» — «локальный район» — «контактный культурный район». Мы не будем оценить правильность построения представленной схемы (классификации) с точки зрения законов формальной логики. Это отдельная тема. Отметим только, что проблемы, присущие классификации как важнейшему элементу человеческой деятельности и, прежде всего, научной, связаны с отсутствием теоретических разработок самого особого феномена познания — классификации [1].

Культурно-историческая зона (аббревиатура КИЗ). Под этим термином понимается территория в основном лесной зоны Поволжско-Уральского региона, на которой в энеолите распространены культуры, отличительной особенностью глиняной посуды которых была по преимуществу гребенчатая техника нанесения декора. Проживание в сходных природных условиях определяло во многом и сходство в занятиях населения этого региона. В материальной и духовной культуре коллективов проявлялись общие черты. Существовало здесь, возможно, и некоторое этническое единство населения в рамках финно-угорской языковой семьи. Культурно-историческую зону энеолитических культур гребенчатой керамики лесной зоны Поволжско-Уральского региона составляли две культурно-исторические области — западная (волосовско-гаринская) и восточная (зауральско-казахстанская культурно-историческая область энеолитических культур гребенчатого геометризма).

Культурно-историческая область (аббревиатура КИО). Термин, используемый А.Ф. Шориным, близок определению, предложенному Н.Я. Мерпертом [2, с. 12–14]. По Н.Я. Мерперту, культурно-историческая область представляет собой сложное и многокомпонентное образование, объединявшее на определенном этапе ряд локальных групп и ряд соответствующих им археологических культур. Одновременно внутри области существуют признаки, как объединяющие эти культуры, так и придающие ей своеобразие. Как правило, такие области, распро-

страненные на огромных территориях, имели общее происхождение и первоначально общую (более узкую) территорию. А.Ф. Шорин считает, что культурно-историческую область составляют не только родственные группы населения («ядро»). Сюда могут включаться крупные массы чуждого КИО населения, как это иллюстрируется на примере формирования зауральско-казахстанской культурно-исторической области гребенчатого геометризма.

Культурно-историческая общность. В этом понятии делается акцент на этническую специфику территориально-культурного образования. Материальная и духовная культура населения определенной территории характеризуется близкими, а нередко тождественными признаками, обусловленными во многом близким этническим составом населения. В работах А.Ф. Шорина понятие «культурно-историческая общность» употребляется применительно к культурам андроновского мира (аббревиатура АКИО).

Культурно-историческая провинция. Под этим термином понимается часть культурно-исторической области, в материальной и духовной культуре населения которой более четко проявляются черты внутреннего сходства. Дефиниция, предложенная А.Ф. Шориным, в целом совпадает с определением Л.Н. Коряковой [3, с. 13]. В соответствии с этим в зауральско-казахстанской культурно-исторической области культур гребенчатого геометризма выделяет три провинции: северо-уральскую, зауральскую горно-лесную и казахстанскую; в волосовско-гаринской КИО — восточную (Камско-Вятскую).

Археологическая культура (культурный тип памятника). В трактовке этого понятия А.Ф. Шорин присоединяется к определению А.Я. Брюсова [4, с. 20], отмечая, что оно одно из самых дискуссионных. При выделении археологических культур автор рецензируемых работ предлагает учитывать совокупность следующих признаков: керамику, каменный инвентарь, особенности домостроительства, некоторые предметы духовной культуры, особенности погребальной обрядности, физический тип населения. Поскольку перечисленные выше признаки не всегда удается зафиксировать в полном объеме, при выделении археологической культуры А.Ф. Шориным учитывались, чаще всего, три или два первых из них (обязательным является ограниченная территория). Иногда при фиксации новых либо необычных для данной (вариант слабо изученной) территории приемов нанесения декора или его композиционного построения возникает необходимость обозначения данного явления. А.Ф. Шорин в этих случаях предлагает использовать термин «культурный тип памятников» такого-то типа поселения (название археологического объекта). Некоторые исследователи в аналогичных случаях употребляют термин «керамика ... (название памятника, где она впервые была зафиксирована) типа».

Локальный район. В рецензируемых работах А.Ф. Шорин термин использует для обозначения локальных вариантов культур восточной провинции волосовско-гаринской культурно-исторической области, выделенных Л.А. Наговицыным [5]. В локальных вариантах отражена специфика одной или нескольких энеолитических культур, распространенных на широкой территории. Памятники одной культуры в различных районах ее распространения обладают некоторыми местными особенностями, однако не настолько большими, чтобы быть выделенными в самостоятельную археологическую культуру.

Контактный культурный район. Под этим термином А.Ф. Шориным понимается особая территория, на которой на протяжении определенного временного отрезка происходило взаимодействие населения с разными традициями, сформированными на смежных, а иногда и удаленных территориях. Культурные типы памятников, существующих в таком районе, были производными от взаимодействия культурных традиций населения сопредельных территорий. Районы, где происходил контакт культур, могли образовываться либо в результате прямых миграций населения и смешения (существования) его с местным, либо в результате мощных импульсов из соседнего региона. Контактный район нередко возникал на периферии огромных культурных ареалов. Границы контактного района были неустойчивыми, поскольку как миграции, так и импульсы не были постоянными. В некоторых случаях такой район сам мог превращаться в очаг культурогенеза, т.к. возникновение новых археологических культур — результат в большой степени взаимодействия нескольких культурных традиций.

Понятийный состав научных средств требует строгости и точности терминологии [1, с. 123–130]. На наш взгляд, не все дефиниции или аббревиатуры, используемые в работах, можно признать удачными. Например, аббревиатуры КИО и АКИО в написании практически одинаковы, но расшифровываются по-разному. Описывая явления, выявляя генетические отношения между ними, археологи пользуются традиционным набором фундаментальных понятий, например, «энеолит», «археологическая культура», «тип». Однако можно заметить значительные расхождения в их определении, что объясняется, по-видимому, не только недостаточными теоретическими разработками в археологии как отрасли научного знания, но в значительной мере не разработанностью некоторых общеначальных положений, например, одного из элементов системы классификации, в качестве которого выступает понятие «тип». Например, под термином «тип памятника» в зависимости от наличия укреплений понимаются: стоянки, городища и селища [6, с. 25–26]. Судя же по контексту рецензируемых работ, А.Ф. Шорин, говоря о типе памятников, имеет ввиду аналог, причем выбирается только один признак (керамика). С такой трактовкой мы согласиться не можем.

Обратимся к дефиниции «энеолит». Переходный период от неолита к эпохе бронзы в зависимости от методологических установок исследователей именовался либо «энеолитом» [см. 7–9], либо более осторожным термином — «эпоха раннего металла» [10], «раннебронзовое время» [11, с. 3–6]. Вопросы о критериях выделения переходного периода преимущественно в лесной и отчасти в лесостепной зонах, его названии неоднократно обсуждались в археологической литературе [4, с. 5–7; 12, с. 5; 13, с. 9–11; 14, с. 5–8; 15, с. 200]. Определяя свое отношение к проблеме, А.Ф. Шорин считает, «что эпоха энеолита для лесной зоны Евразии ... характеризуется поступательным ходом исторического развития, когда во всех основных сферах жизнедеятельности населения этой природной зоны ... происходят существенные изменения».

А.Ф. Шорин эти изменения видит отраженными в следующих археологических реалиях. 1. В каменной индустрии фиксируется почти повсеместный переход от пластинчатой к отщеповой технике. 2. Использование населением многих регионов лесной зоны не только высококачественного, часто привозного, сырья, но и мес-

тного некачественного. Применение последнего, по мнению А.Ф. Шорина, — свидетельство дальнейшего совершенствования техники обработки камня, а не деградации каменной индустрии. 3. Усложнение декоративно-морфологической орнаментации глиняной посуды за счет включения в композиционную схему геометрических узоров, что делает сосуды более «нарядными». Изменение орнаментальной схемы, по мнению А.Ф. Шорина, видимо, отражает некоторые изменения в мировоззрении населения. 4. Более частое, чем в предшествующие эпохи каменного века, совершение захоронений в литосфере, что также связано с определенными изменениями в мировоззрении древних человеческих сообществ. Хронологическим индикатором погребений, по-видимому, могут служить подвески каплевидной и овальной формы, изготовленные из камня либо кости. 5. Знакомство населения лесной и лесостепной зон посредством обмена со скотоводческими формами хозяйства; заимствование их или начатки доместикации животных, прежде всего, лошадей. 6. Эпизодическое поступление в лесную зону простейших медных орудий и украшений из первых металлургических провинций Восточной Европы. Знакомство населения лесной зоны Северной Евразии со скотоводством и появление первых металлических изделий происходило через среду населения (или из нее) ямно-афанасьевского круга.

В целом особенности, характеризующие переходное от эпохи камня к эпохе бронзы время в лесной и от части лесостепной зонах, не вызывают возражений. Однако не со всеми положениями, выдвинутыми А.Ф. Шориным, можно согласиться. Это касается, прежде всего, оценки каменной индустрии. Приэматическое расщепление, переход к которому совпадает с началом верхнего палеолита, предполагает массовое производство, стандартных (курсив — Т.Н.) удлиненных заготовок с острым режущим краем максимальной протяженности при большей экономии сырья [16, с. 14–17]. Для получения максимального количества пластинчатых снятий как определенного типа заготовок из одной отдельности [17, с. 77] сырье должно обладать определенными свойствами — с минимальным количеством механических включений и трещин, т.е. быть качественным. Переориентация в эпоху энеолита на некачественное сырье, а также переход к отщеповой технике свидетельствуют о деградации пластинчатой (курсив — Т.Н.) индустрии. Использование же некачественного сырья требовало изменения способов его обработки. «Одна из вероятных причин смены технологии в любой эпохе — это изменения в типах орудий, изменение в требованиях к качеству скола, когда прежняя заготовка перестает быть удовлетворительной для новой формы орудия» [16, с. 23]. С нашей точки зрения, характеризуя каменную индустрию эпохи энеолита, необходимо уточнить, о какой составляющей ее идет речь: технике расщепления или иных приемах обработки. Трудно также согласиться с тем, что в эпоху энеолита, по крайней мере, на Южном Урале, фиксируется только поступление простейших медных орудий и украшений. Наряду с изделиями (шилья, проволока, ножички, предметы неясного назначения) на памятниках зафиксированы и остатки производства (капли меди, такие же капли на сосудах, слиточек меди, прокаленные медистые песчаники, фрагменты сосудов с ошлакованной внутренней поверхностью) [11, с. 96–107; 17, с. 52–58]. Л.Я. Крижевская полагает, что южно-уральский металлургический очаг возник самостоятельно, но теоретически допустим и внешний импульс из ямно-полтавкинского и опосредованно кавказского очагов [11, с. 104].

Для решения поставленной задачи — реконструкции культурогенеза в эпоху энеолита, А.Ф. Шорин анализирует как в целом культуру населения (в соответствии с концептуальной схемой), так и обращается к отдельным аспектам (погребальный обряд). Переходя к характеристике энеолитических культур Урала в системе культурно-исторических областей и провинций, А.Ф. Шорин акцент делает на выявление сходных существенных черт в материальной культуре. Основное внимание А.Ф. Шорин уделяет анализу технических приемов нанесения декора и его композиционному построению, считая их основой для культурологических (и даже этнических) реконструкций. Некоторые наблюдения автора отражены в таблицах, что наглядно демонстрирует его выводы. Однако остается непонятно — использовался ли прием шагающей гребенки на кызыкульской посуде. В таблице 2 этот признак отсутствует, а на рис. 17 изображена керамика, орнаментированная шагающей гребенкой.

Несомненным достоинством монографии А.Ф. Шорина можно считать раздел, посвященный погребальной обрядности энеолитического населения Урала и сопредельных территорий. Анализируемый в нем материал представляет собой наиболее полную сводку по этой проблематике. Несмотря на малочисленность источников (чуть более трёх десятков), А.Ф. Шорину удалось, на наш взгляд, корректно сопоставить имеющиеся материалы по погребальной обрядности исследуемого региона с аналогичными данными других территорий и культур.

Приступая к анализу генезиса энеолитических культур Урала и прилегающих территорий, хронологических рамок их функционирования, А.Ф. Шорин отмечает, что проблемы, связанные с их изучением, далеки от разрешения. С автором рецензируемым работ можно согласиться, что несмотря на все трудности, накопленный материал достаточен для формулирования в общих чертах основных положений культурогенеза изучаемого ареала. А.Ф. Шорин приходит к выводу, что окончательное оформление культурно-исторической области культур гребенчатого геометризма Урало-Казахстанского региона произошло, скорее всего, в позднем энеолите, и связывает это с территорией лесного Зауралья. К этому времени, по мнению А.Ф. Шорина, завершается объединение двух основных принципов декорирования посуды: первый характеризуется применением гребенчатой техники при нанесении простых (монотонных) и геометрических узоров, расположение которых горизонтально-зональное; второй — применением линейно (отступающей)-накольчатой техники, геометрическим орнаментом, горизонтальной и вертикальной разбивкой орнаментального поля. Первый принцип характерен для автохтонного населения, второй — для южных степных регионов.

Особенности территории, на которой проживало население культур гребенчатого геометризма, обусловливали, по всей видимости, многолинейные контакты с соседями. Сопоставляя как в целом культуру, так и отдельные ее проявления, А.Ф. Шорин совершенно естественно обращается к материалам кельтеминарской культуры. Тема эта не нова, но А.Ф. Шорин первый, кто попытался выявить максимум сходства в культурах. Конечно, всестороннее сопоставление культурных остатков было бы невозможно без появления новых источников (например, могильников). Автор рецензируемых монографий под другим углом зрения взглянул на проблему взаимоотношений населения южных и северных регионов,

считая, что нельзя говорить об одностороннем влиянии южных соседей на северных, а правильнее об активных культурных взаимосвязях. И это в целом новаторский подход. Свое видение проблемы А.Ф. Шорин иллюстрирует на примерах, сопоставляя форму посуды, технику ее орнаментации и декор, каменную индустрию, домостроительство, физический тип носителей культур. Но, на наш взгляд, автор несколько увлекается. Несмотря на то, что в культурах некоторых регионов севера Азии и Европы были распространены сосуды нестандартных, в том числе ладьевидных, форм, вряд ли это можно рассматривать как показатель северного влияния или его проявления. Прототипы ладьевидным можно найти в форме каменных сосудов, например, Кипра [15, с. 217], Месопотамии [18, рис. 5; 19, рис. 5, 3]. Глиняные сосуды близкой формы встречаются в джейтунской культуре [20, табл. XXXIV, 2, 3], энеолите Средней Азии [21, табл. II, III].

Касаясь проблем периодизации и хронологии памятников, входящих в культурно-историческую область культур гребенчатого геометризма, А.Ф. Шорин отмечает, что использование абсолютных дат, полученных для культур более южных лесостепных и степных регионов, для датировки комплексов лесной зоны Урала и Поволжья на данном этапе изучения энеолита требует осторожности.

К числу достоинств монографий А.Ф.Шорина можно отнести таблицу с приведенными датами (некалиброванными), полученными радиометрическим (^{14}C) методом.

Обобщение материала по энеолитической эпохе на Урале и выделение культурно-исторической области культур гребенчатого геометризма позволило А.Ф. Шорину несколько по-иному расставить некоторые акценты в проблематике формирования и сущности андроновской культурно-исторической общности и андронидных культур Зауралья и Западной Сибири.

В целом рецензируемые монографии, несмотря на наличие ряда спорных моментов, представляют собой значительный шаг вперед в изучении энеолитического времени на Урале, подводят итог определенному этапу исследований, дают представление о сумме накопленных к настоящему моменту данных. Следует отметить, что древняя история региона, исследуемого А.Ф. Шориным, отличается исключительной сложностью, поскольку Урал находится на стыке различных культур. Дальнейшие исследования позволят приблизиться к решению проблем, пионером изучения которых выступил А.Ф. Шорин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
2. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
3. Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург, 1991.
4. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

5. Наговицын Л. А. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993.
6. Авдусин А.А. Полевая археология СССР. Учеб. пособие. М., 1972.
7. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992.
8. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.
9. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
10. Панкрущев Г.А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. Л., 1964.
11. Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
12. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА. 1961. № 87.
13. Матющенко В.И. Вновь о «неолите» и «энеолите» в Западной Сибири // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Материалы совещ. Кемерово, 1999.
14. Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики) // МИА. 1971. № 180.
15. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973.
16. Некорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
17. Нохрина Т.И. Сосуды-тигли с энеолитических памятников Южного Урала // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996.
18. Бадер Н.О. некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
19. Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
20. Массон В.М. Введение. Постановка вопроса. Понятие «энеолит» // Энеолит СССР: Археология. М., 1982.
21. Энеолит СССР: Археология. М., 1982.
22. Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий // Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Н.В. Федорова

«ДОМ ИЗ КИРПИЧА» (к юбилею А.Ф. Шорина)

Время летит так быстро, день за днем, год за годом, ты все еще видишь себя тридцатилетним, а тебе уже пятьдесят. И твои сверстники, с которыми ты тридцать лет работаешь, дружишь, ездишь в поле, сидишь на собраниях и заседаниях — они уже немолоды, а ты и не заметил, как это все случилось. И вдруг, вспоминая того худого, кудрявого очкарика или девочку с длинной косой — предметом твоей зависти — думаешь: а если нам, тогдашним, показали бы нас теперешних, интересно, мы бы себе понравились или нет?

Мне кажется, что Шурику тогдашнему нынешний Александр Федорович понравился бы. Он не строит сияющих воздушных замков, но твердо стоит на земле, зная — что есть черное, что белое, и недолюбливает полутона. «Знаешь, — сказала мне моя подруга, — если бы он был двадцатилетним в Гражданскую — был бы комиссаром». Все (ну, или почти все) мужики страшно гордятся — до седых волос или лысой головы — своим армейским прошлым, даже если оно состояло из двух месяцев лагерей после четвертого курса, и любят петь военные песни. Александр Федорович гордится своим офицерством по праву — он отслужил два года сначала в Свердловске в стройбате, потом в Совгавани. Мне кажется, ему в армии было проще, чем некоторым другим, потому что он и сейчас часто повторяет: раз есть приказ, его надо выполнять — и нечего тут обсуждать. А наше научное озерко любит погонять волну то туда, то сюда и поговорить на тему: «а что было бы если бы...», и так до бесконечности. Представляю, как ему хочется иногда рявкнуть — но держится. Это уже, наверное, мудрость, пришедшая со временем, понимание, что все люди разные и их не подстрижешь под одну гребенку. Те, к кому эта мудрость приходит — становятся хорошими начальниками, к кому нет — плохими.

В канун юбилея принято вспоминать «основные вехи» и искать в еще детском лепете юбиляра подтверждение его нынешних успехов. У А. Ф. Шорина путь был прям и выверен со школьных лет. Он рассказывал, что решил стать археологом еще в седьмом классе. Бог мой, сколько семиклассников мечтают стать археологами, а потом это уходит, растворяется в понимании различия между юношеской романтикой и жизнью, осознании необходимости выбирать специальность, которая даст возможность зарабатывать деньги, а песни у костра хороши, когда тебе шестнадцать. Не думаю, что «песни у костра» сыграли роль

в выборе специальности у Александра Федоровича, скорее, интерес к истории и, наверное, подспудное желание поучаствовать в ее написании.

Итак, Александр Федорович родился 15 августа в г. Первоуральске в семье рабочих: отец работал на Новотрубном заводе мастером, мать там же штукатуром. Его сестра и сейчас работает на Новотрубном.

В 1969 году закончил школу в том же Первоуральске и сразу поступил на исторический факультет УрГУ — это для него было так естественно. И будущее ему тогда представлялось однозначным — с первого курса археологический студенческий кружок (сколько нас прошло через него под зорким взглядом нашего шефа — В.Ф.Генинга), бессрочные экспедиции по принципу «дан приказ ему на запад», а приказы не обсуждаются: вот и получается, что практику он прошел в Черноозерье, август провел в разведке с археологическим асом-второкурсником В.А. Борзуновым, а в сентябре докапывал поселение Мирный II в Челябинской области с Ю.П. Чемякиным, который в ту пору (в 1970 г.) был никакой не Ю.П., а просто студент третьего курса Юра.

Ему все было ясно со своим будущим, но не всегда это было также очевидно другим, и — самое главное — тому, кто в животе и смерти нашей археологической был волен — В.Ф. Генингу. Глядя на рассеянно похлопывающего линейкой по ноге и поминутно поправляющего очки длинного худого, как жердь, кудрявого юнца он сказал: «Нет, не быть ему археологом». Ошибся — с кем не бывает. А жизнь между тем катилась, от экспедиции к экспедиции, от памятника к памятнику, напоминая порой историю археологического изучения Западной Сибири и Зауралья: Андреевское озеро, Барсова Гора, озеро Аргази, Варненский район Челябинской области. Сформировался научный интерес — эпоха энеолита — бронзы.

В начале 70-х закончить истфак по любой специальности, кроме истории партии — значило отправиться в школу, и если очень повезет, эта школа будет в пределах досягаемости от очагов цивилизации, и лоси не будут заглядывать в твои окна. Про лосей, кстати, не метафора, а цитата из письма моего студенческого друга, получившего распределение в глухую деревню — теперь он очень известный археолог, и даже академик. И Александр Федорович честно, что так для него характерно — приказали, значит надо исполнять — три года работает в школе в Каменске-Уральском. Тут ему, можно считать, повезло, не в глухи, но он бы и в глухи работал те же три года, не пытаясь «свинтить» пораньше. Зимой преподавал, а летом, в отпуск, ездил в экспедицию на озеро Аргази — вполне нормально, никто ничего другого и не ждал. У нас в те годы вообще преобладала установка на экстремальность как норму жизни: уж если рюкзак за плечами, то неподъемный, и не важно, какого ты пола, и как это отзовется в будущем; если любишь археологию — будешь ездить в поле и зимой и летом, спать на лапнике на снегу, зажигать костер с одной спички и прочая и прочая. Наверное, скажи нам тогда кто-нибудь, что в отпуск можно поехать на теплое море и лежать там на пляже с утра до вечера, мы бы просто не поняли, решили, что человек скорбен головкой, вот в экспедицию — это да, это нормальная

жизнь. (К слову, большинство из нас и сейчас такие, ну не складывается с теплыми морями, а отпуск берут зимой, что бы работать. А хотелось бы на пляж...).

С 1977 г. археология наконец-то становится профессией — Александр Федорович начинает работать в археологической (хоздоговорной!) лаборатории УрГУ, единственном тогда подразделении, которое обеспечивало занятие любимым делом, и даже платило зарплату — с ума сойти, 105 рублей! Ежемесячно! Потом была уже упоминавшаяся служба в армии, а потом... его не взяли назад в лабораторию. Это многие из нас проходили: возвращаешься в родное подразделение после армии, аспирантуры или еще какого-нибудь вынужденного перерыва, а тебе говорят: мест нет, и идешь работать куда-нибудь на станцию юных туристов или в рекламное агентство.

Александр Федорович отправился в пединститут в г. Нижний Тагил. Наверное, это было его счастливой картой, если слово «карта» применимо к человеку, который жизнь свою строит, как дом, а не выигрывает в шальном переборе «повезет -не повезет». Там он встретил свою Ольгу, которую до сих пор при всех называет «Лапуля», там родилась Настя, там он получил навыки преподавательской работы в ВУЗе. Одно плохо — для занятий наукой оставалось опять же только свободное время, что не помешало ему, впрочем, написать и защитить в 1988 г. кандидатскую диссертацию. Александр Федорович был в заочной аспирантуре, что хорошо только в одном смысле — в смысле наличия палки-подгонялки в лице научного руководства (в нашем случае — М.Ф. Косарева) и отдела аспирантуры соответствующего учреждения. А он написал работу за два года вместо четырех положенных. В свободное от работы время.

Дальше — переезд в Екатеринбург, работа в новорожденном Институте истории и археологии, руководство «новостроенным» сектором, то есть опять же хоздоговоры и заказчики, которым никак не понять, почему они должны платить за развитие археологии в РФ. 22 сентября 1995 г. Александр Федорович защитил докторскую и вскоре стал зам. директора института. Он автор четырех монографий, более 80 статей. Сейчас невозможно представить себе изучение выбранной им в далеком прошлом эпохи без его работ. Уже четыре года он является профессором кафедры истории России УрГПУ, читает курс «История первобытного общества» и археологическую часть «Истории Урала», ряд спецкурсов. Все сложилось, как и должно было, как и строилось с самого начала.

Коллеги по руководству Институтом считают его основными качествами порядочность и честность, доходящие до абсолюта, надежность, отсутствие карьеризма равно как и естественных проявлений этого качества, то есть страсти к сбору и распространению слухов и мнений. Ему вообще не свойственно говорить о ком-то плохо за глаза. Реалист, трезво относится к себе и людям, не «человек тусовки» — это трудно уловимое понятие, все знают, как оно выглядит, но не могут определить, что это такое.

А мы думаем, что ему удалось самое важное — он сумел сплотить нас — таких разных, сложных, просто умных и гениальных, как признанных, так и не признанных, — в единный научный коллектив. И сделал он это в тяжелое время, когда аналогичные коллективы в других городах и учреждениях переживали кризисы и даже совсем разваливались. И руководит этим коллективом также, как делает все остальное: спокойно и надежно, по принципу — раз надо, значит надо.

Каждый из нас всю свою жизнь строит свой дом: иногда как глупый поросенок Ниф-Ниф, из веточек и соломы, иногда как его разумный братец — из кирпича, что бы стоял до века. И в конце концов, если ты сможешь сказать: «Мой дом — моя крепость» — что может быть лучше?

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
- АЭБ — Археология и этнография Башкирии
- ВАУ — Вопросы археологии Урала
- ВИ — Вопросы истории
- ГАСО — Государственный архив Свердловской области
- ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
- Зап. ЗСО РГО — Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического Общества
- Зап. РГО — Записки Русского географического Общества
- ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
- ЗУОЛЕ — Записки Уральского Общества любителей естествознания
- ИРГО — Императорское Русское географическое Общество
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии
- МИА — Материалы и исследования по археологии
- НА ТГИАМЗ — Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
- ПНИАЛ УрГУ — Проблемная научно-исследовательская лаборатория Уральского государственного университета им. А.М. Горького
- РА — Российская археология
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

СЭ — Советская этнография

ТИЭ — Труды Института этнографии

ТГУ — Томский государственный университет

ТГПИ — Тобольский государственный педагогический институт
им. Д.И. Менделеева

ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-
Маклая АН СССР

Тр.ГИМ — Труды Государственного Исторического музея

ТФ ГАТО — Тобольский филиал государственного архива
Тюменской области

Уз П(М)ГУ — Ученые записки Пермского (Молотовского)
государственного университета

ЭО — Этнографическое обозрение

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСАШЕНКО Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

БЕЛЬТИКОВА Галина Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ПНИАЛ УрГУ.

ВИКТОРОВА Валентина Дометьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ГОЛОВНЕВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ГОРШКОВ Сергей Васильевич, старший преподаватель кафедры истории России УрГУ.

КЕРНЕР Валентина Фридриховна, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

КОСАРЕВ Михаил Федорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.

КУРЛАЕВ Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

НОХРИНА Татьяна Ивановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

ПЕРЕВАЛОВА Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ПОГОРЕЛОВ Сергей Николаевич, заместитель начальника Отдела археологических исследований Областного Государственного учреждения «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области».

РЕДИН Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России УрГУ.

СЕРИКОВ Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор Нижнетагильского государственного педагогического Института.

ФЕДОРОВА Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ШИРОКОВ Владимир Николаевич, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

ШОРИН Александр Федорович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии УрО РАН.

LIST OF CONTRIBUTORS

ALEKSASHENKO Natalia Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

BELTIKOVA Galina Victorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Of the Archaeological Laboratory at the Urals State University.

VICTOROVA Valentina Domentianovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

GOLOVNEV Andrei Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

GORSHKOV Sergei Vasilievich, Senior Teacher of the Department of the History of the Russia at the Urals State University.

KERNER Valentina Fridrikhovna, Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

KOSAREV Mikhail Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute Archeology, Russian Academy of Sciences.

KURLAEV Evgenii Anatolievich, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

NOKHRINA Tatiana Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

PEREVALOVA Elena Valerievna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

POGORELOV Sergei Nikolaevich, Vice-Director of the Department of Archaeological Investigations at the Regional culture institution «Sverdlovsk regional scientific integrated center for historical and cultural sites' protection and exploration».

REDIN Dmitry Alexeevich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of the History of the Russia at the Urals State University.

SERIKOV Yuri Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Nizhny Tagil Pedagogical Institute.

FEDOROVA Natalia Victorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

SHIROKOV Vladimir Nikolaevich, Researcher at the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

SHORIN Alexander Fedorovitch, Doctor of Historical Sciences, Vice-Director of the Institute of History and Archeology, Urals Branch of Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер	3	
Статьи		
А.В. ГОЛОВНЁВ. Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле	5	
Е.В. ПЕРЕВАЛОВА. Войны и миграции северных хантов (по материалам фольклора)	36	
В.Ф. КЕРНЕР. «Живые» камни (к вопросу о семантике священных мест)	59	
В.Д. ВИКТОРОВА. Почему на птицевидных изображениях появились личины	74	
В.Н. ШИРОКОВ. Медвежья тема в наскальном искусстве Урала	93	
Ю.Б. СЕРИКОВ. О контактах и мезолитической среде Среднего Зауралья	109	
А.Ф. ШОРИН. Население эпохи развитой и поздней бронзы Урала в системе евразийских культурных связей	114	
С.Н. ПОГОРЕЛОВ. Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала	123	
Г.В. БЕЛЬТИКОВА. Иткульский очаг metallurgии: ориентация и связи	142	
Е.А. КУРЛАЕВ. Археологическое исследование Шувакишского железоделательного завода начала XVIII века	164	
Публикации		
Н.А. АЛЕКСАШЕНКО. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография)	184	
В помощь преподавателю ВУЗа и школы		
Д.А. РЕДИН, С.В. ГОРШКОВ. Учебно-методический комплекс по истории Ханты-Мансийского автономного округа	199	
Научная жизнь		
М.Ф. КОСАРЕВ. Новая книга по истории Югры	203	
Т.И. НОХРИНА. Новые книги по энеолиту Урала	206	
Наши юбиляры		
Н.В. ФЕДОРОВА. Дом из кирпича. К юбилею А.Ф.Шорина	214	
Список сокращений		218
Наши авторы	220 - 221	

TABLE OF CONTENTS

Publications of this issue	3
Papers	
A.V. GOLOVNEV. Bjarmia: unfinished saga of the Outside Land	5
E.V. PEREVALOVA. Wars and migrations of the northern Khanty (on folklore materials)	36
V.F. KERNER. «Living» stones (to the issue of semantics of sacral sites)	59
V.D. VICTOROVA. Why did faces appear on the bird-like images	74
V.N. SHIROKOV. The bear motif in the rock drawings of the Urals	93
Yu.B. SERIKOV. On contacts in the Mesolithic environment of the Middle East-Urals	109
A.F. SHORIN. The population of the developed and late Bronze Age in the Urals in the system of Eurasian cultural ties	114
S.N. POGORELOV. Wooden ware from the peat-bog sites of the Urals.....	123
G.V. BELTIKOVA. Itkul center of metallurgy: orientation and ties	142
E.A. KURLAEV. Archeological study of Shuvakish iron works of the early 18 th century	164
Publications	
N.A. ALEXASHENKO. Tanning industry in Yamal (archeology and ethnography)	184
To the teacher's notebook	
D.A. REDIN, S.V. GORSHKOV. Methodological materials on the history of the Khanty-Mansijsk Autonomous Okrug	199
Research news	
M.F. KOSAREV. New book on the history of Yugra	203
T.I. NOKHRINA. New books of the Eneolithic in the Urals	206
Our jubilees	
N.F. FEDOROVA. A brick house. To the anniversary of A.F. Shorin	214
List of abbreviations	
	218
Our authors	
	220 - 221

Научное издание

**УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 8.
ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ УРАЛА
В ЕВРАЗИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Технический редактор *Н. Гощицкий*
Компьютерная верстка *И. Головачев*
Компьютерный набор *И. Антроповой, М. Баранова,
А. Кузьминой, О. Шориной*

ЛР № 071852 от 30.04.99 г.

Подписано в печать 20.08.02 г. г.
Формат 70x100/16. Бумага Офсетная.
Гарнитура «Academy». Печать офсетная.
Усл. п. л. 18,06. Тираж 500 экз. Заказ № 125
Отпечатано в типографии УрО РАН

Издательство «Академкнига»
620034, Екатеринбург, ул. Толедова, 43а.